This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

lav 812.41

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

VERNER

//O VREMENI OBRAZOVANIIA PRIMAL//

1-2

//1-2//

Заказ № 1890/5 Дата 18/VII 66

Микросъемка / экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.

Все

ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Наименование или шифр издания О времени и причинах образов. мест. приказов.

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ

Not to be reproduced without permission

Тип. № 2 УПЛ. Зак. 1465—5000 28-4-65

З. 37
Ш. 2
П. 4
№ 28

И. И. Вернеръ.

О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ

ОБРАЗОВАНІЯ

МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗОВЪ.

МОСКВА.
Университетская типограф., Страстной бульваръ.
1907.

5000

И. И. Вернеръ.

О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ

ОБРАЗОВАНІЯ

МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗОВЪ.

МОСКВА.
Университетская типограф., Страстной бульваръ.
1907.

Slav 812.49 (1-2)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 17 1966

60 A.L.P.L.

О времени и причинахъ образованія Московскихъ приказовъ.

Изъ того, что въ настоящее время наша логика несходна съ логикой нашихъ предковъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы послѣдніе жили по законамъ одной необходимости, безъ всякихъ теоретическихъ соображеній.

Градовскій.

(Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи).

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде чѣмъ приступить къ вопросу о времени и причинахъ происхожденія Московскихъ приказовъ, мы должны выяснить въ нѣсколькихъ словахъ самое понятіе «приказнаго управленія» и указать на первые его зачатки еще въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи.

Понятіе «приказнаго человѣка» не имѣетъ опредѣленнаго матеріальнаго содержанія: оно можетъ означать всякаго человѣка, которому что нибудь поручено, «приказано» въ интересахъ другого лица; этимъ послѣднимъ могъ быть князь, его намѣстникъ, обыкновенный кормленщикъ, наконецъ—всякій частный человѣкъ свободнаго происхожденія, даже учрежденіе—монастырь. Самое порученіе, «приказъ», тоже могло носить различный характеръ: оно могло относиться къ частному хозяйству князя или намѣстника, но могло касаться и его публичныхъ правъ и обязанностей. Лицо, облеченное властью, могло поручить ея осуществленіе въ томъ или другомъ случаѣ—отъ *своего* имени и въ *своемъ* интересѣ—какъ своимъ слугамъ, холопамъ, такъ и свободнымъ лицамъ незнатнаго происхожденія, не имѣвшимъ самостоятельнаго права на участіе въ управленіи и на пользованіе его доходами.

Необходимо различать два значенія термина «приказное управленіе»—древнѣйшее, болѣе обширное, и позднѣйшее, болѣе тѣс-

ное. Въ первоначальномъ своемъ значеніи приказное управленіе есть вѣданіе личными слугами князя—свободными и несвободными—всего, что князь имъ прикажетъ, поручитъ вѣдать, — сначала его частныхъ доходовъ, а затѣмъ и государственныхъ (напр. судебныхъ), но тѣмъ-же способомъ, какъ и частныхъ [1]). Приказное управленіе въ этомъ древнѣйшемъ смыслѣ было чисто личнымъ, не вызывало къ жизни никакихъ учрежденій; мало того: не существовало въ эту эпоху и должностей въ смыслѣ государственныхъ органовъ съ строго опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства и предѣлами власти. Одному и тому же лицу князь могъ давать самыя различныя порученія, смотря по обстоятельствамъ, хотя, конечно, каждому приказному человѣку поручались *преимущественно* дѣла опредѣленнаго характера: отъ нихъ эти приказные люди и получали наименованія мытниковъ, таможниковъ, данщиковъ, доводчиковъ, казначеевъ, чашниковъ, стольниковъ, печатниковъ и т. д. Только въ XV в. въ Москвѣ появляются приказныя должности съ довольно точно опредѣленной сферой дѣятельности, хотя нельзя сказать этого про всѣ должности—напр. про должность казначея. Такое личное приказное управленіе продолжало существовать и въ Москвѣ XVI—XVII вв., въ лицѣ «прикащиковъ»—городовыхъ и дворцовыхъ,—и не только съ частно-хозяйственнымъ характеромъ, такъ какъ городовые прикащики были органами государственнаго управленія.

Во второмъ смыслѣ, позднѣйшемъ, болѣе тѣсномъ, приказное управленіе существовало начиная только съ XVI в. въ Москвѣ. Это было управленіе дѣлами государственными или дворцовыми на пространство всего государства или извѣстной опредѣленной части его, посредствомъ спеціальныхъ центральныхъ учрежденій съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и кругомъ вѣдомства и съ нѣкоторыми установившимися формами дѣлопроизводства.

Наша задача разсмотрѣть, по мѣрѣ возможности, обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе приказныхъ органовъ центральнаго управленія во второмъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ этого термина, въ смыслѣ управленія посредствомъ центральныхъ *учрежденій*, организованныхъ по приказной системѣ. Новое приказное управленіе основывалось не на политическихъ правахъ органовъ государственной власти, какъ управленіе старыхъ посадниковъ кіевскаго періода, — не на договорѣ между княземъ и служилымъ человѣкомъ, какъ управленіе кормленщиковъ—на-

---

[1]) Различіе между государственными и частновладѣльческими доходами князя существовало и въ XII в., можетъ и раньше, но не было, да и не могло еще быть различія въ способѣ ихъ полученія, ихъ вѣданія.

мѣстниковъ удѣльнаго періода, но на началѣ порученія съ принудительнымъ, обязательнымъ характеромъ. На такой характеръ обязательности службы органовъ приказнаго управленія своему князю указываетъ уже самое слово «приказъ»—порученіе съ оттѣнкомъ обязательности, но еще болѣе—общественное положеніе приказныхъ органовъ. Несомнѣнно, что прежде, чѣмъ стать къ князю въ публично правовыя отношенія, какъ къ носителю верховной власти, эти органы уже стояли къ нему въ частно-правовыхъ отношеніяхъ, какъ холопы къ своему господину или какъ лично-обязанные должники къ своему кредитору. Но врядъ ли можно настаивать на вотчинномъ происхожденіи системы приказнаго управленія, на происхожденіи органовъ этой системы изъ органовъ частнаго и именно вотчиннаго хозяйства князя. Зависимость первоначальныхъ органовъ приказнаго управленія отъ князя была чисто *личной*, а не поземельной, не вотчинной зависимостью. Самая власть князя по отношенію къ землѣ и ея населенію никогда не имѣла вотчиннаго характера, а всегда была властью государственной. Этому нисколько не мѣшало то обстоятельство, что къ подчиненнымъ органамъ, осуществлявшимъ нѣкоторыя функціи этой власти, князь стоялъ еще въ частно-правовыхъ отношеніяхъ. Южно-русскій князь не былъ «вотчинникомъ» своего княженія, не имѣлъ въ немъ частновладѣльческихъ правъ на землю, а только государственныя права суда и дани.

Второе изъ этихъ правъ было древнѣе и происходило прямо изъ факта «насельничества», насильственнаго или мирнаго водворенія въ волости вооруженной дружины. Право суда указывало уже на нѣкоторую внутреннюю связь, возникавшую между «землею» и насельниками. По мѣрѣ усложненія обязанностей князя, перехода въ его руки суда и неизвѣстныхъ ему раньше заботъ объ «устроеніи земли», князю стало скоро не подъ силу справляться одному съ дѣлами управленія, хотя бы и съ помощью старшей дружины.

Дружина только думала съ княземъ о дѣлахъ, творила съ нимъ вмѣстѣ судъ, но изъ ея состава еще не выдѣлялось постоянныхъ органовъ, которымъ можно было бы поручить всецѣло—безъ непосредственнаго участія князя—какую нибудь отрасль суда или управленія. Своихъ «вольныхъ слугъ», какими являлись старшіе дружинники, князь не могъ заставить дѣлать что нибудь за себя, не поступаясь въ ихъ пользу и доходами отъ отправленія данной правительственной функціи. Но кромѣ этихъ вольныхъ слугъ были у князя и слуги подневольные, холопы или полусвободные люди, зависѣвшіе отъ него экономически и юридически, по началамъ частнаго права: вотъ этимъ то слугамъ князья еще въ

XI вѣкѣ начинаютъ поручать отправленіе суда въ стольномъ городѣ, такъ какъ это была пока его единственная обязанность по внутреннему управленію, требовавшая много силъ и времени. Поручить судъ и въ стольномъ городѣ своимъ «мужамъ» изъ разряда вольныхъ слугъ, какъ это давно уже (со временъ Рюрика) князья стали дѣлать по отношенію къ пригородамъ, значило бы лишиться и тѣхъ доходовъ, которые еще оставались въ рукахъ князей за раздачей пригородовъ посадникамъ. Этого князья не могли допустить и естественно додумались до новой системы управленія въ своемъ стольномъ городѣ [1], тѣмъ болѣе, что додуматься до нея было гораздо легче, чѣмъ дойти до мысли поручить этимъ же людямъ, стоявшимъ въ лично зависимыхъ отношеніяхъ къ князю, управленіе цѣлыми пригородами или областями, удаленными отъ стольнаго города: здѣсь они были на глазахъ у князя, подъ его надзоромъ, не имѣли никакой самостоятельности (по крайней мѣрѣ— de jure), исполняли одно какое нибудь порученіе князя, которое завтра же могло быть смѣнено другимъ. Въ области же, на намѣстничествѣ, вдали отъ стольнаго города, они поневолѣ сдѣлались бы самостоятельными до извѣстной степени, такъ какъ должны были бы замѣнять князя: но замѣнять его могъ только свободный человѣкъ, воинъ, который самъ, какъ членъ дружины, имѣлъ право на участіе въ пользованіи верховной властью, но никакъ не слуга, подневольный человѣкъ, не имѣющій никакихъ политическихъ правъ и даже по общественному своему положенію стоящій ниже обыкновенныхъ свободныхъ людей.

Эти княжьи тіуны XI—XII вв., судившіе по порученію князя, были предшественниками позднѣйшихъ «приказныхъ людей», самыми типическими представителями которыхъ явились впослѣдствіи московскіе дьяки XVI — XVII вв. Какъ уже сказано, тіуны — эти «приказные люди» удѣльно-вѣчевого періода — не имѣли никакой самостоятельной власти, почему мы и не можемъ считать ихъ *органами* центральнаго управленія. *Единственнымъ* центральнымъ органомъ власти на всей территоріи княжества былъ въ этотъ періодъ самъ князь и въ его лицѣ органъ центральнаго управленія совпадалъ съ носителемъ верховной власти въ княжествѣ. Другихъ центральныхъ органовъ еще не было. Всѣ непосредственные помощники князя—какъ по вотчинному, такъ и по государственному управленію (дворецкій, казначей, оружничій, печатникъ),—не имѣя самостоятельной власти, являлись чѣмъ то въ родѣ личныхъ секретарей князя. Сколько нибудь строгаго разгра-

[1]) Что она была новой, свидѣтельствуетъ то недовольство, съ какимъ относилось къ ней тогдашнее общество и даже болѣе консервативные и строгіе къ себѣ князья, какъ Мономахъ.

ниченія предѣловъ вѣдомства различныхъ органовъ приказнаго управленія первоначально не существовало, какъ не существовало и «должностей» въ современномъ смыслѣ этого слова. Порученія были чисто *личными*: предѣлы и характеръ власти дворецкаго, казначея и т. д. вполнѣ зависѣли отъ индивидуальныхъ качествъ лица, носившаго въ данное время это званіе. Приказныя «должности» въ нынѣшнемъ значеніи (хотя все еще съ недостаточно установившейся компетенціей) появляются въ Москвѣ не раньше XIV вѣка. Что же касается до учрежденій съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и кругомъ вѣдомства и съ извѣстными формами дѣлопроизводства, то такія учрежденія, основанныя на принципѣ приказнаго управленія, появляются въ Москвѣ не ранѣе начала XVI вѣка. Зародышей позднѣйшаго центральнаго приказнаго управленія по дѣламъ общегосударственнымъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать не въ органахъ, управлявшихъ различными дворцовыми вѣдомствами,—эти органы носили характеръ территоріальный и вотчинный,—но въ лицахъ, непосредственно помогавшихъ князю въ осуществленіи его *публичныхъ* функцій: дворецкій [1]) (въ качествѣ судьи привиллегированныхъ лицъ), казначей [2]), печатникъ [3]) и дьяки [4]) — являются настоящими зачатками позднѣйшихъ органовъ центральнаго подчиненнаго управленія, тогда какъ появившіеся нѣсколько ранѣе (съ XI в.) тіуны и сборщики княжескихъ доходовъ разнаго наименованія (вирники, мытники, таможники и т. д.) являются зародышами позднѣйшихъ органовъ мѣстнаго управленія.

---

[1]) Впервые упоминается подъ 1171 г. (Ипат. лѣт.).

[2]) Раньше назывались ключниками—Ипат.—1154 г., съ XIV в. казначеями — 1356 г. С. Г. Г. и Д., I, № 25.

[3]) Карамзинъ, т. IV, пр. 20—1241 г.

[4]) С. Г. Г. и Д., I, № 25.

I. Общія причины возникновенія системы приказовъ.

Въ XV—XVI в.в. Московское Государство, еще не успѣвшее закончить процессъ объединенія восточной Руси, было поставлено лицомъ къ лицу съ тяжелыми внѣшними и внутренними затрудненіями. Окруженная со всѣхъ сторонъ сильными и безпокойными врагами,—Литвой, татарами, шведами,—съ тревогой смотрѣвшими на возникновеніе новаго могучаго государственнаго тѣла,—Москва нуждалась прежде всего въ войскѣ, достаточно сильномъ, чтобы сдерживать ихъ напоръ. Но для того, чтобы содержать войско нужны были деньги. Гдѣ взять денегъ—вотъ первый и, несомнѣнно, самый важный вопросъ, который представлялся Московскимъ Государямъ и ихъ помощникамъ по управленію въ теченіе всего XV—XVI в.в. Вся ихъ внутренняя политика, всѣ реформы въ строѣ управленія сводятся къ неустанному стремленію рѣшить этотъ вопросъ, тяжелый, но неизбѣжный. Но въ своихъ стараніяхъ найти новые источники доходовъ они не руководились какими нибудь теоретическими соображеніями, какъ впослѣдствіи Петръ Великій, не создавали въ цѣляхъ фискальныхъ заранѣе строго обдуманныхъ и регламентированныхъ отношеній; путемъ опыта, часто весьма продолжительнаго и нелегкаго, приходили они къ лучшимъ, то есть простѣйшимъ, удобнѣйшимъ и доходнѣйшимъ способамъ добыванія необходимыхъ финансовыхъ средствъ, такъ что вся почти приказная система, какъ она сложилась къ концу XVI в., вытекла, такъ сказать, сама собой изъ этого главнаго и постояннаго стремленія Московскаго правительства—добыть денегъ для содержанія войска, поскольку это стремленіе должно было сообразоваться съ историческими, экономическими и бытовыми условіями того времени. Не Московское правительство создало приказную систему (въ смыслѣ управленія посредствомъ приказныхъ учрежденій, а не личныхъ приказныхъ органовъ, какъ было раньше): оно очень мало заботилось въ то время о созданіи какой бы то ни было «системы» управленія, какъ мы теперь понимаемъ это слово: систему эту создала сама жизнь,—вся совокупность условій тогдашняго

общественнаго быта, но подъ сильнымъ и непрерывнымъ вліяніемъ финансовой политики Московскаго правительства. Причины, благодаря которымъ московское центральное управленіе получило тотъ характеръ, съ какимъ мы его встрѣчаемъ къ концу XVI в., ясны и понятны: Московскому Государю нужны деньги, а между тѣмъ огромная часть государственной территоріи, находясь въ управленіи намѣстниковъ, отдаетъ имъ почти всѣ сборы, такъ что на долю центральнаго правительства ничего почти не остается. А между тѣмъ—тутъ же, рядомъ съ намѣстниками, есть у Государя другіе правители—«дьяки», казначеи, всякіе «приказные люди», которые правятъ не хуже намѣстниковъ, а всѣ доходы отдаютъ ему—Государю. Естественно, онъ начинаетъ стараться, гдѣ можно, замѣнить намѣстническое управленіе приказнымъ или хоть изъять изъ вѣдѣнія намѣстниковъ нѣкоторыя, особо важныя статьи и передать ихъ въ управленіе «приказнымъ людямъ» или, наконецъ, придать этихъ приказныхъ людей намѣстникамъ «въ товарищи», другими словами—подчинить намѣстниковъ ихъ контролю, вообще ограничить такъ или иначе эту невыгодную для него—Государя—систему управленія.

Здѣсь мы касаемся второй важной причины торжества приказной системы въ московскомъ центральномъ управленіи: это была долгая, въ началѣ скрытая, почти незамѣтная борьба Московскихъ Государей съ намѣстническимъ управленіемъ и съ системой кормленій. Въ сущности, борьба эта была лишь частнымъ проявленіемъ многовѣковой борьбы двухъ составныхъ элементовъ нашего стараго управленія—князя и вольнаго служилаго класса, нѣкогда составлявшихъ одно неразрывное цѣлое, а затѣмъ дифференцировавшихся и ставшихъ другъ противъ друга, защищая каждый свои интересы; борьба эта, сначала глухая, выходитъ наружу при Иванѣ III и завершается опричниной и смутнымъ временемъ. Обостренію ея и ускоренію развязки болѣе всего способствовало измѣненіе состава высшихъ слоевъ московскаго служилаго класса: старыхъ московскихъ бояръ, потомковъ дружинниковъ,—все же «слугъ», хотя и вольныхъ,—великаго князя,—стали оттѣснять на второй планъ дѣти и внуки удѣльныхъ князей, такихъ же Рюриковичей, какъ и великій князь Московскій.

Московскіе намѣстники XV, начала XVI в. были очень часто прямыми наслѣдниками удѣльныхъ князей. Еще чаще удѣльные князья, потерявъ свои державныя права, сдѣлавшись слугами великаго князя, продолжаютъ владѣть своими бывшими удѣлами въ качествѣ частныхъ собственниковъ, при чемъ обыкновенно пользуются разными привилегіями, какъ остатками своихъ бывшихъ правъ. Естественно,—отношенія этихъ бывшихъ удѣльныхъ князей къ ве-

ликому, ихъ взгляды на его власть и на свои права были иные, чѣмъ взгляды старыхъ московскихъ бояръ. Стремленіе московскихъ государей постепенно ограничивать объемъ власти и правъ намѣстниковъ обнаруживается очень рано. Въ отношеніи сбора ими доходовъ отъ управленія скоро появился цѣлый рядъ ограниченій. Количество этихъ доходовъ и размѣръ «кормовъ» болѣе или менѣе точно опредѣляются правительствомъ заранѣе въ наказныхъ спискахъ. Правительство велитъ намѣстникамъ [1]) собирать эти доходы, черезъ земскихъ выборныхъ властей, а не черезъ своихъ людей, тіуновъ. Самое время кормленія ограничивается теперь извѣстнымъ срокомъ, чаще всего годичнымъ, который однако можетъ быть продолженъ. Вообще, ограниченія власти намѣстниковъ начались именно въ сферѣ финансоваго управленія, такъ какъ эта область правительственной дѣятельности — собираніе всякаго рода доходовъ— обращала тогда на себя наибольшее вниманіе всякого правительства, а особенно Московскаго—постоянно нуждавшагося въ деньгахъ. Какъ уже сказано выше, изъ числа намѣстническихъ доходовъ съ самого начала былъ изъятъ цѣлый рядъ податей—а именно, подати, возникшія изъ татарскаго завоеванія и изъ военныхъ потребностей, т.-е. дань, ямскія, полоняничныя и стрѣлецкія деньги, и, конечно, всякіе доходы съ дворцовыхъ земель и съ владѣній лицъ, получившихъ тарханныя грамоты. Всѣ эти доходы собирали органы приказнаго управленія. Еще въ XIV в. эти органы (казначеи, дьяки) собирали и на *черныхъ* земляхъ денежный оброкъ [2]) вмѣсто старыхъ натуральныхъ повинностей—и вели оброчныя книги и записи. Въ XVI в. изъятія изъ вѣдѣнія намѣстниковъ разныхъ сборовъ и порученіе ихъ особымъ сборщикамъ, такъ же какъ и выдача духовнымъ и свѣтскимъ владѣльцамъ и цѣлымъ общинамъ и чернымъ волостямъ жалованныхъ грамотъ, освобождавшихъ ихъ за извѣстный оброкъ въ пользу князя отъ намѣстничьяго суда и отъ платежа намѣстничьихъ доходовъ, сдѣлались очень часты. Въ области *суда* стремленія правительства къ ограниченію власти намѣстниковъ ясно выражено въ постановленіяхъ обоихъ судебниковъ, особенно при сравненіи соотвѣтствующихъ статей ихъ;— напр., ст. 38 Суд. 1497 г. требуетъ присутствія на судѣ кормленщиковъ, имѣвшихъ право «боярскаго суда»,— «дворьскаго, старосты и лутчихъ людей», а соотвѣтствующая ей ст. *62* Суд. 1550 г. говоритъ о присутствіи дворскаго,—тамъ, гдѣ онъ есть, старосты, лучшихъ людей и цѣловальниковъ [3]); ст. *20* и *43* суд. 1497 г. за-

---

[1]) А. А. Э. I, № 6. А. Ю., № 161. С. Г. Гр. и Д., II № 46 Д. въ А. И., I, № 216.

[2]) А. А. Э., I, №№ 34, 35, 107, 186.

[3]) Замѣнившихъ, по мнѣнію пр. Владимірскаго-Буданова, „добрыхъ людей“ (судныхъ мужей) эпохи Ивана III.

прещаетъ намѣстникамъ и волостямъ, не имѣющимъ права «боярскаго суда», выдавать безъ доклада грамоты бѣглыя и правыя, а также отпускныя и «татя и душегубца не пустити, и всякого лихого человѣка безъ докладу ни продати, ни казнити, ни отпустити».

Царскій судебникъ еще больше ограничиваетъ объемъ боярскаго суда—ст. 63 Суд. 1550 г. разрѣшаетъ лицамъ, имѣющимъ это право, давать безъ доклада только полныя и докладныя, тогда какъ по Судебнику 1497 г. они очевидно имѣли также право выдачи бѣглыхъ и правыхъ, такъ какъ выдача этихъ послѣднихъ (безъ доклада) запрещается только лицамъ безъ права «боярскаго суда»; ст. 71 суд. 1550 г. распространяетъ дѣйствіе ст. 43 суд. 1497 г. запрещающей безъ доклада казнить, отпустить или «спродати» лихого человѣка, на всѣхъ кормленщиковъ безъ изъятія, какъ «съ судомъ боярскимъ», такъ и безъ него; наконецъ ст. 60 суд. 1550 г. вовсе исключаетъ изъ вѣдѣнія намѣстниковъ разбойныя дѣла («вѣдомыхъ разбойниковъ») и передаетъ ихъ вновь учрежденнымъ губнымъ старостамъ [1]). Такимъ образомъ, судебная власть намѣстниковъ ограничивалась, какъ замѣчаетъ Градовскій, двумя путями: расширеніемъ случаевъ доклада и усиленіемъ на судѣ земскаго элемента [2]).

Послѣ цѣлаго ряда частныхъ ограниченій правъ намѣстниковъ въ сферѣ суда и финансоваго управленія,—въ серединѣ XVI столѣтія, въ эпоху самой напряженной борьбы царя съ боярствомъ,—Московское правительство дѣлаетъ нѣсколько попытокъ установить—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—совмѣстное управленіе намѣстниковъ и дьяковъ [3]), а затѣмъ и вовсе упраздняетъ власть намѣстниковъ въ большей части государства, возлагая ихъ обязанности частью на общины, на выборные земскіе органы, частью на органы приказнаго управленія. Смутное время смело послѣдніе остатки этого отжившаго свой вѣкъ учрежденія. Итакъ, возникновеніе приказной системы центральнаго управленія въ Московскомъ государствѣ надо ставить въ связь—во-первыхъ—съ усиленіемъ расходовъ на оборону страны, вызванныхъ новымъ международ-

---

[1]) Первая изъ извѣстныхъ намъ губныхъ грамотъ (Бѣлозерская) относится къ 1539 г. окт. 23. (А. А. Э., I, № 187).

[2]) Исторія мѣстнаго управленія, стр. 343.—(Собр. Соч., 1899, т. II).

[3]) Въ Новгородѣ—въ 1555—6 г. (Д. А. И., I, 47 и 49—112); въ 1552 г. дьяки собирали въ Важскомъ уѣздѣ посошныя деньги, въ 1582 г.—городскіе прикащики собирали тѣ-же деньги въ Ярославлѣ, см. пр. Сергѣевича, „Русскія Юридическія древности“, т. I, 493—500. Дмитріевъ не точно говоритъ, будто въ Новгородѣ въ 1555 г. все управленіе было отдано дьякамъ. „Исторія судебныхъ инстанцій“, 1859 г., стр. 23, Новгородскій намѣстникъ, кн. Палецкой, а затѣмъ кн. М. В. Глинскій, получали только половину доходовъ отъ суда, а другая шла царю черезъ его дьяковъ. Нѣкоторые же предметы управленія и доходы были всецѣло отданы дьякамъ.

нымъ положеніемъ Москвы въ XV—XVI вв.,—и во-вторыхъ—съ постепеннымъ измѣненіемъ системы мѣстнаго управленія, т. е. ограниченіемъ власти намѣстниковъ и замѣной ихъ самоуправленіемъ общинъ или мѣстными приказными органами.

Второе явленіе отчасти обусловливалось первымъ, но, главнымъ образомъ, перемѣной во взаимныхъ отношеніяхъ князя и стараго служилаго класса, которая опять таки въ значительной степени была слѣдствіемъ объединенія удѣловъ подъ властію Москвы; съ другой стороны, и новое международное положеніе Московскаго государства было слѣдствіемъ этого объединенія: итакъ, уже самое уничтоженіе удѣловъ и образованіе единаго московскаго государства,—при тогдашнихъ соціально-экономическихъ и политическихъ условіяхъ, необходимо должно было повести къ развитію приказной системы центральнаго московскаго управленія. Непосредственной же причиной образованія *приказовъ* былъ переходъ права участія въ верховномъ управленіи отъ намѣстниковъ къ боярской думѣ, сосредоточеніе въ одномъ мѣстѣ всѣхъ участниковъ верховной власти,—сосредоточеніе, бывшее тоже необходимымъ послѣдствіемъ объединенія Руси. Какъ только вся верховная власть сосредоточилась въ одномъ центральномъ учрежденіи [1]), сейчасъ же явилась необходимость въ центральныхъ органахъ подчиненнаго управленія, каковыми и явились приказы.—Въ вопросѣ о происхожденіи приказовъ изъ органовъ вотчиннаго княжескаго управленія, о первоначальномъ частномъ характерѣ приказовъ, нельзя смѣшивать приказы дворцовые [2]), возникшіе и по времени раньше лѣтъ на 30—40, съ приказами обще-государственнаго характера. Первые, несомнѣнно, произошли изъ органовъ дворцоваго управленія и при своемъ возникновеніи были по преимуществу учрежденіями частнаго характера, да и впослѣдствіи большею частью сохраняли этотъ характеръ. Но этого нельзя сказать о приказахъ по общему управленію, военному, дипломатическому, судебному и финансовому. Это были учрежденія съ ясно выраженными государственными задачами, учрежденія публичнаго типа, а не частно-правового. Нельзя отрицать, что дворцовые приказы — учрежденія частно-правовыя — оказали сильное вліяніе на ихъ организацію, но и въ этой послѣдней были такія черты, которыя сразу и рѣзко отличали приказы государственные отъ дворцовыхъ: достаточно указать на преобладаніе (въ XVI в.)

---

[1]) Такъ какъ царь былъ органически связанъ съ Думой, составлялъ съ ней одно неразрывное цѣлое, какъ въ Кіевскій періодъ князь съ дружиной.

[2]) На которые особенно напираетъ Дмитріевъ: „Приказы не были сначала государственными учрежденіями, а частными княжескими".

дьяковъ — въ первыхъ, особенно въ Разрядѣ, Посольскомъ приказѣ и въ финансовыхъ,—и на характеръ «пути», кормленія, который еще долго сохраняли вторые; во главѣ дворцовыхъ приказовъ долго еще стояли лица служилаго класса, смотрѣвшіе на нихъ, какъ на своего рода кормленія. Пановъ говоритъ, что московскіе бояре смотрѣли на приказы, какъ на кормленія [1]). Отчасти съ этимъ согласенъ и Дмитріевъ [2])—но это вѣрно только относительно дворцовыхъ и, пожалуй, еще нѣкоторыхъ судныхъ приказовъ (но только отчасти), такъ какъ до временъ Бориса Годунова приказные судьи брали судныя пошлины на себя, а не на царя. Важнѣйшіе дворцовые приказы сформировались, по нашему мнѣнію, въ учрежденія съ болѣе или менѣе опредѣленномъ кругомъ вѣдомства и дѣлопроизводствомъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія XV в. и первыхъ 15 лѣтъ XVI в., иначе въ послѣднія 15 лѣтъ княженія Ивана III и первыя 10 лѣтъ княженія Василія III. Образованіе ихъ мы ставимъ въ непосредственную связь съ реформой дворцовыхъ должностей, произведенной Иваномъ III (вѣрнѣе, силою вещей происшедшимъ въ концѣ его правленія измѣненіемъ ихъ характера) и отмѣченной Шереметьевской сводной книгой, а также съ судебной реформой, произведенной Судебникомъ 1497 г. въ области суда бояръ и окольничьихъ и состоявшей въ требованіи непремѣннаго присутствія на этомъ судѣ дьяковъ (ст. I, Суд. 1497 г.); реформа эта придала коллегіальный характеръ суду органовъ дворцоваго управленія, судившихъ по порученію князя. Важнѣйшіе же приказы государственнаго характера сформировались только въ царствованіе Грознаго (только возникновеніе Разряда захватываетъ конецъ княженія Василія III), при чемъ прежде всего возникаютъ учрежденія, ставшія необходимыми благодаря оживленнымъ мирнымъ и враждебнымъ сношеніямъ съ сосѣдями,— а именно: Разрядъ—центральное военно-административное учрежденіе, и Посольскій приказъ—учрежденіе дипломатическое; сейчасъ же вслѣдъ за Разрядомъ возникаетъ Помѣстный Приказъ, центральное учрежденіе, доставляющее средства содержанія военнаго сословія, — всѣ эти учрежденія складываются въ болѣе или менѣе опредѣленныя формы къ серединѣ 50 гг. XVI в. Вслѣдъ за ними возникаютъ—въ связи съ *судебной* реформой, произведенной обоими Судебниками и учрежденіемъ губныхъ старостъ—два центральныхъ учрежденія для двухъ спеціальныхъ отраслей суда: Холопій судъ и Разбойный Приказъ: оба учрежденія окончательно складываются въ концѣ 50 гг. XVI в. Вслѣдъ за ними является цѣлый рядъ ад-

---

[1]) Пановъ. „Московскіе приказы". Московскія Вѣдомости 1855 г. № 36.

[2]) Исторія суд. инстанцій стр. 122.

министративно-финансовыхъ учрежденій—Б. Приходъ, Четь и Дворцовый четвертной Приказъ, связанныхъ съ административно-финансовой реформой 50-хъ годовъ, передавшей въ большей части государства управленіе и сборъ доходовъ въ руки общинъ, поставленныхъ въ непосредственныя отношенія къ центральному московскому правительству, безъ всякихъ посредствующихъ инстанцій, что и сдѣлало необходимымъ появленіе въ самой Москвѣ центральныхъ органовъ для замѣны уничтоженной въ области административной инстанціи; къ этой же группѣ приказовъ относятся и возникшіе нѣсколько позже—въ началѣ 90-хъ гг. XVI в.—судные областные приказы. Наконецъ, въ одно время съ образованіемъ административно-финансовыхъ приказовъ—въ концѣ 50-хъ, въ 60-хъ и 70-хъ гг. XVI в. образуются и собственно «территоріальные» областные приказы (Смоленскій, Новгородскій, Казанскаго дворца, нѣсколько позже Сибирскій) для управленія вновь присоединенными и вообще пограничными, удаленными отъ центра областями.

II. Мнѣнія ученыхъ о времени возникновенія системы московскихъ приказовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію возникновенія отдѣльныхъ группъ приказовъ, приведемъ вкратцѣ мнѣнія ученыхъ изслѣдователей о времени возникновенія приказовъ вообще. Авторъ статьи о московскихъ приказахъ въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ» [1]) (въ которой г. Лихачевъ [2]) предполагаетъ Миллера, не утверждая этого навѣрное), основываясь только на извѣстныхъ ему документахъ [3]), относитъ образованіе большинства приказовъ (кромѣ Холопьяго суда) ко времени гораздо болѣе позднему, чѣмъ они существовали въ дѣйствительности: напр.: приказъ Большой казны извѣстенъ ему по записнымъ книгамъ только съ 1628 г., Новгородская Четь—съ 1627 г., Нижегородская—съ 1639 г., Помѣстный Приказъ—съ 1625 г., Посольскій—по дѣламъ Архива Иностранной коллегіи—съ 1583 г., Разбойный—съ 1627 г., Разрядъ существовалъ, по его мнѣнію, до пожара 1626 г., Стрѣлецкій Приказъ—съ 1629 г. Такимъ образомъ большую часть приказовъ авторъ относитъ къ 20-мъ гг. XVII в., такъ какъ только къ этому времени относятся извѣстія записныхъ книгъ о лицахъ, сидѣвшихъ въ нихъ.

---

[1]) Т. XX. Др. Р. Вивліоѳика I,

[2]) „Разрядные Дьяки" стр. 23—24 пр. 2.

[3]) Главнымъ образомъ на записныхъ разрядныхъ книгахъ, начиная съ 20 гг. XVII ст. (съ 1627—28 и 29 гг.).

Къ XVI в. авторъ относитъ только приказы: Большого Прихода и Постельный—къ 1573 г., Бронный—къ 1579 г., Посольскій—къ 1583 г., (хотя въ немъ хранились дѣла съ 1505 г., но авторъ полагаетъ, что онъ тогда еще не могъ существовать; перечисляя дьяковъ, завѣдовавшихъ дипломатическими дѣлами, онъ начинаетъ съ дьяка Ивана Михаиловича Висковатаго, котораго относитъ къ 1556 г.), Четь Варѳоломея Иванова отъ 1596—1599 г., Казанскій Дворецъ—къ 1599 г., Ямской Приказъ, не основываясь на точныхъ данныхъ, онъ относитъ ко времени Ѳедора Ивановича или Бориса Годунова, такъ же какъ и Каменный; наконецъ Житный Дворъ, запасавшій хлѣбъ на случай голода, и Холопій Судъ онъ относитъ къ княженію Ивана III. О Холопьемъ Судѣ онъ говоритъ, что этотъ приказъ существовалъ до 1500 г., такъ какъ значится въ боярской книгѣ 1500 г. Намъ кажется, что здѣсь опечатка—1500 г. стоитъ вмѣсто 1600 г., тѣмъ болѣе, что въ изданіи Вивліоѳики 1791 г. встрѣчается нѣсколько явныхъ опечатокъ въ хронологическихъ датахъ (напр.: вмѣсто 16.. г.г. стоитъ 19.. г. г.); то же думаетъ, на основаніи своихъ изслѣдованій о боярскихъ книгахъ и г. Лихачевъ [2]), хотя Успенскій, Неволинъ и пр. Владимірскій-Будановъ и принимаютъ, безъ критики, это извѣстіе Вивліоѳики.

Гавр. Успенскій даетъ для многихъ приказовъ весьма раннія даты (безъ указанія источниковъ), впослѣдствіи провѣренныя по источникамъ и оказавшіеся вполнѣ точными [3]). Такъ онъ говоритъ о существованіи дворцовыхъ дьяковъ въ 1501 г., Ямского приказа въ 1516 г.. Разряда — въ 1535 г., конюшенныхъ дьяковъ въ 1553 г., Новой Четверти въ 1597 г., указываетъ на существованіе въ XVI в. Земскихъ Дворовъ, даетъ годы, подъ которыми впервые упомянуты въ разрядныхъ книгахъ четыре судныхъ приказа; только относительно Холопьяго Суда повторяетъ ошибку Вивліоѳики. Относительно Посольскаго Приказа онъ говоритъ, что еще въ 1556 г. въ разрядныхъ книгахъ упоминается о двухъ дьякахъ въ посольской избѣ, «гдѣ послѣ въ томъ-же году именована она Посольскимъ Приказомъ». *Карамзинъ* [4]) говоритъ, что достовѣрныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ приказахъ относятся къ эпохѣ Ивана IV, хотя въ документахъ времени Ивана III уже упоминается о Казенномъ Дворѣ и о нѣкоторыхъ приказахъ.

---

[1]) Др. Росс. Вивл., т. XX, стр. 407 (1791 г.).

[2]) „Разрядные дьяки“ стр. 23, пр. 2.

[3]) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россійскихъ. Харьковъ, 1818 г., стр. 298—299, 300, 302, 303, 308.

[4]) Ист. Гос. Рос. изд. 2., т. VI, прим. 609, 628. Т. IX, стр. 443, пр. 774.

Неволинъ многіе приказы прямо относитъ къ княженію Ивана III—Разрядъ, Холопій, Житный, а изъ придворныхъ—Б. Дворецъ, Казенный, Конюшій, Постельный; изъ областныхъ— Новгородскій и Рязанскій разряды, судные приказы, трети, изъ которыхъ при Иванѣ IV образовались четверти; о существованіи другихъ приказовъ, говоритъ Неволинъ, можно заключить съ большой вѣроятностью [1]; самыя названія могли не существовать и приказы назывались по именамъ лицъ, ими правившихъ (какъ и позже) или носили старыя названія избы, палаты, двора. Большую часть приказовъ онъ относитъ по времени происхожденія къ эпохѣ Ивана IV (Посольскій, Разбойный, Помѣстный, Челобитный, Казенный, Печатный, Земскій Дворъ, приказы по военному управленію, областныя чети и Новую Четь); ко времени Федора Ивановича онъ относитъ Сибирскій и Патріаршій приказы, ко времени Бориса Годунова—Каменный, къ смутному времени—Смоленскій разрядъ, Рязанскій и Дмитровскій судные приказы, къ царствованію Михаила Федоровича—Дворцовый Судный и Аптекарскій, остальные—къ царствованію Алексѣя Михайловича. Неволинъ указываетъ на два способа возникновенія приказовъ, какъ учрежденій: 1)—перенесеніе въ Москву центральныхъ органовъ областнаго управленія [2]; 2) *порученіе* извѣстной отрасли управленія какому нибудь лицу, по мѣрѣ умноженія дѣлъ.

Соловьевъ не согласенъ съ Неволинымъ [3]: по его мнѣнію нельзя пріурочивать появленіе такихъ приказовъ, какъ Разрядный, Холопій и нѣкоторые другіе, къ эпохѣ Ивана III, такъ какъ памятники молчатъ о нихъ. Онъ отрицаетъ также вѣроятность дѣленія Россіи на трети Иваномъ III, такъ какъ Рязань (составлявшая одну изъ «третей» — Владимірская, Новгородская и Рязанская) при немъ не была еще присоединена къ Москвѣ. Возникновеніе большей части приказовъ, «изъ которыхъ нѣкоторые назывались четями», онъ относитъ къ царствованію Федора Ивановича [4].

Троицкій вполнѣ повторяетъ мнѣніе Неволина, прибавляя только, что уже Василій III учредилъ Ямскую избу [5].

Кавелинъ говоритъ, что многіе приказы существовали уже въ XVI в. подъ названіемъ судовъ, избъ, дворовъ, причемъ ссылается на Виблиоѳику; древнѣйшимъ приказомъ вслѣдъ за ней онъ счи-

---

[1]) Собр. соч., т. VI, стр. 125—129.
[2]) Т. VI, стр. 124—125.
[3]) Ист. Россіи т. V, пол. I, гл. V, стр. 1520—1521, изд. второе.
[4]) Т. III, гл. IV.
[5]) Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи, 1851.—passim.

таетъ Холопій Судъ [1]); но вообще онъ полагаетъ, что приказы территоріальные древнѣе приказовъ съ раздѣленіемъ вѣдомствъ по отраслямъ управленія, такъ что напр.: Б. Приходъ, Помѣстный приказъ, Холопій Судъ являются не раньше конца XVI, начала XVII в.

Костомаровъ, такъ же, какъ и *Бѣляевъ*, относитъ начало приказовъ къ эпохѣ Ивана Грознаго. Первый говоритъ, впрочемъ, прямо только о Разрядѣ и о Посольскомъ приказѣ [2]). *Дмитріевъ* полагаетъ, что, хотя слово «приказъ» упоминается уже при Василіи III, въ 1512 г. [3]), но постоянныхъ центральныхъ учрежденій не существовало до самаго конца XVI в. Еще въ Эпоху Царскаго Судебника приказная администрація далеко не опредѣлилась и самое слово «приказъ» не имѣло того техническаго значенія, какое оно получало впослѣдствіи. Раньше другихъ, по мнѣнію Дмитріева, возникли приказы *финансовые* изъ хозяйственнаго управленія государя. Вообще же онъ дѣлитъ приказы по происхожденію на три категоріи: придворные, мѣстные московскіе («дворы») и центральные для всего государства; къ послѣднимъ онъ относитъ областные приказы, которые онъ считаетъ тоже самыми древними, сословные, финансовые и приказы съ распредѣленіемъ дѣлъ по отраслямъ управленія.

Хлѣбниковъ полагаетъ, что едва ли не вся администрація начала царствованія Грознаго была сосредоточена въ двухъ приказахъ: [4]) у казначея и въ приказѣ Б. Дворца, — хотя нѣсколько раньше онъ относитъ образованіе дворцовыхъ приказовъ къ концу правленія Ивана III, а территоріальныхъ—ко времени Василія III и малолѣтства Ивана IV. Ко времени второго Судебника вся Россія, по его мнѣнію, была раздѣлена на области, подчиненныя боярамъ, сидящимъ въ приказахъ. Начало Разбойнаго приказа онъ относитъ къ 40-мъ г.г., образованіе военныхъ (и Холопьяго)—къ 60—70 г.г., а финансовыхъ (Б. Прихода и Четей) къ 80 г.г. XVI вѣка.

Наоборотъ, *Лохвицкій* даже учрежденіе четвертей (не только третей) приписываетъ Ивану III [5]), и вообще считаетъ территоріальные приказы древнѣйшей формой центральныхъ московскихъ учрежденій. *Андреевскій* ставитъ образованіе московскихъ при-

---

[1]) Собр. соч., 1859 г., т. I, стр. 68, 54.

[2]) *Костомаровъ* Русская Исторія въ жизнеоп. т. I, вып. 2, стр. 265. *Бѣляевъ*. Лекціи по исторіи русскаго законодательства стр. 498—504.

[3]) Ист. Суд. Инст. стр. 120—139.

[4]) „О вліяніи Общества на организацію государства въ Царскій періодъ“ 1869 г., стр. 172, 173, 176.

[5]) „Губерніа“ 1864 г., стр. 31.

казовъ въ связь съ постепеннымъ развитіемъ идеи самодержавія при Иванѣ III, его сынѣ и внукѣ [1]). Это развитіе новыхъ взглядовъ на власть государя заставило московское правительство озаботиться устройствомъ на новыхъ основаніяхъ какъ своихъ центральныхъ органовъ, такъ и мѣстнаго управленія.

Градовскій [2]) указываетъ на три момента въ развитіи московской централизаціи; первому моменту—сосредоточенію въ Москвѣ власти высшаго управленія «*въ томъ видѣ*, какъ она принадлежала удѣльнымъ князьямъ и вѣчевымъ городамъ, при чемъ земская община и система кормленій остались нетронутыми», соотвѣтствуетъ образованіе территоріальныхъ приказовъ, четвертей, образовавшихся по мѣрѣ присоединенія земель къ Москвѣ [3]). Второму моменту—ослабленію значенія мѣстныхъ органовъ путемъ выдѣленія разныхъ отраслей управленія въ пользу московскихъ приказовъ — соотвѣтствуютъ приказы судебно-сословные (Холопій и Разбойный, возникшіе очень рано [4]), и судные); эти приказы, въ которыхъ принципъ сословный начинаетъ брать перевѣсъ надъ территоріальнымъ, складываются въ эпоху между обоими Судебниками; они, однако, продолжаютъ существовать на ряду съ областными. Сюда относятся вообще «приказы, устроенные въ видахъ необходимости выдѣлить нѣкоторыя части управленія изъ сферы обыкновенной областной администраціи» [5]). Наконецъ, третьему моменту—окончательному торжеству сословнаго принципа, полному закрѣпленію сословій, соотвѣтствуютъ приказы, въ которыхъ сословный характеръ соединенъ съ принципомъ раздѣленія по различнымъ предметамъ администраціи [6]).

Пр. Лаппо-Даниловскій, подъ вліяніемъ Градовскаго, принимаетъ въ исторіи московскаго финансоваго управленія три принципа распредѣленія поступленій по центральнымъ учрежденіямъ: вотчинный, территоріально-сословный и принципъ систематизаціи поступленій сообразно ихъ назначенію. Первому принципу соотвѣтствуютъ дворцовые приказы, особенно приказъ Большого Дворца; второму—четверти и другіе областные приказы; третьему—приказы съ раздѣленіемъ дѣлъ по отдѣльнымъ отраслямъ администраціи, или вѣдавшіе какое-нибудь сословіе въ податномъ отношеніи, напр.: Б. Казна (вѣдавшая торговыхъ людей). Большой Дворецъ, по мнѣнію г. Лаппо-Данилевскаго, образовался «въ на-

---

[1]) „О намѣстникахъ, воеводахъ, губернаторахъ“ 1864 г., стр. 35.

[2]) Исторія мѣстнаго управленія. Соч. Т. II, 1899 г., стр. 340.

[3]) Образованіе третей Градовскій относитъ ко времени Ивана III. Ib, стр. 333.

[4]) Ib, стр. 349.

[5]) Ib, стр. 350.

[6]) Ib, стр. 340—399.

чалѣ XVI в. и нѣсколько позже» изъ вѣдомствъ дворецкаго и казначея, бывшихъ холоповъ великаго князя [1]). Ловчій и Сокольничій приказы «превратились въ постоянныя государственныя учрежденія не позже начала XVII в.» [2]).

Пр. Владимірскій-Будановъ [3]) ставитъ образованіе приказовъ въ связь съ распредѣленіемъ юрисдикцій между боярами и дьяками, которое существовало уже въ концѣ XV стол., что видно изъ 2-й статьи Судебника 1497 г. «Каждому извѣстные люди приказаны вѣдати» (здѣсь начало приказовъ) замѣчаетъ онъ. «Прежде князь всегда судилъ съ боярами», теперь изъ этой слитной формы выдѣляются органы».

Пр. Ключевскій говоритъ [4]): «Дума вѣдала всѣ новыя, чрезвычайныя дѣла; но по мѣрѣ того, какъ послѣднія, повторяясь, становились обычными явленіями, они отходили въ составъ отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ, старыхъ или особо для нихъ учреждавшихся». Центральныя вѣдомства формировались изъ тѣхъ административныхъ осадковъ, какіе постепенно отлагались отъ законодательной дѣятельности думы по чрезвычайнымъ дѣламъ, входя въ порядокъ текущаго дѣлопроизводства». Сначала такимъ путемъ сложились дворцовыя вѣдомства, а затѣмъ и остальные приказы. Такимъ образомъ пр. Ключевскій объясняетъ происхожденіе приказовъ усложненіемъ административно-законодательной дѣятельности думы. Три важнѣйшихъ московскихъ приказа, управлявшіеся до конца XVII в. дьяками—Разрядъ, Посольскій и Помѣстный, онъ считаетъ даже отдѣленіями думской канцеляріи, а дьяковъ, ими правившихъ, секретарями думы и ея непосредственными докладчиками [5]). Относительно самого времени возникновенія новыхъ правительственныхъ учрежденій, пр. Ключевскій говоритъ, что они стали необходимыми съ тѣхъ поръ, «какъ дума стала совѣтомъ дворцовыхъ сановниковъ по недворцовымъ дѣламъ [6]). Дѣла, выходившія изъ ряда текущихъ дѣлъ дворцоваго хозяйства, вѣдалъ сначала самъ князь съ думой, а «канцелярское производство ихъ распредѣляли первое время, какъ могли, по наличнымъ дворцовымъ вѣдомствамъ» [7]) — но, съ теченіемъ времени, они вызвали рядъ новыхъ правительственныхъ учрежденій. Завязку этого порядка пр. Ключевскій относитъ къ времени Ивана III, и относительно

---

[1]) Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ. 1890 г. стр. 444.
[2]) ib, стр. 443.
[3]) Хрестоматія по исторіи русскаго права вып. II, стр. 83, пр. 3, 1887 г.
[4]) Боярская Дума стр. 170.
[5]) Боярская Дума, 1883 г. стр. 171.
[6]) ib, стр. 173.
[7]) ib, стр. 172.

Разряда и Помѣстнаго приказа, вѣдавшихъ служилый классъ и служилое землевладѣніе, онъ замѣчаетъ [1]),—что «если не самые эти приказы, то дѣла, которыми они потомъ завѣдывали, должны были завязаться раньше этого княженія» (Ивана III); весьма рано также возникъ, по его мнѣнію, приказъ Холопьяго Суда [2]), такъ какъ дѣла по частному землевладѣнію, возникшему изъ рабовладѣнія, рано выдѣлились въ вѣдомство центральнаго правительства. Наоборотъ, Посольскій приказъ, по его мнѣнію, какъ самостоятельное учрежденіе, является очень поздно—въ 60-хъ годахъ XVI в. [3]).

Г. Лихачевъ, который въ вопросѣ о возникновенія приказовъ придерживается вообще взгляда пр. Ключевскаго [4]), утверждаетъ, что «начало важнѣйшихъ приказовъ—какъ коллегіальныхъ учрежденій—должно быть отнесено къ концу княженія Ивана III [5]), хотя изъ его же изслѣдованій вытекаетъ, что точно, на основаніи болѣе или менѣе прямыхъ указаній источниковъ, можетъ быть доказано существованіе въ эту эпоху только дворцовыхъ приказовъ и, пожалуй, еще ямского и земскаго вѣдомства (ямской избы и земскаго двора).

Пр. Загоскинъ въ своемъ разборѣ изслѣдованія г. Лихачева [6]), отказываясь видѣть слѣды центральнаго управленія въ дворцовыхъ должностяхъ удѣльно-вѣчевого періода, считаетъ ихъ однако же исходной точкой для образованія центральнаго управленія, подготовившей будущую систему дворцовыхъ и финансовыхъ приказовъ [7]). Приказы по его мнѣнію, происхожденіемъ своимъ уходятъ въ глубь XV в. Онъ указываетъ, между прочимъ, на слѣды существованія Новгородской Чети въ 1545 г., ссылаясь на А. А. Э. III, № 194 [8]).

Если сравнимъ между собой мнѣніе вышеуказанныхъ ученыхъ изслѣдователей, то увидимъ, что большинство изъ нихъ, признавая, что начало происхожденія приказовъ слѣдуетъ относить къ эпохѣ Ивана III (и даже, какъ думаютъ нѣкоторые, ко времени еще болѣе раннему) [9]), считаютъ однако же временемъ ихъ окончательнаго сформированія, какъ учрежденій съ болѣе или ме-

---

[1]) ib, стр. 174—175.

[2]) ib, стр. 120—123.

[3]) ib, стр. 171.

[4]) „Разрядные дьяки" 1888 г. стр. 79 (здѣсь онъ называетъ Разрядъ—думской канцеляріей).

[5]) ib, стр. 69.

[6]) Отчетъ о 32-мъ присужденіи наградъ графа Уварова 1892 г.

[7]) ib, стр. 189—190.

[8]) ib, стр. 201.

[9]) Пр. Ключевскій относительно Разряда и Помѣстнаго Приказа.

нѣе опредѣленнымъ составомъ, кругомъ вѣдомства и дѣлопроизводствомъ, вторую половину XVI в., царствованіе Ивана Грознаго [1]). Такой взглядъ кажется намъ совершенно правильнымъ, особенно если говорить только о приказахъ государственныхъ и выдѣлить приказы дворцовые, возникшіе несомнѣнно раньше первыхъ, въ самомъ началѣ XVI вѣка, какъ это и дѣлаетъ пр. Ключевскій (а также и Хлѣбниковъ).

О воззрѣніяхъ указанныхъ авторовъ на самый процессъ возникновенія всѣхъ приказовъ или ихъ отдѣльныхъ группъ мы будемъ говорить при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи соотвѣтствующихъ группъ приказовъ.

III. Время происхожденія дворцовыхъ приказовъ.

Всѣ московскіе приказы, какъ XVI, такъ и XVII в., можно прежде всего, какъ уже сказано, раздѣлить на двѣ главныя группы: приказы дворцовые и государственные. Хотя нѣкоторые изъ дворцовыхъ отправляли и функціи государственнаго управленія, но частно-хозяйственный характеръ въ нихъ всегда преобладалъ (это можно сказать и про Приказъ Большого Дворца, который отправлялъ больше всего функцій по обще-государственному управленію); нѣкоторыя изъ дворцовыхъ вѣдомствъ впослѣдствіи выдѣлили изъ себя чисто-государственныя учрежденія, напр., казенное вѣдомство, кромѣ дворцоваго Казеннаго Приказа, выдѣлило и учрежденіе по общему управленію—Приказъ Большой Казны. Во всякомъ случаѣ, именно въ вопросѣ о происхожденіи приказовъ, ихъ удобнѣе всего раздѣлить на эти двѣ группы, такъ какъ по происхожденію своему обѣ группы существенно различаются. Обратимся сначала къ вопросу о происхожденіи дворцовыхъ приказовъ. Различные органы дворцоваго управленія, исполнявшіе разнообразныя функціи по эксплоатаціи земельныхъ имуществъ князя и различныхъ «путей», угодій, принадлежавшихъ ему, а также ведшіе его дворцовое хозяйство, существовали, конечно, съ того времени,

---

[1]) Этотъ взглядъ прямо и опредѣленно высказываетъ Дмитріевъ, пр. Ключевскій, пр. Загоскинъ и пр. Андреевскій. Также, очевидно, смотрятъ на дѣло и другіе изслѣдователи, за исключеніемъ Неволина и г. Лихачева, которые появленіе важнѣйшихъ приказовъ по общему управленію относятъ ко времени Ивана III. *Лохвицкій* и *Градовскій* относятъ къ его времени появленіе территоріальныхъ приказовъ (третей). Наоборотъ, *Соловьевъ* и *Кавелинъ*, а отчасти и *Дмитріевъ* (также и *Костомаровъ*) кажется склонны приписывать приказамъ слишкомъ позднее происхожденіе, полагая, что, въ качествѣ постоянныхъ учрежденій, они являются лишь въ концѣ XVI в.

какъ князья стали владѣть недвижимою собственностью, т. е. никакъ не позже XI в., а, вѣроятно, и раньше. Собственно же «придворные» органы, безъ вотчиннаго характера, т. е. лица, заботившіяся объ устройствѣ дома и двора князя, объ его столѣ, хранившіе его казну, сопровождавшіе его на войнѣ и въ путешествіяхъ, устраивавшіе его охоту,—разные ключники, тіуны, конюхи, ловчіе, гриди, мечники, отроки, о которыхъ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ «поученіи»,—окружали въ большомъ числѣ еще князей-насельниковъ IX и X вѣка, переходя вмѣстѣ съ ними съ мѣста на мѣсто, прежде чѣмъ князья успѣли пріобрѣсти сколько нибудь обширныя земельныя владѣнія. Контингентъ ихъ пополнялся частію изъ холоповъ князя или лично зависимыхъ отъ него людей, частью изъ членовъ младшей дружины; всѣ эти лица, лично связанныя съ княземъ, всюду слѣдовали за нимъ. Во второмъ періодѣ нашей исторіи, съ развитіемъ земельныхъ владѣній князя, большая часть этихъ придворныхъ органовъ стала пріобрѣтать административно-территоріальный характеръ и, продолжая исполнять свои прежніе обязанности придворной службы, сдѣлалась въ то же время вотчинными управителями. Здѣсь не мѣсто излагать постепенное развитіе дворцовыхъ органовъ и все возрастающее значеніе ихъ въ общемъ управленіи въ XIV, XV вв. Этотъ вопросъ обстоятельно разработанъ въ трудахъ пр. Ключевскаго и пр. Сергѣевича. Замѣтимъ только, что еще въ Кіевскій періодъ можно различить два рода лицъ, которымъ поручались придворныя должности: слугъ князя (холоповъ и свободныхъ людей, но худородныхъ, смердовъ) и людей служилаго класса, младшихъ дружинниковъ; изъ первыхъ выходили *тіуны* и *ключники*, позже—казначеи и дьяки, вѣдавшіе какъ хозяйство князя, такъ и сборъ разныхъ доходовъ съ волости и судъ; изъ вторыхъ—гриди, мечники и отроки [1]). Какъ собственно хозяйственныя функціи, такъ и различныя обязанности по дѣламъ суда и управленія, одинаково поручались тіунамъ и дьякамъ, людямъ низшаго происхожденія—изъ нихъ то главнымъ образомъ набирались впослѣдствіи приказные дѣятели какъ дворцовыхъ, такъ и государственныхъ приказовъ. Младшіе же дружинники—уже въ силу своей принадлежности къ высшему, военному классу, врядъ ли занимали въ XII—XIII вв. хозяйственныя должности; да и въ государственномъ управленіи не принимали, кажется, большого участія [2]), отчасти въ виду своей молодости, отчасти потому, что это было бы невыгодно князю, который долженъ былъ бы дѣлиться

---

[1]) Сергѣевичъ „Юридическія древности“ 1890 г. т. I, стр. 351—354.

[2]) Хотя есть указаніе на участіе мечниковъ въ судѣ. (Троицкій списокъ Русской Правды, 82).

доходами съ ними, какъ съ представителями правительственнаго класса. На ихъ долю оставались собственно придворныя должности, но съ военнымъ характеромъ: они были всегда около князя для его личныхъ услугъ, но прежде всего являлись его тѣлохранителями. Дѣлаясь старше, они, вѣроятно, переходили въ разрядъ старшихъ дружинниковъ и либо участвовали въ совѣтѣ князя, либо посылались въ качествѣ посадниковъ и намѣстниковъ въ подвластные ему города. Но нѣкоторые изъ нихъ, особенно приближенные къ князю, пользовавшіеся его довѣріемъ, оставались навсегда при его дворѣ и, благодаря своему происхожденію и расположенію князя, занимали особое положеніе среди прочихъ дворовыхъ чиновъ, дьяковъ, казначеевъ и ключниковъ, и нерѣдко даже становились во главѣ ихъ и получали высшій надзоръ надъ той или другой отраслью княжескаго хозяйства и надъ управленіемъ частью дворцовыхъ земель, въ качествѣ дворецкаго, стольника, чашника или другого «путнаго боярина». Такъ приблизительно можно, по нашему мнѣнію, объяснить то явленіе, что должность дворецкаго, такъ же, какъ и военно-придворная должность меченоши (позднѣйшаго оружничаго) замѣщалась уже въ XIV в. [1]) лицами высшаго служилаго класса, между тѣмъ, какъ прочія придворныя должности во второй половинѣ XV в. замѣщались попрежнему людьми не родовитыми, а дьяки и казначеи еще въ XV в. нерѣдко бывали рабами.

Естественно, что съ усиленіемъ власти и могущества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣровъ и пышности двора московскихъ государей, параллельно съ чѣмъ шло обѣдненіе и политическое ослабленіе высшаго служилаго класса, въ составъ котораго вошли теперь потомки многихъ удѣльныхъ князей, члены этого класса стали охотно занимать такія придворныя должности, о которыхъ они раньше и не думали, такъ какъ сочли бы ихъ недостойными свободнаго воина. Съ другой стороны, сами московскіе князья, стремясь окружить себя большей пышностью и торжественностью, чтобы поднять въ глазахъ современниковъ значеніе своей власти, заставить ихъ отличать ее отъ власти старыхъ удѣльныхъ князей, охотно замѣщали высшія дворцовыя должности лицами высшаго класса, оставляя въ то же время все дѣйствительное значеніе и силу въ сферѣ вотчиннаго и финансоваго управленія въ рукахъ своихъ старыхъ, испытанныхъ слугъ—приказныхъ людей.

Такимъ образомъ, измѣненіе въ положеніи служилаго класса и въ характерѣ власти московскаго великаго князя, а поэтому и во взаимныхъ отношеніяхъ князя и бывшихъ дружинниковъ есте-

---

[1]) А въ Галичѣ еще въ XIII в.

ственно привело къ возвышенію значенія придворныхъ должностей, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, придавъ имъ большую важность, вслѣдствіе порученія ихъ болѣе знатнымъ лицамъ, и большее значеніе въ общемъ управленіи, благодаря усиленію самой власти князя, а, слѣдовательно, и значенія той роли, которую игралъ его дворъ въ общемъ жизненномъ обиходѣ страны. Сначала возвысилась должность дворецкаго, а мало по малу и остальныя. Это возвышеніе, долго подготовлявшееся, становится нагляднымъ для насъ въ самомъ концѣ XV в., когда назначенія въ различныя придворныя должности [1]) (начиная съ должности конюшаго, записанной впервые въ 1491 г.) начинаютъ появляться въ сводной Шереметьевской боярской книгѣ, извлеченія изъ которой напечатаны въ XX томѣ Древней Россійской Вивліоѳики [2]). Это дало даже нѣкоторымъ изслѣдователямъ (напр. Неволину) поводъ думать, будто должности конюшаго и нѣкоторыя другія были «учреждены» только въ концѣ XV и даже началѣ XVI вѣка. Вотъ къ этому то времени,—90-мъ гг. XV в.,—и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести образованіе важнѣйшихъ дворцовыхъ приказовъ, какъ учрежденій съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ личнымъ составомъ и извѣстнымъ порядкомъ дѣлопроизводства, и вотъ по какимъ соображеніямъ: съ расширеніемъ дворцоваго хозяйства московскихъ князей, лица, управлявшія разными отраслями этого хозяйства, конечно, должны были нуждаться все въ большемъ числѣ помощниковъ, но пока главныя дворцовыя должности не имѣли почетнаго значенія, замѣщались людьми незнатными, такими помощниками могли быть простые слуги, холопы князя или самого лица, занимавшаго данную должность. Но какъ только эти должности, пріобрѣтая все большее значеніе и политическое и административное и экономическое, стали вмѣстѣ съ тѣмъ «придворными» въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, почетными, стали замѣщаться представителями самаго высшаго слоя служилаго класса, лица, занимавшія ихъ теперь, должны были получить другихъ помощниковъ. Во-первыхъ, это уже не могутъ быть личные слуги князя или служилаго человѣка, хотя бы и свободные, а должны быть люди служилые, имѣющіе какой нибудь «*чинъ*», хотя бы и «худой», не почетный; съ другой стороны, эти помощники должны въ извѣстномъ отношеніи контролировать своихъ начальниковъ (вѣрнѣе: старшихъ товарищей) въ интересахъ князя, довѣренными людьми котораго они являются попрежнему, такъ какъ князь все же могъ больше положиться на

---

[1]) Кромѣ должностей дворецкихъ и окольничьихъ, упоминающихся съ самаго начала книги съ 1462 г.

[2]) См. Сергѣевичъ „Юрид. Древности“ т. I, стр. 358.

нихъ, своихъ бывшихъ холопей, своихъ ближнихъ, дворовыхъ людей, чѣмъ на потомковъ вольныхъ дружинниковъ; наконецъ, эти помощники должны быть людьми грамотными, «письменными», опытными въ дѣлопроизводствѣ и въ дѣлахъ хозяйства и управленія: такими людьми и были *дьяки*, высшій слой которыхъ уже въ серединѣ XV в. становится «чиномъ» [1]), хотя и «худымъ», не могущимъ тягаться честью съ другими чинами. Уже въ серединѣ XV в. мы видимъ дьяковъ послами къ иностраннымъ государямъ (въ 1482 г. дьякъ Ѳеодоръ Курицынъ отправленъ посломъ къ венгерскому королю Матѳею Корвину)[2]), и къ русскимъ городамъ[3]); дьяки водили даже полки на войну [4]), правили городами (дьякъ Карамышевъ при намѣстникѣ кн. Андрея Васильевича въ Бѣжецкѣ) [5]). Наконецъ, Судебникъ 1497 г. предписываетъ дьякамъ обязательно присутствовать на судѣ бояръ и окольничьихъ (органовъ центральнаго управленія, судившихъ вмѣсто князя), очевидно уже не въ качествѣ писцовъ, частныхъ секретарей [6]), а въ качествѣ товарищей, членовъ судной коллегіи. *Съ появленіемъ дьяковъ въ качествѣ постоянныхъ, спеціально назначенныхъ и необходимыхъ товарищей*, а не просто помощниковъ высшихъ органовъ дворцоваго управленія, *можно начинать исторію дворцовыхъ приказовъ, какъ постоянныхъ учрежденій* [7]). Къ этому времени—90-мъ гг. XV в. и первымъ годамъ XVI в.—и относится начало главнѣйшихъ дворцовыхъ приказовъ.

1. *Приказъ Большого Дворца.*

Въ документахъ, относящихся къ этимъ двумъ десятилѣтіямъ, мы находимъ болѣе или менѣе прямыя указанія на существованіе

---

[1]) См. *Сергѣевичъ* „Юрид. Древн.т. I, стр. 486—488 и 515; *Лихачевъ* „Разрядные дьяки“ стр. 27—28 и „Отвѣтъ суровому критику“, 1890 г. стр. 35—41. Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ: „между дьяками, несвободными писцами князя, и дьяками — государственными чиновниками изъ помѣстнаго дворянства—должна быть положена грань“... Нельзя только утверждать, что всѣ дьяки-чиновники происходили изъ дѣтей боярскихъ или захудалыхъ удѣльныхъ бояръ; большинство ихъ все таки происходило отъ старыхъ дьяковъ-слугъ княжескихъ.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 32, 95; также А. А. Э. I, 49—около 1450.

[3]) Въ 1478 г. посланъ въ Псковъ дьякъ Волынинъ (П. С. Р. Л. 257), въ 1471 г.—дьякъ Шабальцевъ (ib, 239—240).

[4]) Тотъ же Волынинъ водилъ Псковичей на Новгородъ.

[5]) Акты Ѳедотова—Чеховскаго № 9 около 1493 г.

[6]) Таковыми являлись въ это время уже *подьячіе*, отъ которыхъ дьяки ясно различаются еще въ серединѣ XV в.; въ 1453 г. подьячій Бѣда, привезшій въ Москву вѣсть о смерти Шемяки, былъ пожалованъ въ дьяки. (П. С. Р. Л. VIII, 144).

[7]) См. *Лихачевъ* „Разрядн. дьяки“, стр. 528. „Еще въ XV в. дьячество стало чиномъ. Появленіе дьяковъ съ значеніемъ государственныхъ чиновниковъ должно быть поставлено въ связь съ образованіемъ приказовъ.

Большого Дворца, Казеннаго, Конюшеннаго и Ямского приказовъ, хотя самыя названія этихъ учрежденій (какъ замѣтилъ еще Неволинъ) встрѣчаются иногда гораздо позже. Только относительно времени образованія Большого Дворца мы считаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку; хотя «дворцовыхъ дьяковъ» въ документахъ [1]) встрѣчаемъ не раньше 1501 г. (дворцоваго дьяка Ермолу), а дьяка «введенаго» (т. е. ближняго, введенаго во дворецъ)—Ѳедора Стромилова тремя годами раньше, въ 1498 г. [2]), но надо думать, что Большой Дворецъ, какъ учрежденіе, бывшее прототипомъ остальныхъ дворцовыхъ приказовъ, существовалъ уже около половины XV в., по крайней мѣрѣ уже въ 60-хъ гг. этого столѣтія. Вѣдомство дворецкаго изъ всѣхъ придворныхъ вѣдомствъ было самое обширное, и хотя трудно предположить, чтобы отдѣльные «пути»,—другія дворцовыя вѣдомства, были первоначально подчинены [3]) дворецкому, а потомъ вѣдомство этого послѣдняго дифференцировалось, выдѣливъ изъ себя другія отрасли дворцоваго управленія,—однако, ничто не мѣшаетъ допустить, что первоначально *одни и тѣ же* дьяки, облеченные довѣріемъ князя, помогали одинаково и дворецкому и другимъ органамъ управленія въ отправленіи ихъ функцій, особенно же въ судѣ и въ дѣлопроизводствѣ. Пр. Ключевскій допускаетъ возможность подобнаго явленія относительно позднѣйшихъ приказовъ по общему управленію, дѣлопроизводство которыхъ, когда они еще являлись отдѣленіями думской канцеляріи, первоначально раздѣлялось, по его мнѣнію, между нѣсколькими дворцовыми приказами [4]).

Въ половинѣ XV стол. въ должности дворецкаго произошла перемѣна: появилось одновременно *двое* дворецкихъ (московскихъ, не считая провинціальныхъ, которыхъ было нѣсколько) и притомъ оба знатнаго рода [5]) и бояре введеные: во главѣ дворцоваго управленія стала такимъ образомъ своего рода коллегія, такъ какъ съ увеличеніемъ количества дѣлъ и ихъ сложности и разнообразія у дворецкихъ появился цѣлый штатъ помощниковъ въ дѣлопроизводствѣ—дьяковъ великаго князя: они подписывали жалованныя грамоты монастырямъ и частнымъ лицамъ, (а писали ихъ уже въ XV в. подъячіе) [6]), «вѣ-

---

[1]) Рукописная разрядная И. Публ. Библ. отд. IV, F. 181: „лѣта 7009 в Апреле велел Государь итти на Литовскую землю изъ Новгорода Великого войною кн. С. Р. Ярославскому, а въ Новгороде велел Государь быть владыке Генадью, да... дворцовому дьяку Ермоле“.

[2]) П, С. Р. Л. VIII. 234.

[3]) „Б. Дума“ стр. 111—113.

[4]) „Боярская Дума“ стр. 173.

[5]) Въ 1462 г. М. Ѳ. Сабуровъ и Г. В. Заболоцкій.

[6]) Такъ, напр. подъячіе писали уже грамоты въ 1461—1467 г. (А. Юр. Бит.,

дали прибытки князя» и производили описи земель [1]); можетъ быть, уже въ серединѣ XV в. они присутствовали на судѣ дворецкихъ и бояръ введенныхъ. Названіе «дворцовыхъ дьяковъ» въ документахъ XV в. не встрѣчается, во всякомъ случаѣ такіе документы пока еще неизвѣстны, можетъ быть и самаго названія еще не было, какъ не было въ XVI в. термина «думный дьякъ»; между тѣмъ, въ XVI в. несомнѣнно существовали дьяки. которыхъ съ полнымъ правомъ можно бы назвать «думными», такъ какъ они вполнѣ соотвѣтствовали позднѣйшимъ «думнымъ»; назывались же эти дьяки «введенными» или «ближними».

Такъ и въ XV в. могли уже существовать дворцовые дьяки, но назывались они еще не дворцовыми, а просто «дьяками великаго князя», въ противоположность дьякамъ бояръ и служилыхъ людей. Указаніе на составъ дворцоваго приказа впервые встрѣчается въ 1509 г. [2]), (на судѣ дворецкаго Василія Андреевича Челяднина были «діаки дворцовые: Ѳедоръ Ходыка, Григорьевъ сынъ, да Стромило, Олександровъ сынъ». «А подпись въ грамотѣ Великаго князя дьяка Ермола Давыдова»). Тотъ же Ермола Давыдовъ называется «дьякомъ великаго князя» вмѣстѣ съ Ушакомъ Ортемовымъ въ жалованной грамотѣ 1512 г. [3]), извѣстной тѣмъ, что въ ней впервые встрѣчается слово «приказъ». Ушака Ортемова также встрѣчаемъ не разъ въ документахъ этого времени, при чемъ въ однихъ онъ называется «дворцовымъ дьякомъ» [4])—а въ другихъ, позднѣйшихъ—«дьякомъ великаго князя». Такъ какъ и Давыдовъ и Артемовъ *сначала* являются дворцовыми дьяками, а затѣмъ дьяками великаго князя, и къ тому же въ грамотѣ 1512 г. прямо противополагаются дворцовымъ дьякамъ—Ходыкѣ и Стромилу,—то можно думать, что въ началѣ XVI в. «дьякъ великаго князя» означалъ «ближняго» дьяка и считался выше обыкновеннаго дворцоваго дьяка, должности административно-хозяйственной, между тѣмъ, какъ «дьякъ великаго князя» былъ его совѣтникомъ, думцемъ, хотя офиціально, можетъ, еще не считался членомъ думы.—Ходыка и Стро-

---

т. I, 118, III и 63, XIII). Въ эпоху Судебника 1497 г. „діаку отъ подписи съ рубля по алтыну, а подъячему, который грамоту напишетъ правую, имати съ рубля по три деньги"... ст. 15.

[1]) А. Ѳед.-Чех., №№ 24, 25, 51.

[2]) Первая грамота дворецкаго Челяднина съ подписью дьяка Ермолы Давыдова, не того ли, что упоминается въ 1501 г. въ Разрядной книгѣ? (А. Рязанскаго края Пискарева, 1854 г. № 13, стр. 14—15).

[3]) А. А. Э. I, № 155. Жалованная грамота Александровъ-Успенскому женскому монастырю, февраль, 7020 г.

[4]) Сб. И. Р. И. О., XXXV, стр. 340.—Дворцовые дьяки Елка Суковъ и Ушакъ Ортемовъ—1502 г.; А. Юр. I, № 9—1504 г.

мило одинаково называются дворцовыми дьяками какъ въ 1509 такъ и въ 1512 г. [1]). Слѣдовательно, въ началѣ XVI в. вѣдомство Большого Дворца уже вполнѣ установилось; дворцовыми дьяками въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ являются все тѣ же лица. Благодаря г. Лихачеву, мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства существованія уже въ первомъ десятилѣтіи XVI в. Б. Дворца, какъ вполнѣ сложившагося учрежденія съ дворецкимъ и двумя дьяками во главѣ [2]): однако самое названіе «Большой Дворецъ» встрѣчается впервые только въ царствованіе Грознаго въ 1547 г. [3]).—Несмотря на это, и прежніе изслѣдователи, которымъ не была извѣстна правая грамота 1509 г., указываютъ на начало XVI вѣка, какъ на время возникновенія Б. Дворца; Успенскій, а вслѣдъ за нимъ пр. Владимірскій-Будановъ, говорятъ, что слѣды существованія этого приказа замѣтны уже въ 1501 г. (извѣстіе о дворцовомъ дьякѣ Ермолѣ). Неволинъ говоритъ объ упоминаніи дворцовыхъ діаковъ въ завѣщаніи Ивана III, относящемся приблизительно къ 1504 г. [4]), а о дворцовомъ приставѣ—въ 1506 г. [5]).

Пр. Владимірскій-Будановъ считаетъ древнѣйшими приказами приказы съ финансовымъ характеромъ, къ которымъ онъ относитъ и Большой Дворецъ,—но мы видимъ, что одною изъ первыхъ важнѣйшихъ обязанностей дворецкаго въ началѣ XVI в. былъ *судъ* привилегированныхъ владѣльцевъ; самыя старыя грамоты, подписанныя «дворцовыми» дьяками, указываютъ именно на эту судебную его функцію, такъ что никакъ нельзя считать обязанности дворецкаго начала XVI в. функціями исключительно или преимущественно финансоваго характера; элементъ финансовый и вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) См. Лихачева, ор. с., стр. 30 и А. А. Э., I, № 155.

[2]) Оба дьяка указаны въ 1502 г. Елка Сукоръ и Ушакъ Ортемовъ (С. И. Р. И. О. XXXV, 340) и въ 1509—1512 г. Ходыко и Стромило; въ документахъ другихъ годовъ встрѣчаемъ указаніе только на одного дьяка—въ 1503 г.—Аѳоня Яковлевъ (А. Юр., I, 9). Въ 1505—1506 г. жалованныя грамоты монастырямъ подписывалъ дьякъ Данило Мамыревъ, можетъ онъ былъ въ это время дворцовымъ дьякомъ. Дворецкимъ въ 1501 г. былъ пожалованъ князь И. И. Великій (единственный въ этой должности сынъ боярскій въ періодъ отъ 1462 по 1577 г.), отставленъ въ томъ же году, снова назначенъ въ 1504 г.—Пр. Сергѣевичъ говоритъ, что съ 1473 г. (со смерти Заболоцкаго) въ Москвѣ былъ всегда *одинъ* дворецкій, но уже въ 1509 г. мы встрѣчаемъ грамоту дворецкаго Челядинина, который, по мнѣнію пр. Сергѣевича, былъ дворецкимъ только съ 1513 г., когда умеръ князь Великій (который на самомъ дѣлѣ былъ живъ еще въ 1514 г. и имѣлъ чинъ боярина (Лих. стр. 58 пр. 6); слѣдовательно, либо Челядининъ смѣнилъ раньше Великаго, либо они были дворецкими одновременно, что вѣроятнѣе.

[3]) А. Ист., т. I, № 149.

[4]) С. Г. Г. и Д., I, стр. 399.

[5]) А. А. Э., I, № 143.

частно-хозяйственный, не перевѣшивалъ въ его должности элемента судебнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ публичнаго, такъ какъ въ качествѣ судьи привилегированныхъ владѣльцевъ дворецкій являлся представителемъ князя, какъ государя, а не блюстителемъ его интересовъ, какъ частнаго владѣльца.

Дмитріевъ также считаетъ древнѣйшими по происхожденію приказы съ финансовымъ характеромъ: если говорить о приказахъ по государственному управленію, то это окажется не совсѣмъ вѣрнымъ (относительно Разряда); къ дворцовымъ приказамъ это положеніе примѣнить гораздо легче, но опять-таки нельзя упускать изъ виду судебныя функціи дворецкаго, нисколько не менѣе важныя, чѣмъ его финансовыя функціи (точнѣе: административно-эксплоатаціонныя, такъ какъ на обязанности дворцовыхъ органовъ лежалъ не только сборъ разныхъ платежей государственнаго и частнаго, вотчиннаго характера, но и хозяйственная эксплоатація дворцовыхъ земель со всѣми ихъ угодіями).

2. *Областные дворцы.*

Какъ справедливо замѣтилъ еще Неволинъ, «большими» назывались Московскія центральныя учрежденія, въ противоположность областнымъ: дѣйствительно, на ряду съ Большимъ Дворцомъ, Б. Разрядомъ мы встрѣчаемъ и областные Дворцы и Разряды [1]), но находятся эти учрежденія въ Москвѣ. Это учрежденія такого типа, который теперь уже почти не встрѣчается: они завѣдуютъ *извѣстной отраслью* управленія *въ извѣстной области*, но находятся не въ области, а въ *центрѣ*. Ихъ нельзя относить къ учрежденіямъ территоріальнымъ центральнаго управленія, такъ какъ они завѣдывали не всѣмъ управленіемъ данной области, а только одной какой-нибудь его отраслью (военнымъ, финансовымъ управленіемъ); но нельзя ихъ приравнивать и къ мѣстнымъ органамъ обыкновеннаго центральнаго управленія, съ распредѣленіемъ предметовъ вѣдомства по реальной системѣ, такъ какъ находились они не на мѣстахъ, а въ центрѣ. Это странное положеніе ихъ дѣлается однако легко понятнымъ, если обратить вниманіе на происхожденіе этихъ

---

[1]) Нельзя утверждать того-же прямо относительно Б. Казны; но нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что удѣльныя „казны" сохраняли свое независимое существованіе, не сливаясь съ московской казной, нѣкоторое время по присоединеніи удѣловъ, хотя по самому характеру казеннаго вѣдомства—болѣе подвижного, легче поддающагося централизаціи,—сліяніе должно было произойти тутъ быстрѣе, чѣмъ въ дворцовомъ вѣдомствѣ. Завѣщаніе Ивана III (С. Г. Г. и Д., I, стр. 389) прямо говоритъ о казнѣ, хранящейся въ Новгородѣ, въ Вологдѣ, на Бѣломъ озерѣ и въ иныхъ мѣстахъ.

органовъ. Это были старые, удѣльные дворцы и разряды, существовавшіе въ удѣлахъ до ихъ присоединенія къ Москвѣ, и, можетъ быть, оставленные тамъ нѣкоторое время и по присоединеніи удѣловъ, а затѣмъ перенесенные цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ они существовали на мѣстѣ, въ Москву; подчиненные и мѣстные органы каждаго дворцоваго управленія, конечно, оставались въ удѣлѣ, а въ Москву переносились только центральные, такимъ образомъ и случилось, что въ Москвѣ одновременно существовало нѣсколько учрежденій для управленія извѣстной отраслью администраціи, нѣсколько дворцовъ, нѣсколько разрядовъ, каждый въ своей области. Эти органы можно назвать въ одно и то-же время и центральными и областными, но никакъ не территоріальными (они не вѣдали никакой территоріи, цѣльной области во *всѣхъ* отношеніяхъ); въ сущности это были мѣстные органы, перенесенные въ центръ. Сначала эти учрежденія были, вѣроятно, независимы другъ отъ друга, стояли другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, какъ позднѣйшія «Чети», которыя вообще имѣютъ много общаго въ своемъ положеніи въ ряду государственныхъ учрежденій съ этими «дворцами» и «разрядами» начала XVI в., такъ какъ Чети также были центральными учрежденіями, вѣдавшими каждое *извѣстную* область въ извѣстномъ отношеніи, но отнюдь не территоріальными. Можно даже сказать, что какъ въ Четяхъ, такъ и во «Дворцахъ» [1])— XVI в. *реальная система* распредѣленія предѣловъ вѣдомства была *соединена* съ территоріальной: вѣдомство каждаго дворца, каждой Чети—было ограничено за разъ и извѣстной территоріей, и извѣстнымъ кругомъ дѣлъ, такъ что эти учрежденія не были ни чисто территоріальными [2]), ни центральными учрежденіями съ раздѣленіемъ дѣлъ по отраслямъ администраціи на всемъ протяженіи государства, каковыми въ большинствѣ случаевъ являются современныя министерства.

Но ни по своему происхожденію, ни по дальнѣйшей судьбѣ своей финансовыя Чети второй половины XVI в. не имѣли ничего общаго съ областными, вѣрнѣе — удѣльными дворцами и разрядами первой половины этого столѣтія. Чети были созданіемъ московскаго правительства, явленіемъ новымъ, разрушавшимъ старый удѣльный строй, отрицаніемъ старыхъ, вѣками сложившихся отношеній кормленщиковъ и вольныхъ слугъ къ центральному правительству. «Дворцы» и «Разряды» были наоборотъ пережиткомъ

---

[1]) Къ этому же роду учрежденій относятся и оба Земскихъ двора, и четыре Судныхъ приказа.

[2]) Каковыя однако существовали въ Москвѣ въ XVI в. (Казанскій Дворецъ, Новгородскій, Смоленскій и Сибирскій приказы).

этого стараго порядка, наслѣдіемъ удѣльнаго строя, съ которымъ московское правительство не сразу могло справиться, вѣрнѣе—не умѣло переварить его въ своемъ новомъ государственномъ организмѣ. Но какъ только явились у него силы или умѣнье, оно уничтожило этотъ пережитокъ, невыгодный для правильнаго теченія государственной жизни и для власти и доходовъ самого царя,—уничтожило его, подчинивъ сначала удѣльные дворцы Московскому, сдѣлавъ ихъ его отдѣленіями, «третями» [1]), а затѣмъ и совершенно сливъ ихъ съ московскимъ, который уже и раньше, въ отличіе отъ удѣльныхъ, сталъ называться «Большимъ». Это окончательное сліяніе произошло въ самомъ концѣ XVI в., но даже въ началѣ XVII в., уже послѣ смутнаго времени, упоминается въ Новгородѣ—въ 1636 г. [2])—«дворцовый приказъ», но это уже учрежденіе мѣстное, а не центральное, простой мѣстный органъ московскаго Б. Дворца [3]). Судьба четей была совершенно иная, именно вслѣдствіе иного ихъ происхожденія: московское правительство и не думало сливать ихъ другъ съ другомъ или подчинять одному какому нибудь центральному, финансовому учрежденію для всего государства: онѣ продолжали существовать независимо другъ отъ друга въ теченіе всего XVII стол., временно соединяясь иногда подъ управленіемъ одного лица съ совершенно несродными имъ по характеру учрежденіями; но эти соединенія были чисто личными, случайными. Только въ самомъ концѣ XVII в. московское правительство стало, по выраженію г. Лаппо-Данилевскаго, дѣлать «попытки къ систематизаціи поступленій», стало стремится къ объединенію въ одномъ учрежденіи каждой отрасли администраціи. Эти попытки удалось привести въ исполненіе только Петру Великому. Дворцы-же областные исчезаютъ уже въ концѣ XVI в., а разряды (мы, собственно можемъ предполагать существованіе разрядовъ, или подобныхъ имъ учрежденій, вѣдавшихъ дѣлами служилаго сословія, только въ Твери [4]) и Рязани) [5]) еще раньше [6]).

---

[1]) Боярская книга 1566 г. „Иванъ Наумовъ емлетъ откупъ съ ключа съ трети *Рязанскіе* на Большомъ Дворцѣ". (Архивъ Ист.-Юрид. Свѣдѣній, изд. Калачева, ч. III—стр. 78, л. 167).

[2]) А. А. Э. III, 259 (дьякъ Филиппъ Арцыбашевъ).

[3]) Въ 1619—1621 г. въ Новгородѣ существуетъ „дворцовый приказъ" дѣйствующій, какъ отдѣленіе Большого Дворца. Онъ составляетъ свои смѣтные списки и отсылаетъ ихъ въ Б. Дворецъ. См. о немъ г. Милюкова, „Государственное хозяйство Россіи", стр. 31 прим. 3.

[4]) Ключевскій, Б. Дума стр. 219—220 (о лицахъ „служившихъ по Тверскому списку").

[5]) См. ниже.

[6]) Въ XVII в. появляются областные разряды въ смыслѣ нѣсколькихъ городовъ, приписанныхъ къ одному старшему, воеводѣ коего подчинены ихъ воеводы. (Неволинъ т. VI, стр. 183).

Вопросъ о происхожденіи областныхъ дворцовъ давно разъясненъ въ нашей литературѣ: еще Неволинъ, Градовскій и Лохвицкій, и вслѣдъ за ними г. Лаппо-Данилевскій, пр. Ключевскій и г. Лихачевъ, прямо и опредѣленно высказали мнѣніе, что это были дворцовыя управленія удѣльныхъ князей, перенесенныя, по присоединеніи удѣловъ, въ Москву. Но ошибка Неволина, а вслѣдъ за нимъ Лохвицкаго, Градовскаго и многихъ другихъ изслѣдователей, разъясненная только въ послѣднее время трудами г. Милюкова, пр. Середонина и пр. Платонова, состояло въ томъ, что частное явленіе, перенесеніе въ Москву удѣльныхъ дворцовыхъ (и, можетъ быть, разрядныхъ) управленій,—*въ томъ видѣ*, какъ они существовали въ удѣлахъ,—они приняли за общее—за перенесеніе въ Москву *всего* центральнаго управленія присоединенныхъ земель, *въ томъ видѣ*, какъ оно дѣйствовало въ нихъ до присоединенія. Неволинъ [1]) говоритъ: «по мѣрѣ присоединенія областей къ Москвѣ, центральные органы ихъ управленія *просто переносились* въ Москву, а мѣстные оставались въ областяхъ». Изъ этого мнимаго перенесенія указанные авторы вывели происхожденіе территоріальныхъ областныхъ приказовъ, которые на самомъ дѣлѣ возникли позже и вовсе не изъ бывшихъ удѣловъ, а изъ присоединенныхъ окраинъ, съ населеніемъ отчасти инородческимъ, съ иными условіями бытовыми и политическими, чѣмъ въ центрѣ. Центръ же областными приказами никогда и не управлялся. Вторая, и еще болѣе важная ошибка, названныхъ изслѣдователей заключалась въ отождествленіи четей съ областными приказами и въ указаніи на мнимое происхожденіе ихъ отъ «третей» Ивана III (тутъ повліяло, вѣрно, извѣстіе о третяхъ Б. Дворца). Объ этомъ скажемъ подробнѣе при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи четей, теперь же вернемся къ областнымъ дворцамъ, объясненіе происхожденія которыхъ не представило такихъ трудностей, какъ вопросъ о происхожденіи четей.

Изъ удѣльныхъ дворцовъ, сохранившихся въ XVI в., мы имѣемъ указаніе на дворцы *Тверской* [2]) (Тверской дворецкій и дьяки упоминуже въ завѣщаніи Ивана III, около 1504 г.; мы знаемъ Тверскихъ наются дворецкихъ—М. Ю. Захарьина—въ 1521 г., Шигону Поджогина- въ 1532 г., В. М. Юрьева—въ 1547 г.); *Рязанскій* [3]) (въ жалованной грамотѣ Комельской обители [4]) 1550 г. говорится: «судитъ мой

[1]) С. Соч., т. VI, стр. 122—125.

[2]) Лихачевъ (Разр. Дьяки, стр. 37) говоритъ о Тверской писцовой книгѣ, въ которой сказано: „деньги отдавати въ дворцовый приказъ". Книга эта относится къ 1560 г.

[3]) Арх. Ист. и Юр. Св. Калачева ч. III, стр. 78, л. 67 „Треть Рязанская на Большомъ Дворцѣ".

[4]) Приведено у Лихачева op. cit., стр. 37.

Гос. Публ. Б.

дворецкій, котораго будетъ дворецкаго Рязанскій дворецъ въ приказѣ»,—это какъ бы указываетъ, что въ то время въ Москвѣ было нѣсколько дворецкихъ, — одинъ главный, «большой» [1]), другіе — областные, подчиненные ему [2]). Выше приведенное извѣстіе боярской книги 1556 г. («о трети Рязанской въ Б. Дворцѣ») изображаетъ уже Рязанскій дворецъ отдѣленіемъ Большого, хотя особые рязанскіе дворецкіе встрѣчаются и позже—въ 1559 г.); *Дмитровскій* (Дмитровскій дворецкій—Далматъ Ѳеодоровичъ Карповъ,—въ 1547 г.—разрядная книга П. Ѳ. Лихачева); *Нижегородскій* (Нижегородскій дворецкій—въ 1523 г.—А. И. Бутурлинъ; въ 1559 г.—Нижегородскій, Казанскій и Астраханскій дворецкій—М. И. Вороной—Волынскій). Особенно часто встрѣчается *Новгородскій* дворецъ (Новгородскимъ дворецкимъ въ 1555 г. былъ С. В. Шереметевъ) [3]). Скоро послѣ завоеванія Казани является и *Казанскій* дворецъ (въ 1553 г. дворецкій Д. Р. Юрьевъ), рядомъ съ которыми существовалъ нѣкоторое время отдѣльно *Мещерскій* дворецъ, потомъ слившійся съ Казанскимъ. Пр. Ключевскій говоритъ еще о *Ростовскомъ* дворцѣ («Б. Дума, стр. 248). Въ концѣ XVI в.—вѣрнѣе всего во времена опричнины (такъ какъ съ 60-хъ годовъ перестаютъ встрѣчаться въ документахъ указанія на областныхъ дворецкихъ, столь частыя въ 40-хъ и 50-хъ годахъ)—Большой Дворецъ поглощаетъ всѣ областные дворцы, за исключеніемъ Казанскаго и Мещерскаго Дворца, который, однакоже, является не областнымъ дворцовымъ управленіемъ, а вполнѣ самостоятельнымъ учрежденіемъ по общему управленію, съ территоріальнымъ характеромъ. На это прямо указываетъ очень интересное извѣстіе разрядной книги отъ 1591 г. (7099) о «Рязанской» и «Дмитровской» «*избахъ*», въ которыхъ сидѣли и «дѣлали свое дѣло»: въ первой—С. Ѳ. Сабуровъ, во второй—кн. Иванъ Туренинъ. (Разр. книга Е. В. Барсова, л. 569). Очевидно, эти «избы» еще далеко не простые «*столы*» или «*побытья*» Б. Дворца, такъ какъ въ нихъ сидятъ не подъячіе и даже не дьяки, а люди именитые: эти избы—учрежденія самостоятельныя, только «присудныя» Б. Дворцу, мало по малу входящія въ его составъ. Г. Лихачевъ (стр. 307), кажется, весьма основательно сближаетъ эти «избы» съ областными судными приказами, которые, по свидѣтельству Г. Успенскаго, упоминаются впервые

---

[1]) Въ данное время Д. Р. Юрьевъ, имя котораго и написано „на срединѣ" указанной грамоты: „Приказъ Боярина и Дворецкаго Даниила Романовича".

[2]) Рязанскіе дворецкіе упоминаются въ 1540—41 г.—И. М. Юрьевъ, и въ 1559 г. кн. В. А. Сицкій.

[3]) Новгородскіе дворцовые дьяки упомянуты уже въ 1518 г. (П. С. Р. Л., VI, 280—281; Семенъ Борисовъ и Звяга Сафоновъ).

какъ разъ въ это время. (Рязанскій судный приказъ въ 1591 г., а Дмитровскій—въ 1595 г.). Весьма возможно, что къ нимъ перешли судебныя функціи старыхъ «дворцовъ», которые, вѣроятно, подобно Московскому, судили въ предѣлахъ своей области лицъ, изъятыхъ отъ суда намѣстниковъ. Окончательное сліяніе областныхъ дворцовъ (кромѣ, конечно, Казанскаго) съ Московскимъ Большимъ или, вѣрнѣе, поглощеніе ихъ этимъ послѣднимъ произошло, по мнѣнію Неволина, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича; такъ оно, кажется, и было на самомъ дѣлѣ. Большой Дворецъ, какъ постоянное учрежденіе, ставшее во главѣ стараго вѣдомства дворецкаго, сформировался, несомнѣнно, раньше, чѣмъ учрежденія, ставшія во главѣ другихъ придворныхъ вѣдомствъ, благодаря большей сложности и разнообразію своихъ функцій: кромѣ хозяйственной эксплоатаціи княжескихъ вотчинъ, уже въ XV в. (и даже раньше) дворецкій вѣдалъ и предметы государственнаго управленія, судебнаго и финансоваго: судилъ привилегированныхъ владѣльцевъ, собиралъ первоначально (до образованія спеціальныхъ финансовыхъ приказовъ съ чисто государственнымъ характеромъ) многіе княжескіе доходы не только съ дворцовыхъ, но и съ черныхъ земель; всѣ эти функціи перешли и къ приказу Большого Дворца. Но уже къ началу XVI в. несомнѣнно выдѣляютъ изъ себя постоянныя учрежденія—съ дьяками и съ особымъ дѣлопроизводствомъ—и два другія дворцовыя вѣдомства: казенное и ямское (соображенія, по которымъ ямское вѣдомство *въ этотъ періодъ* отнесено къ дворцовымъ, указаны ниже).

3. Ямской приказъ.

Эти два вѣдомства въ данную эпоху прежде всего рѣзко отличались отъ Б. Дворца тѣмъ, что во главѣ ихъ мы не видимъ людей родовитыхъ или чиновныхъ, бояръ или дѣтей боярскихъ. Хотя должность казначея съ 1495 г. записывается въ Шереметевскомъ спискѣ боярской книги, но до 1573 г. (когда казначеемъ назначенъ кн. Масальскій) казначеями бываютъ люди «новые», что не мѣшаетъ многимъ изъ нихъ впослѣдствіи возвышаться по службѣ. Кто стоялъ во главѣ ямского вѣдомства въ началѣ XVI в., имѣло ли оно вообще отдѣльнаго начальника или было поручено начальнику какого-нибудь другого вѣдомства — выяснить трудно. Документы говорятъ только о «ямскихъ дьякахъ» и «подъячихъ», у которыхъ ямскія дѣла въ приказѣ. Вѣроятно, это вѣдомство состояло въ началѣ XVI в. изъ однихъ дьяковъ, въ виду его важнаго правительственнаго значенія и въ то же время отдаленія отъ оффиціальнаго двора. Указанія на ямскихъ дьяковъ встрѣчаются впервые еще въ

1492 г. [1])— «Тимофей дьякъ ямской Семеновъ сынъ Маклакова» [2]); затѣмъ—въ 1502 г.—Алексѣй, дьякъ ямской [3]); въ духовной Ивана III упоминаются дьяки ямскіе—Данило Клобуковъ и Юрья Лелечинъ, про которыхъ тутъ же сказано, что они подписывали «полныя» и «докладныя» (кабальныя грамоты), за что, конечно, получали дьячью пошлину; великій князь завѣщалъ имъ это право подписки кабальныхъ грамотъ; это можетъ служить, по нашему мнѣнію, косвеннымъ указаніемъ на то, что приказъ Холопья суда еще не существовалъ тогда, какъ окончательно сложившееся учрежденіе, съ строго опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ, хотя весьма вѣроятно (какъ увидимъ ниже), что онъ уже складывался въ это время. Кромѣ того, фактъ скрѣпленія кабальныхъ грамотъ ямскими дьяками [4]), при чемъ это скрѣпленіе признается ихъ *правомъ*, формально подтвержденнымъ завѣщаніемъ великаго князя, указываетъ на характеръ кормленія, который продолжалъ господствовать въ дворцовыхъ приказахъ въ началѣ XVI в. Подъ 1512 г. [5]) упоминаются дьяки Некрасъ Харламовъ и Михаилъ Никитинъ, которымъ нѣкто Давыдъ Сырковъ, получившій приказаніе отъ великаго князя перестроить Ергольскій ямъ, долженъ отдать списокъ расходамъ. Г. Лихачевъ [6]) полагаетъ, что это—косвенное указаніе на существованіе въ 1512 г. ямского приказа уже съ *коллегіальнымъ* устройствомъ—съ двумя дьяками, а не *личнаго*, какъ въ 1504 г. Успенскій [7]) относитъ существованіе ямского приказа къ 1516 г., ссылаясь на упомянутую разрядную Публичной Библіотеки. Его мнѣніе повторяетъ Неволинъ [8]). Карамзинъ относитъ ямской приказъ ко времени Ивана IV, къ 1578 г., къ которому относится первое извѣстное ему упоминаніе ямской избы [9]). Авторъ статьи о приказахъ въ Вивліоѳикѣ думаетъ, что Ямской приказъ образовался во времена Ѳеодора Ивановича или царя Бориса [10]). Объ «Ямѣ» говорится въ 1536 г. [11]): въ извѣстіи этого

---

[1]) Ямская подать („ямъ") упоминается еще въ XIV стол. (А. А. Э. I, № 5, 1361—1365 г.).

[2]) (А. Юр. Быта, I, № 118).

[3]) (С. Б. И. Р. И. О., Т. XLI, стр. 404).

[4]) Любопытно, что тѣ же двое дьяковъ упоминаются и въ разрядной книгѣ Имп. Публ. Библ. (F. IV, 181) подъ 1516 г., при чемъ и здѣсь говорится, что они подписываютъ полныя и докладныя.

[5]) А. А. Э. I, № 156.

[6]) Op. cit., стр. 50, пр. 1.

[7]) Op. cit. стр. 300.

[8]) Op. cit. Томъ VI, стр. 167.

[9]) Т. IX, пр. 516.

[10]) Т. XX, стр. 418.

[11]) Сб. И. Р. И. О., Т. LIX, стр. 43. „А кормъ ему велѣно давать с яму изъ

года прямое указаніе на существованіе ямского приказа, какъ учрежденія («ямъ во дворцѣ» и «подъячей»,—тѣмъ болѣе, что въ декабрѣ того же года «дьяками», которые «ямскія дѣла вѣдаютъ», являются Тимофей Казаковъ и Василій Рахмановъ); [1]) значитъ, въ ямскомъ приказѣ сидѣли въ это время два дьяка и были подъячіе. По аналогіи съ извѣстіями 1536 г. и многими другими, г. Лихачевъ [2]) заключаетъ о существованіи ямского приказа уже въ 1503 г. на основаніи словъ статейнаго списка: «а о корму писано у Тишки у Моклокова» [3]). Но здѣсь рѣчь можетъ итти и о *личномъ* приказѣ, а не о учрежденіи, которое является лишь въ 1512 г. [4]). Слово «*ямская изба*» впервые встрѣчается въ 1550 г. [5]). Раньше первымъ извѣстіемъ о ямской избѣ считалось извѣстіе 1555 г. [6]). гдѣ упоминаются дьяки ямской избы Иванъ Мацневъ съ товарищи.—*Ямской приказъ*» упоминается впервые въ 1582 г. [7]). «*Ямская изба*» послѣ 1555 г. упоминается еще въ 1564, 1578 и 1583 гг.

4. *Казенный приказъ.*

Казенное вѣдомство, по самому характеру своему склонное къ централизаціи, къ сосредоточенію всѣхъ своихъ дѣлъ въ одномъ мѣстѣ,—при самомъ дворѣ князя,—и притомъ въ рукахъ не одного лица, а нѣсколькихъ, взаимно другъ друга контролирующихъ и связанныхъ общей отвѣтственностью—сравнительно рано образовало центральное учрежденіе съ коллегіальнымъ устройствомъ, которое и стало во главѣ вѣдомства. Учрежденіе это вполнѣ естественно образовалось изъ Казеннаго Двора, мѣста, гдѣ хранилась княжеская казна, и куда, вѣроятно, ея хранители—казначеи—являлись для разбора дѣлъ своего вѣдомства. Первоначально же казна, вѣроятно, хранилась въ самомъ дворцѣ князя и мѣсто ея

дворца своего (а писанъ кормъ у діаковъ, которые ями вѣдаютъ), а кормъ давалъ Матѳѣй Казаковъ...".

[1]) Ib., стр. 64.

[2]) „Библіотека и Архивъ Моск. Государей въ XVI стол." стр. 56, прим.

[3]) Сб. И. Р. И. О., Т. XXV, стр. 410.

[4]) А. А. Э. I, 156.

[5]) Грамота этого года напечатана у Лихачева, „Библ. и Архивъ", стр. 57, прим.;—Сытнику Мартынову предписывается собрать „прогонныя деньги по той выписи, какова тебѣ дана изъ ямской избы". (Собр. Грамотъ Колл. Экономіи, по Москвѣ, № 16/1556).

[6]) Д. къ А. И., I, № 51, XIII.

[7]) Въ Польскихъ статейныхъ спискахъ, кн. XIV, л. 259; См. Лихачевъ, op. cit. стр. 58, прим. Раньше первымъ извѣстіемъ о немъ считалось извѣстіе книги о Московскомъ осадномъ сидѣньи, 1618—1619 г. (Вивл., т. XX).

храненія тоже называлось «Казной» (отсюда позднѣйшее выраженіе «казёнка»—мѣсто храненія бумагъ и документовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, особенно въ съѣзжихъ избахъ воеводъ); затѣмъ для нея было построено особое зданіе, особый «дворъ». Появленіе въ документахъ «казеннаго двора» можно считать, по нашему мнѣнію, указаніемъ на начало центральнаго учрежденія казеннаго вѣдомства, позднѣйшаго Казеннаго приказа, такъ какъ эта постройка знаменуетъ выдѣленіе казеннаго управленія изъ общей массы дворцоваго вѣдомства. (Пр. Ключевскій [1]) точно такъ же начинаетъ исторію Посольскаго приказа, какъ особаго учрежденія, съ построенія особаго зданія для посольскаго вѣдомства—посольской избы въ 1565 г.) Казенный дворъ уже упоминается въ концѣ XV в.—въ 1493 г. [2]) и въ 1495 г. [3]), а о «казенномъ подъячемъ» говорится еще въ 1467 г. [4]). Это послѣднее извѣстіе даетъ поводъ думать, что въ 60-хъ г.г. XV в. въ числѣ помощниковъ казначеевъ,—такъ же какъ и дворецкихъ,—были уже дьяки и подъячіе—зачатки будущихъ приказовъ. Оба учрежденія—какъ Б. Дворецъ, такъ и Казенный Приказъ—складывались уже въ это время, въ теченіе всей второй половины XV столѣтія, а къ началу XVI вѣка вылились въ окончательную форму, хотя и тогда еще не назывались «приказами»; слово «приказъ» существовало уже давно, но употреблялось оно въ смыслѣ «порученія», какъ понятіе отвлеченное, а въ смыслѣ «учрежденія» впервые встрѣчается въ 1512 г. [5]). Одно упоминаніе Казеннаго двора само по себѣ, конечно, еще не даетъ намъ право заключать о существованіи особаго учрежденія, управлявшаго казеннымъ вѣдомствомъ; рѣчь можетъ просто итти о зданіяхъ, въ которыхъ хранилась княжеская казна.

Но уже въ завѣщаніи Ивана III, какъ вѣрно указалъ г. Лихачевъ, мы встрѣчаемъ полный составъ Казеннаго приказа [6]), какимъ знаемъ его по позднѣйшимъ извѣстіямъ: *казначея* (Дм. Вл. Ховрина-Овцу), *печатника* (Юрія Дм. Грека-Троханіота) и *двухъ дьяковъ* (Данилу Мамырева и Тимофея Маклакова,—того самаго, который былъ ямскимъ дьякомъ въ 1492 г. Въ апрѣлѣ 1503 г. онъ

---

[1]) Б. Дума, стр. 171.

[2]) П. С. Р. Л., VIII, 227—кн. Андрей Вас. Большой, умершій въ этомъ году, сидѣлъ „въ тюрьмѣ на Казенномъ дворѣ".

[3]) Въ разсказѣ о свадьбѣ Кн. Елены Ив. съ вел. кн. Александромъ Литовскимъ—Разр. книга П. Ѳ. Лихачева стр. 18.

[4]) П. С. Р. Л., VI, 186.

[5]) А. А. Э. I, 155. Судьба этого слова аналогична съ судьбой слова „учрежденіе" въ теченіе XVIII и XIX столѣтій. Еще при Александрѣ I слово это употребляется лишь, какъ понятіе абстрактное—„установленіе", „положеніе".

[6]) С. Г. Г. и Д., I, стр. 399.

былъ еще ямскимъ дьякомъ) [1]). Поэтому извѣстіе 1518 г. о казначеяхъ Казеннаго двора, давшихъ грамоту о толмачѣ на подводахъ Елизару Сергѣеву въ Новгородъ [2]), надо принимать за прямое указаніе на существованіе въ это время Казеннаго приказа. Двухъ казенныхъ дьяковъ, по мнѣнію г. Лихачева, мы встрѣчаемъ уже въ 1501 г.: онъ считаетъ [3]) казенными дьяками Василія Кулешина и Тимофея Моклокова, подписи которыхъ встрѣчаются на судныхъ спискахъ суда казначея Ховрина. Кулешинъ былъ казеннымъ дьякомъ («казначеемъ», но, конечно, не старшимъ), еще въ 1495 г. [4]). Казенная Палата упоминается въ 1529 г. [5]), 1537 г. [6]), и позже, какъ помѣщеніе Казеннаго приказа (въ разсказахъ о пріемахъ пословъ). На ряду съ наименованіемъ Казенной Палаты (наименованіе частное, обыкновенно равносильное общему—«Казенный Дворъ») [7]), и Казенной Избы—въ 1578 г. [8]) продолжаетъ встрѣчаться старое названіе Казеннаго Двора [9]) — (напр. въ 1579 г. въ разрядахъ сказано: «на Казенномъ Дворѣ у печати»... Иванъ Петровъ сынъ Новосильцовъ), а въ 1585 г. уже встрѣчаемъ Приказъ Казеннаго Двора [10]). Изъ этого чисто придворнаго вѣдомства выдѣляется къ серединѣ XVI в. сословно-финансовый приказъ съ обще-государственнымъ значеніемъ, завѣдующій государственнымъ обложеніемъ лицъ торговаго класса—Пр. Большой Казны. Неволинъ напрасно относитъ его ко времени Ивана III, смѣшивая его съ Дворцовымъ Казеннымъ Приказомъ, при чемъ ссылается на Карамзина [11]); Большая Казна выдѣлилась не раньше царствованія Ивана IV.

Должность казначея великаго князя попадаетъ впервые въ Шереметевскую боярскую книгу въ 1495 г., когда казначеемъ былъ Дм. Вл. Ховринъ-Овца; но онъ занималъ эту должность еще въ 1491 г. [12]). Конечно, 1495 г. нельзя считать годомъ учрежденія этой должности (какъ думалъ Неволинъ), какъ и вообще нельзя считать годъ появленія той или другой придворной должности въ Шереметевской книгѣ годомъ учрежденія этой должности. Мы не мо-

---

[1]) Сб. И. Р. И. О., XXV, 410.
[2]) Сб. И. Р. И. О., LIII, 65.
[3]) „Разр. Дьяки", 142, пр. 1.
[4]) Р. Ист. Сб., V, 14, 16; Сб. И. Р. И. О., XXV, 163.
[5]) ib., 787.
[6]) ib., LIX, 365.
[7]) Лихачевъ, „Б. и Арх." Стр. 52, пр. 1.
[8]) Вивл. т. XIV, стр. 349.
[9]) А. Юр. Б., № 41, II.
[10]) Д. къ А. И., I, стр. 204.
[11]) Т. 9, стр. 100, пр. 144.
[12]) Пам. Дипл. Снош., изд. II отдѣл., стр. 65.

жемъ даже утверждать, чтобы появленіе той или другой должности въ этой книгѣ непремѣнно указывало на *одновременное* измѣненіе характера этой должности, повышеніе ея «чести»; повышеніе это могло произойти и раньше, да и происходило оно не вдругъ, а постепенно. Во всякомъ случаѣ трудно думать, чтобы это повышеніе произошло вдругъ, *во время* пребыванія въ должности лица, уже занимавшаго ее передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ, а не съ назначеніемъ новаго лица, болѣе родовитаго. Въ то время должность была слишкомъ тѣсно связана съ лицомъ, ее занимающимъ, чтобы могъ измѣниться ея характеръ безъ перемѣны лица. Обыкновенно должность повышалась съ назначеніемъ на нее лица болѣе знатнаго, чѣмъ его предшественники. Должность казначея повысилась, можетъ быть, при назначеніи на нее Ховрина, а можетъ быть (и это вѣрнѣе) и раньше. Ко времени составленія завѣщанія Ивана III (около 1504 г.), кромѣ Московскаго Казеннаго Двора, бывшаго подъ управленіемъ казначея, часть казны хранилась у дворецкаго, часть—у конюшаго, часть—въ Новгородѣ, у тамошнихъ дворецкаго и казначея, а также у казначеевъ на Бѣломъ Озерѣ, въ Вологдѣ и иныхъ мѣстахъ.—Упоминается въ актахъ не разъ и «*постельная казна*», въ которой хранились различные акты и книги [1]).

Все это указываетъ на то общее явленіе, что московскія центральныя учрежденія, какъ дворцовыя, такъ и недворцовыя, образовались большей частью *не* путемъ *дифференцированія*, выдѣленія изъ какого нибудь одного основного учрежденія, но скорѣе наоборотъ—благодаря *соединенію* нѣсколькихъ отдѣльныхъ учрежденій или должностей съ сходными или даже совершенно одинаковыми функціями въ *одно общее* вѣдомство: такъ, сначала было нѣсколько дворецкихъ, нѣсколько казначеевъ; каждый правилъ своимъ вѣдомствомъ независимо отъ другихъ: затѣмъ уже всѣ областные дворцы мало по малу подчиняются Большому и, наконецъ, исчезаютъ въ немъ; различныя «казны» сосредоточиваются въ одномъ центральномъ вѣдомствѣ Казеннаго Двора. Но послѣ этого еще встрѣчаемъ въ теченіе нѣкотораго времени *двухъ* дворецкихъ, *двухъ* казначеевъ [2]); бывало иногда даже *три* казначея заразъ [3])

---

[1]) А. А. Э. I, стр. 338. (Въ VII книгѣ Временника Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. (1850 г.) въ „Описи домашняго имущества царя Ивана Вас. по спискамъ 90—91 гг." есть отрывокъ перечня „Книги Государевы Постѣльные Казны", (стр. 6—7). О постельной казнѣ см. Лих., „Библ. и Арх.", стр. 25.

[2]) Напр. Ѳ. Н. Сукина и Хоз. Ю. Тютина въ 1555 г.—А. И. I, № 54, IV; 74; 112; А. А. Э. I, № 263.

[3]) Въ 1547 г.—Третьяковъ, Сукинъ и Тютинъ; А. Юр. I, № 22 отъ 1547 г. упоминаетъ Третьякова и Тютина; но Сукинъ былъ казначеемъ уже съ 1544 г. Въ 1552 г. опять три казначея:—Головинъ (Ив. П.), Сукинъ и Тютинъ.

Начиная съ 1544 г., когда вторымъ казначеемъ сдѣлался Сукинъ (первымъ былъ уже И. И. Третьяковъ) до середины 60-хъ годовъ, (вѣроятно до 1567 г.) во главѣ Казеннаго Двора стояло постоянно *два* казначея. Но трудно сказать,—новое ли это коллегіальное начало, или, наоборотъ, остатокъ старины, когда еще было нѣсколько дворовъ, нѣсколько казенъ. Въ вѣдомствѣ Дворца этотъ порядокъ скоро исчезаетъ (въ 1509—1513 г.г. было, по всей вѣроятности, двое дворецкихъ—Челяднинъ и кн. Великій), хотя въ теченіе всего XVI в. встрѣчаемъ нѣсколько областныхъ дворецкихъ. Въ казенномъ вѣдомствѣ порядокъ этотъ держится нѣсколько дольше, до конца 60-хъ г.г. XVI вѣка.

5. *Связь Казеннаго вѣдомства съ вѣдомствомъ дипломатическимъ.*

Пр. Ключевскій [1]) и г. Лихачевъ [2]) указываютъ на тотъ фактъ что въ «казнѣ» хранились первоначально различные акты и грамоты. Г. Лихачевъ полагаетъ поэтому, что казною назывался также государственный архивъ, находившійся на Казенномъ дворѣ и состоявшій въ вѣдѣніи Казначея, а пр. Ключевскій говоритъ о тѣсной связи Казеннаго двора съ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ. Что въ казнѣ хранились—вмѣстѣ со всякими цѣнностями—и разныя важныя бумаги, въ томъ числѣ дипломатическіе акты,—фактъ несомнѣнный [3]), но нѣтъ необходимости предполагать вмѣстѣ съ пр. Ключевскимъ [4]), будто приказъ казначея служилъ первоначально канцеляріей и архивомъ думы по иностраннымъ дѣламъ. Проще предположить, что казна дѣйствительно являлась первое время общимъ архивомъ для всѣхъ важныхъ документовъ — одинаково дипломатическихъ и не дипломатическихъ, касающихся какъ дѣлъ государственныхъ, такъ и частной жизни князей: лежали въ «казнѣ» и жалованныя грамоты [5]) и помѣстныя [6]), изъ чего однако нельзя еще заключить, что казначеи вѣдали дѣла тѣхъ вѣдомствъ, бумаги коихъ хранились въ «казнѣ»;

---

[1]) Б. Дума, стр. 172.

[2]) „Разр. Дьяки", стр. 42.

[3]) Уже въ 1447 г.—въ договорахъ вел. князя Василія Васильевича съ княземъ Иваномъ Андр. Можайскимъ встрѣчаемъ: „въ казнѣ грамоты докончалные" (Р. С. I, № 66). Въ 1491 г. Вас. Кулешинъ и Юрій Грекъ (печатникъ) привезли отъ римскаго короля Максимиліана „грамоту докончалную и отдали её на храненіе казначею Дмитрію Володиміровичу" (Ховрину). (Пам. Диплом. Сношеній, т. I, стр. 65—66).

[4]) Б. Дума стр. 173.

[5]) А. Юр., № 11, стр. 21.

[6]) См. Писцовыя книги Тверскаго уѣзда, ч. I, отд. 2. л. 43.

у нихъ и такъ было свое очень обширное вѣдомство). Они отвѣчали только за сохранность документовъ. Но уже въ серединѣ XVI в. важнѣйшіе акты, касающіеся Государя и его предковъ, документы дипломатическіе, а также дѣла по общему управленію хранятся въ особомъ государственномъ архивѣ, который, какъ неоспоримо доказалъ г. Лихачевъ [1]), нельзя отождествлять ни съ Казеннымъ дворомъ, ни съ личнымъ царскимъ архивомъ [2]). Но въ то же время встрѣчаются въ «Описи» отмѣтки о выдачѣ дѣлъ въ различные приказы [3]): это обстоятельство въ связи съ отсутствіемъ въ «Описи» дѣлъ помѣстныхъ и разрядныхъ – (эти послѣднія брались въ случаѣ надобности у Ив. Елиз. Цыплетева, управлявшаго въ то время Разрядомъ)—заставляетъ думать, что въ 60-хъ, 70-хъ гг. XVI стол. важнѣйшіе приказы имѣли уже свои собственные архивы и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяетъ намъ согласиться съ самимъ г. Лихачевымъ, полагающимъ, что государственный архивъ, «казна» находился при Посольскомъ приказѣ [4]). Самъ же онъ говоритъ, что акты изъ этого архива брались въ «Посольную Палату», о чемъ неоднократно упоминаетъ «Опись». Далѣе, изъ «Описи» видно, что въ «Царскомъ» архивѣ хранились далеко не одни дипломатическіе акты, а вообще *важнѣйшіе* документы всякихъ вѣдомствъ (въ ящикахъ, обозначенныхъ по именамъ дьяковъ этихъ вѣдомствъ). Мы представляемъ себѣ дѣло такъ: сначала документы различныхъ вѣдомствъ (и, быть можетъ, преимущественно дипломатическіе, вслѣдствіе того, что Казеннымъ Дворомъ, вмѣстѣ съ казначеемъ, правилъ *печатникъ*, а онъ то и былъ главнымъ помощникомъ князя по дипломатическимъ сношеніямъ въ XV—XVI вв., своего рода канцлеромъ) хранились, дѣйствительно, на Казенномъ Дворѣ. Но вскорѣ, по мѣрѣ накопленія дѣлъ, отдѣльные приказы завели собственные архивы, а важнѣйшія дѣла всѣхъ вѣдомствъ, имѣвшія обще-государственное значеніе (преимущественно—политическое, по вѣрному замѣчанію г. Лихачева [5]), стали храниться въ общемъ государственномъ архивѣ.

Въ то же время—къ серединѣ XVI в.—изъ общаго казеннаго вѣдомства выдѣлились (вѣроятно, не безъ вліянія опричнины) и личная казна государя—«постельная казна», въ которой тоже храни-

---

[1]) „Библ. и Архивъ", 62—66.

[2]) А. А. Э. I, № 289 лщ. 186—„а далъ тотъ ящикъ Царь и вел. князь съ Казеннаго Двора лѣта 7070 (1562)".

[3]) А. А. Э. № 289 лщ. 18—въ „Посолную Палату"; лщ. 153—„въ Казанскую Избу".

[4]) Op. cit., 67.

[5]) Op. cit., 66.

лись разные документы [1]), которые царь почему либо всегда желалъ имѣть при себѣ. Однако и на Казенномъ Дворѣ продолжали храниться какіе то документы, вѣроятно, старыя бумаги, ненужныя для текущихъ дѣлъ. Указаніе на это мы встрѣчаемъ еще въ XVII в., въ 1636 г.—въ этомъ году дьяки Лихачевъ и Матюшкинъ отнесли изъ Посольскаго приказа на Казенный Дворъ «государевы начальные великіе дѣла» и передали ихъ на храненіе казенному дьяку Облезову [2]). Впрочемъ, возможно, что такой порядокъ существовалъ именно только въ XVII в., послѣ разоренья смутнаго времени, когда, кажется, былъ разоренъ и тотъ «царскій» архивъ, опись котораго сохранилась въ А. А. Э., Т. I, № 289.
Объ отношеніяхъ Казеннаго Двора и вѣдомства Казначеевъ къ возникновенію Посольскаго приказа мы скажемъ, когда будемъ говорить объ этомъ послѣднемъ, теперь же перейдемъ къ вопросу о времени образованія другихъ придворныхъ приказовъ.

6. *Конюшенный приказъ.*

Начнемъ съ *Конюшеннаго.* Должность конюшаго въ теченіе всего XV вѣка занимала далеко не выдающееся положеніе среди другихъ придворныхъ должностей; въ Шереметевскую сводную книгу она попадаетъ только въ 1492 г., когда конюшимъ былъ назначенъ *бояринъ* А. Ѳ. Челяднинъ [3]), и какъ разъ въ томъ же году впервые встрѣчается въ актахъ «дьякъ конюшенный» [4]). Сопоставляя эти два извѣстія, мы можемъ высказать предположеніе, что уже въ 90-хъ гг. XV в. складывается учрежденіе, ставшее затѣмъ во главѣ Конюшеннаго вѣдомства. (То же думаетъ и Неволинъ [5]), неточно выражаясь только объ «учрежденіи» въ 1496 г. должности Конюшаго). Въ Тверской писцовой книгѣ 1548 г. есть уже прямое указаніе на Конюшенную Избу («а оброкъ с тое деревни платятъ на Москву въ Конюшенную Избу по книгамъ») [6]). Въ 1553 г. Успенскій встрѣтилъ упоминаніе о Конюшенныхъ

---

[1]) А. А. Э. I, 289, лщ. 36.

[2]) Пам. Д. Сн., II, стр. 1438.

[3]) Выше должности дворецкаго она становится только съ 1550 г., съ назначеніемъ боярина И. Ѳедорова. Послѣднимъ конюшимъ былъ М. Ѳ. Нагой, — отставленъ въ 1606 г. Въ XVII в. должность Конюшаго не замѣщалась, какъ думаютъ, изъ политическихъ расчетовъ. Она стала неудобной, въ виду достигнутого ею значенія. Формально упразднена она никогда не была.

[4]) А. Юр. Быта, I, стр. 723.—„Сенька Васильевъ Огафоновъ".

[5]) Т. VI, стр. 155.

[6]) Писц. книги XVI в., т. I, отд. 2, стр. 245.

дьякахъ, которое считалось древнѣйшимъ до выхода въ свѣтъ книги г. Лихачева. Названіе «Конюшенный Приказъ» встрѣчается впервые только въ 1599 г. [1]).

7. *Постельный приказъ.*

Въ XVI-же вѣкѣ—и не позже царствованія Грознаго возникли еще три дворцовыхъ приказа:—Постельный, Ловчій и Сокольничій (мы не говоримъ пока о «дворахъ», подчиненныхъ Большому Дворцу).

Авторъ статьи о приказахъ въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ относитъ начало Постельнаго приказа къ 1573 г., на основаніи боярской книги этого года, нынѣ утерянной. Въ Шереметевскомъ спискѣ постельничіе появляются съ 1495 г. (Иванъ Юршъ),—одновременно съ казначеями, съ вѣдомствомъ коихъ ихъ вѣдомство имѣетъ много общаго: они вѣдаютъ «казну постельную», въ которой хранится бѣлье, платье, иконы, золотая и серебряная утварь и книги [2]). Постельная казна, какъ книгохранилище, упоминается неоднократно[3]). Косвенное указаніе на существованіе учрежденія, стоявшаго во главѣ постельнаго вѣдомства, находимъ въ посланіи Максима Грека къ извѣстному Алексѣю Адашеву, постельничему отъ 1554 до 1561 г. Максимъ пишетъ Адашеву: «къ тому молю васъ, Бога ради, пошлите ми на подержаніе Григоріа Богослова, книгу греческую» [4]). Адашевъ является здѣсь представителемъ учрежденія, а не частнымъ лицомъ; иначе Максимъ не обращался бы къ нему во множественномъ числѣ; дѣйствительно, въ это время былъ и другой постельничій—М. И. Вѣшняковъ. Оба они—и Вѣшняковъ, и Адашевъ—были еще въ 1553 г. стряпчими [5]), а потомъ уже стали оба постельничими. Здѣсь мы замѣчаемъ аналогію съ казеннымъ вѣдомствомъ:—какъ во главѣ послѣдняго въ 50-хъ гг. стояли *два* казначея, такъ во главѣ постельнаго стоятъ въ то же время *двое* постельничихъ. И такъ, по крайней мѣрѣ въ 50-хъ годахъ XVI стол. Постельный приказъ уже существовалъ, какъ учрежденіе, аналогичное Приказу Казеннаго Двора, хотя оба названія встрѣчаются впервые по актамъ нѣсколько позже [6]).

---

[1]) А. А. Э., II, № 12.

[2]) С. С. Г. и Д., I, № 144.

[3]) А. А. Э., I. № 289. Лихачевъ, „Библ. и Арх.“ стр. 25, Сергѣевичъ, „Юр. Др.“, Т. I, стр. 462.

[4]) Лих. op. cit. стр. 25.

[5]) Лих. „Разр. Дьяки“ стр. 180, пр. 2.

[6]) Постельный приказъ въ 1573 г., Приказъ Казеннаго Двора въ 1585 г.

8. *Ловчій и Сокольничій приказы.*

Должность *ловчаго* въ Шереметевской книгѣ значится съ 1509 г. (М. И. Нагой), а съ 1550 г. по 1574 г. лицо, занимающее ее, именуется «ловчимъ и сокольничимъ» (И. Ѳ. Наумовъ); соединеніе это однако было чисто личнымъ и случайнымъ. Въ 1574 г. обѣ должности снова раздѣляются; Шереметевская книга указываетъ только двухъ лицъ, ихъ совмѣщавшихъ (кромѣ Наумова еще Бобрищева-Пушкина (1568—1574); послѣдній отъ 1574 г. до 1582 г. былъ уже только сокольничимъ). Разумѣется, и ловчіе, и сокольничьи существовали при Московскомъ дворѣ и управляли своими «путями» уже гораздо раньше 1509 г. Еще въ 1503 г. встрѣчаемъ между московскими послами въ Литву сокольничьяго М. С. Еропкина-Кляпика [1]). Трудно указать сколько нибудь точно время появленія въ ряду дворцовыхъ приказовъ ловчьяго и сокольничьяго. До середины XVI в. эти приказы врядъ ли существовали въ смыслѣ учрежденій съ начальникомъ во главѣ и нѣсколькими дьяками—его помощниками. Благодаря несложности дѣла, а главное—маловажному финансовому значенію обоихъ вѣдомствъ—и ловчій, и сокольничій, вѣроятно, довольно долго обходились безъ помощи дьяковъ, слѣдившихъ въ области дворцоваго управленія главнымъ образомъ за соблюденіемъ финансовыхъ интересовъ великаго князя. Въ серединѣ же XVI в., съ соединеніемъ обоихъ вѣдомствъ подъ управленіемъ одного лица (въ 1550 г.) этому лицу были, вѣроятно, приданы дьяки. Во всякомъ случаѣ, оба приказа существовали въ эпоху смутнаго времени, какъ два отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга учрежденія [2]). Однако при Котошихинѣ [3]) въ 60-хъ гг. XVII в. не было уже ни того, ни другого приказа: сокольничье [4]) вѣдомство отошло къ приказу Тайныхъ Дѣлъ, а ловчее—къ Конюшенному приказу.

9. *Житенный приказъ.*

Наконецъ при Иванѣ III упоминается еще *Житенный приказъ* [5]), который Неволинъ сближаетъ съ позднѣйшимъ *Хлѣбнымъ приказомъ*

---

[1]) Сб. И. Р. И. О., т. XXXV, стр. 413.

[2]) А. Ист., II, № 355; 1610—1613.

[3]) „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", Гл. VII, ст. 1 и гл. VI, ст. 6.

[4]) Послѣднее назначеніе на должность сокольничьяго—въ 1606 г. (Гр. Гр. Пушкинъ).

[5]) Карамзинъ т. IX, пр. 444.

(существовавшимъ болѣе или менѣе независимо всего 13 лѣтъ— отъ 1663 до 1679 г.); этотъ послѣдній былъ одинмъ изъ четырехъ дворовъ (Житенный, Хлѣбенный, Кормовой и Сытенный) [1]) подчиненныхъ Большому Дворцу, только съ болѣе независимымъ положеніемъ, такъ какъ онъ имѣлъ нѣкоторыя административныя функціи (къ нему было приписано нѣсколько деревень съ ихъ пашнями, которыя онъ и вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ). Но этотъ Хлѣбный приказъ (или дворъ) не имѣлъ ничего общаго съ Житеннымъ приказомъ начала XVI в., учрежденіемъ военно-административнымъ, точнѣе—*интендантскимъ*, такъ какъ оно заготовляло провіантъ для войска. На это прямо указываетъ авторъ статьи въ Др. Росс. Вивліоѳикѣ, говоря, что Житный приказъ былъ впослѣдствіи соединенъ при Петрѣ Великомъ со *Стрѣлецкимъ* приказомъ и замѣненъ Провіантской канцеляріей. Впрочемъ, Неволинъ самъ относитъ его потомъ къ «приказамъ по управленію дѣлами благочинія», основываясь на томъ, что изъ него раздавали хлѣбъ народу въ случаѣ голода; это вполнѣ можно допустить по отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ, но врядъ ли таково было настоящее назначеніе даннаго приказа: это не соотвѣтствовало бы общему развитію взглядовъ того времени на задачи правительственной дѣятельности. Поэтому мы не относимъ Житнаго приказа XVI в. къ дворцовымъ и полагаемъ, что къ XVI в. можно отнести начало только уже перечисленныхъ нами дворцовыхъ приказовъ: Большого Дворца, Казеннаго Двора, Конюшеннаго, Постельнаго, Ловчаго и Сокольничьяго, а также Ямского, который въ эпоху своего возникновенія, тоже можетъ быть причисленъ къ группѣ дворцовыхъ приказовъ.

10. Дворы: Кормовой, Хлѣбенный, Житенный и Сытенный.

Не всѣ старые дворцовые «пути» образовали въ XVI в. особыя независимыя учрежденія, отдѣльные приказы. Такъ напр. *чашничій* и *стольничій* пути никогда не находились въ вѣдѣніи особыхъ приказовъ и даже должностей чашника и стольника, въ смыслѣ управляющихъ отдѣльными вѣдомствами, въ XVI в. уже не существовало. Стольничество являлось почетнымъ придворнымъ «чиномъ», званіемъ; по свидѣтельству Котошихина [2]) стольниковъ было около 500 человѣкъ; извѣстное число *стольниковъ* (но, конечно, не всѣ) прислуживали, дѣйствительно, при дворѣ, такъ же, какъ и «*чарошники*» [3]), замѣнившіе прежнихъ «чашниковъ». Какъ вѣрно

---

[1]) См. Ключевскій op. cit. стр. 114.
[2]) Op. cit., гл. II, ст 6.
[3]) Ib., гл. VI, ст. 2.

замѣтилъ пр. Ключевскій [1]), чашничій путь преобразился въ *Сытенный дворъ*, подчиненный Большому Дворцу (объ этомъ дворѣ, какъ и о другихъ двухъ, упоминается въ запискѣ о Московскомъ Государствѣ, составленномъ для Сигизмунда и Владислава въ 1610—1613 гг.); во главѣ этого двора стоялъ «приказъ», который однако, надо понимать въ этомъ случаѣ только, какъ управленіе «двора», а не какъ центральное судебно-административное учрежденіе—по управленію дворцовому или государственному—все равно. (Впрочемъ, приказъ Казеннаго двора тоже сначала былъ мѣстнымъ учрежденіемъ, управленіемъ «двора» въ тѣсномъ смыслѣ слова, а затѣмъ уже изъ него развилось центральное учрежденіе, къ хозяйственнымъ функціямъ котораго прибавились и административныя). Столничій путь раздѣлился на *два* двора—*Кормовой* и *Хлѣбенный*. Можно прибавить къ нимъ и третій, Житенный [2]), по своимъ функціямъ также относящійся къ вѣдомству «стольнича пути», но образовавшійся позже; въ запискѣ 1610—1613 гг. онъ не упомянутъ. Вопросъ въ томъ, когда совершилось это превращеніе чашнича и стольнича пути въ упомянутые «дворы»—«департаменты» (по выраженію пр. Ключевскаго) Большого Дворца. Отвѣтить на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, очень трудно. Во всякомъ случаѣ, въ серединѣ XVI в. стольничій путь былъ еще независимымъ вѣдомствомъ, какъ это видно изъ уставной грамоты Переяславскимъ рыболовамъ и «крестьянамъ стольнича пути» 1555 г. [4]) По всей вѣроятности, судьба обоихъ путей была одинакова съ судьбой ловчаго и сокольничьяго путей: въ теченіе всего XVI в. они существовали, какъ независимыя вѣдомства, а въ XVII в., послѣ смутнаго времени, значительно упростившаго весь строй дворцоваго управленія и сократившаго придворный штатъ — они были приписаны къ другимъ вѣдомствамъ, при чемъ чашничій и стольничій пути были подчинены Большому Дворцу и явились какъ бы его отдѣленіями.

11. *Дворцовые приказы, возникшіе въ XVII стол.*

Вообще въ XVII в. въ области дворцоваго управленія нарушилась прежняя обособленность и цѣлостность отдѣльныхъ «путей»; многіе изъ нихъ потеряли свою самостоятельность, ихъ вѣдомство было распредѣлено между существующими дворцовыми

---

[1]) Б. Дума, 114, прим.
[2]) А. И., II, № 355.
[3]) Котошихинъ, гл. VI, ст. 5.
[4]) А. А. Э. I, 242.

приказами; благодаря этому, въ XVII в. встрѣчаемъ гораздо больше смѣшенія въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства, чѣмъ въ XVI в. [1]) Возникновеніе всѣхъ остальныхъ дворцовыхъ приказовъ уже безъ всякаго сомнѣнія относится къ XVII в. и время ихъ образованія не трудно указать довольно точно.

Въ началѣ столѣтія уже упоминается Приказъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ [2]), возникшій вѣроятно, при Борисѣ Годуновѣ; о немъ же говоритъ и Котошихинъ [3]), но по Вивліоѳикѣ Приказъ серебряныхъ дѣлъ значится по записнымъ книгамъ только съ 1677 г., а въ 1676 г. упоминается въ нихъ Серебряная палата; въ 1627 г. встрѣчается въ записныхъ разрядныхъ книгахъ Царская мастерская палата [4]); въ 1656 г.—Царицына мастерская палата [5]); въ 1626 г. и въ 1665 г.—Дворцовый Судный приказъ [6]); въ 1663 г.—Панихидный приказъ [7]); наконецъ, въ 1682 г.—упоминается Дворцовый Каменный приказъ [8]), но о Каменномъ приказѣ говоритъ еще Котошихинъ [9]) и извѣстно, что онъ существовалъ еще при царѣ Борисѣ. Авторъ статьи о приказахъ въ Вивліоѳикѣ, а за нимъ и Неволинъ [10]), различаютъ эти два приказа: первый они считаютъ учрежденіемъ дворцовымъ, а второй—государственнымъ [11]), но изъ описанія Каменнаго приказа Котошихинымъ ясно, что это—одно и то же учрежденіе, представляющее переходъ отъ дворцовыхъ приказовъ къ приказамъ по общему управленію. Главной обязанностью Каменнаго приказа была, конечно, постройка разныхъ дворцовыхъ зданій, но, по словамъ Котошихина «вѣдомо въ томъ приказѣ всего Московскаго Государства каменное дѣло и мастеры»... слѣдовательно, онъ завѣдывалъ вообще постройкой казенныхъ каменныхъ зданій. То же самое надо сказать и объ Аптекарскомъ приказѣ, начало котораго прежде относили къ 1658 г. [12]), Неволинъ отнесъ къ 1632 г. (а, можетъ, и къ 1620 г.) [13]), а г. Лихачевъ доказалъ существованіе этого

---

[1]) См. А. И., II, 355.

[2]) А. И., II, 355, 1610, 1613 гг.

[3]) Гл. VII. стр. 22.

[4]) Вивл. т. XX; Кот., гл. VII, ст. 12.

[5]) Вивл. ib.; Кот., VII, ст. 13.

[6]) Вивл. ib.; П. Собр. Зак., № 1145.

[7]) Вивл. ib.; Кот., VII, ст. 35.

[8]) Вивл. ib.

[9]) Гл. VII, ст. 27.

[10]) Т. VI, ст. 166.

[11]) По Вивліоѳикѣ онъ значится въ записныхъ книгахъ съ 1628 г.

[12]) Др. Росс. Вивл. т. XX.

[13]) Неволинъ основывается на С. Г. Г. и Д., III, 109 и на сочиненіи Берха „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, т. I, стр. 120. (Неволинъ т. VI, стр. 168).

приказа еще въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, въ 1594—1595 гг. [1]). Оба приказа, и Аптекарскій и Каменный были, безъ сомнѣнія, основаны еще при Борисѣ, и не въ качествѣ спеціально-дворцовыхъ учрежденій, для удовлетворенія нуждъ исключительно царскаго двора, но въ цѣляхъ общаго благоустройства, какъ учрежденія полицейскія (санитарной и строительной полиціи). Причину ихъ учрежденія надо видѣть въ извѣстныхъ заботахъ царя Бориса объ «общемъ благѣ», объ народномъ благосостояніи; это было явленіе совершенно новое въ тогдашней русской правительственной дѣятельности. Но такъ какъ заботы эти были явленіемъ не только новымъ, но и преходящимъ, то оба учрежденія, основанныя въ цѣляхъ общаго благоустройства, скоро стали удовлетворять почти исключительно нуждамъ дворцоваго вѣдомства. Въ концѣ же XVII в., въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, когда правительство снова начало проявлять нѣкоторую дѣятельность въ области полиціи безопасности и благосостоянія, оба приказа вернули отчасти свой прежній характеръ: этимъ и объясняется тотъ фактъ, что въ Вибліоѳикѣ Каменный приказъ значится по разряднымъ книгамъ съ 1628 г., а Дворцовый Каменный—только съ 1682 г.; когда старый Каменный приказъ (существовавшій не съ 1628 г., а съ конца XVI стол. и о которомъ и упоминаетъ Котошихинъ) получилъ опять свое прежнее значеніе, явилась потребность въ особомъ учрежденіи, вѣдающемъ спеціально постройки дворцоваго вѣдомства: тогда въ 1682 г. и явился Дворцовый Каменный приказъ.

Итакъ, Аптекарскій и Каменный приказы временъ Бориса Годунова мы не относимъ къ дворцовымъ, какъ не относимъ къ нимъ и Приказа строенія богадѣленъ, учрежденнаго въ 1670 г. и существовавшаго всего 10 лѣтъ. Хотя этотъ послѣдній приказъ и вѣдалъ *частное* дѣло царя, его личную благотворительность, но самое дѣло это относилось къ области общей полиціи благосостоянія, почему мы и относимъ Приказъ строенія богадѣленъ къ учрежденіямъ по общему управленію. По той же причинѣ мы не поименовываемъ въ числѣ дворцовыхъ приказовъ «*Оружейной палаты* [2]), состоявшей подъ управленіемъ оружничаго, и «*Печатнаго приказа*» [3]), находившагося подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ печатника, такъ какъ обѣ эти должности носили не частно-хозяйственный, а публичный характеръ, были органами государственнаго управленія, а не дворцоваго.

---

[1]) Лихачевъ „Разр. Дьяки" стр. 70. Лихачевъ ссылается на Писцовую книгу Вязевскаго уѣзда 7102—7103 г. (Писцов. кн. XVI ст., т. I, отд. 2, стр. 811).

[2]) По Вивл. въ записныхъ книгахъ съ 1659 по 1669 г.

[3]) Ib., въ записныхъ книгахъ съ 1611 г.

Ямской же приказъ, въ эпоху его возникновенія — въ началѣ XVI в. — мы отнесли къ приказамъ дворцовымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ — онъ возникъ *вмѣстѣ* съ дворцовыми приказами, и въ такое время, когда еще не существовало ни одного центральнаго учрежденія съ публичнымъ характеромъ, да и по самому способу своего происхожденія — изъ вѣдомства ямскихъ дьяковъ, которые существовали раньше его учрежденія, — онъ долженъ быть отнесенъ къ дворцовымъ, такъ какъ извѣстно, что именно *дворцовые* приказы создавались изъ вѣдомства того или другаго *личнаго органа*, существовавшаго задолго до учрежденія приказа; государственные приказы—за немногими исключеніями—создавались совсѣмъ *инымъ* путемъ; во-вторыхъ — тотъ классъ населенія, который онъ вѣдалъ,—*ямщики*, отправляя спеціальную натуральную повинность, стояли къ великому князю въ такихъ же отношеніяхъ, какъ крестьяне различныхъ дворцовыхъ путей: рыболовы, бортники, бобровники и т. д., т. е. въ отношеніяхъ частно-владѣльческаго, вотчиннаго, а не публичнаго характера, каковы напр. были отношенія къ князю черныхъ крестьянъ. Вотъ почему мы, не боясь кажущейся непослѣдовательности, относимъ Ямской приказъ—въ эпоху его образованія (но *не* въ XVII в.)—къ группѣ дворцовыхъ приказовъ, и въ то же время не относимъ къ нимъ не только такіе приказы, какъ оружейный и печатный, но и такіе—казалось бы вполнѣ частныя учрежденія, какъ приказы Верхней типографіи [1]) (въ 1680 г.) и Строенія богадѣленъ; эти два приказа возникли подъ вліяніемъ совсѣмъ другихъ обстоятельствъ, иной мысли. Иванъ III, организуя ямское вѣдомство, конечно, менѣе всего думалъ о служеніи этого вѣдомства цѣлямъ общества: о полиціи благосостоянія, о дѣятельности государства въ этой обширной области у него не могло быть и мысли; даже свои простѣйшія обязанности въ области полиціи безопасности—поимку воровъ и разбойниковъ—государство еще полвѣка спустя отдало въ руки общинъ. Но уже царь Борисъ, а тѣмъ болѣе Алексѣй Михайловичъ и особенно Федоръ Алексѣевичъ стояли гораздо ближе къ нашему пониманію общаго блага, общественныхъ удобствъ, задачъ полиціи благосостоянія, когда преобразовывали Аптекарскій приказъ, старый приказъ *Книгопечатнаго дѣла* (созданный еще Грознымъ въ 1553 г., при учрежденіи въ Москвѣ первой типографіи,—тоже въ цѣляхъ *общихъ*—исправленія священныхъ и богослужебныхъ книгъ и ихъ распространенія), учреждали приказъ Строенія богадѣленъ; при опредѣленіи характера того или другого учрежденія необходимо уяснить себѣ,

---

[1]) Полн. собр. зак. № 422, 895, 925, 1213.

по возможности, точку зрѣнія современниковъ, ихъ взглядъ на данное учрежденіе, когда оно только что создавалось. Стараясь стать на эту точку зрѣнія, мы и относимъ Ямской приказъ Ивана III къ учрежденіямъ дворцовымъ и этотъ же самый приказъ и аналогичныя ему по характеру дѣятельности учрежденія конца XVII в.—къ обще-государственнымъ.

О возникновеніи Дворцоваго Четвертного Приказа, въ виду его близкой связи съ финансовыми четями, мы скажемъ, когда коснемся вопроса о времени происхожденія этихъ послѣднихъ. Вообще надо сказать, что старые дворцовые приказы—Большой Дворецъ. Казенный приказъ, а отчасти даже Конюшенный (не говоря уже о Большой казнѣ, о вѣдомствахъ оружничаго и печатника)—хотя и были учрежденіями, вѣдавшими частное хозяйство Государя, однако носили въ себѣ много элементовъ государственнаго управленія, такъ что съ теченіемъ времени Б. Дворецъ и Б. Казна даже выдѣлили изъ себя чисто публичныя учрежденія—Монастырскій приказъ и приказъ Б. Казны—и даже *послѣ* этого выдѣленія никогда не могли вполнѣ освободиться отъ этого смѣшаннаго, вотчинно-государственнаго характера. Позднѣйшіе же дворцовые приказы XVII стол., съ гораздо болѣе узкимъ кругомъ вѣдомства, съ далеко проведенной спеціализаціей. носили уже ярко выраженный частно-хозяйственный, «придворный» характеръ; они сами собой сразу выдѣляются въ особую, своеобразную группу, рѣзко отличающуюся отъ учрежденій государственнаго характера.

III. Приказы по государственному управленію.

Общій взглядъ на возникновеніе приказовъ по государственному управленію.

Переходя къ вопросу о происхожденіи этихъ послѣднихъ учрежденій (мы говоримъ здѣсь пока только о приказахъ, возникшихъ въ XVI в.), мы прежде всего раздѣлимъ ихъ на двѣ группы по времени ихъ возникновенія, въ зависимости отъ причинъ двоякаго характера. вызвавшихъ ихъ образованіе (при чемъ, однако. всѣ эти причины сами вытекаютъ непосредственно изъ одного и того же факта объединенія сѣверо-восточной Руси подъ властью Московскаго великаго князя). Первая изъ этихъ причинъ, какъ уже сказано выше, коренилась въ новомъ международномъ положеніи Московскаго государства, вторая—въ новыхъ отношеніяхъ государя къ высшему слою служилаго класса.

Новое международное положеніе, постоянныя войны съ сильными и хорошо организованными врагами настоятельно требовали упорядоченія военной организаціи; удовлетворить эти требованія

долженъ былъ *Разрядъ*, центральное военно-административное учрежденіе, и возникшій нѣсколько позже *Стрѣлецкій* приказъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ центральныхъ учрежденій по военному управленію. Усложнившіяся и сдѣлавшіяся очень оживленными дипломатическія сношенія съ сосѣдями требовали тоже особаго учрежденія—и вотъ является Посольскій приказъ. Оба эти учрежденія—Разрядъ и Посольскій приказъ—складываются въ періодъ отъ начала 30-хъ до начала 50-хъ гг. XVI ст. и къ 1555 г. могутъ считаться окончательно сформировавшимися; въ этотъ же періодъ возникаетъ еще одно учрежденіе, очень важное въ дѣлѣ организаціи служилаго сословія, а слѣдовательно и обороны страны именно Помѣстный приказъ.

Образованіе другой группы приказовъ съ судебными и финансовыми функціями было непосредственно вызвано важными измѣненіями въ сферѣ областного управленія.—измѣненіями. которыми заключалась многовѣковая борьба московскаго великаго князя съ удѣльными князьями и «вольными слугами», потомками этихъ князей и старыхъ дружинниковъ. Борьба князя съ высшимъ служилымъ классомъ, ограниченіе власти и правъ намѣстниковъ или исподволь, незамѣтно. пока «вольными слугами» являлись только потомки дружинниковъ; но когда въ XIV, XV вв. въ ихъ ряды вошло множество удѣльныхъ и «служилыхъ» князей (уже раньше поступленія на службу Московскаго князя почему-либо потерявшихъ свои удѣлы),—борьба обострилась и стала открытой.

Потомки удѣльныхъ князей смотрѣли на свою власть намѣстниковъ, какъ на прямое продолженіе своей власти, какъ удѣльныхъ князей [1]). Съ другой стороны, московскіе великіе князья, чувствуя свою силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе нуждаясь въ средствахъ для осуществленія новыхъ правительственныхъ задачъ, возникшихъ изъ новаго положенія московскаго государства, живѣе прежняго сознавали необходимость ограничить власть и доходы намѣстниковъ и тѣмъ увеличить свои собственные. Ко всему этому присоединялись все болѣе частыя и настойчивыя жалобы общества на намѣстническое управленіе—и правительство, не видя возможности или не умѣя измѣнить характеръ этого управленія, начинаетъ вводить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Новгородѣ въ 50-хъ гг.) на ряду со старымъ управленіемъ—новое, дьяческое, приказное, а затѣмъ и совсѣмъ упраздняетъ старое въ значительной части государства. Тамъ, гдѣ оно еще уцѣлѣло отъ реформъ Ивана Грознаго, его добила сама жизнь, такъ что ко

---

[1]) См. пр. Ключевскій „Б. Дума", стр. 247—о постепенномъ превращеніи бывшихъ удѣловъ въ кормленія и вотчины служилыхъ князей.

времени Михаила Ѳеодоровича мы не встрѣчаемъ болѣе намѣстниковъ въ Московскомъ государствѣ. Такъ была разрушена стѣна, въ теченіе многихъ вѣковъ стоявшая между правительствомъ и подданными: уничтоживъ мѣстные органы центральной власти—намѣстниковъ, правительство передало многія ихъ функціи въ руки земства, общинъ; но отношенія центральнаго правительства къ этимъ новымъ его мѣстнымъ органамъ были совсѣмъ не тѣ, что къ старымъ: общины собирали разные доходы не въ свою пользу, а отсылали ихъ въ Москву; на судебныя рѣшенія ихъ выборныхъ органовъ всегда была возможна апелляція въ ту же Москву. Отдѣльныя общины, самыя мелкія административныя единицы, были теперь поставлены въ непосредственныя отношенія къ центральному правительству: ихъ выборные органы — губные старосты, земскіе судьи — ѣздили, по избраніи въ должность, въ Москву и приносили тамъ присягу. Такимъ образомъ, переходъ мѣстнаго управленія въ руки земства повлекъ за собой сильнѣйшую централизацію во всей правительственной машинѣ московскаго государства: множество разнообразнѣйшихъ функцій, цѣлый рядъ правъ и обязанностей намѣстниковъ въ области суда, финансоваго управленія и администраціи перешелъ теперь отъ мѣстныхъ органовъ къ центральному правительству, такъ какъ исчезла посредствующая инстанція между правительствомъ и общинами, какою являлись намѣстники. Все областное управленіе стянулось теперь къ Москвѣ, въ уже существовавшія центральныя учрежденія, измѣнивъ только ихъ характеръ, но главнымъ образомъ въ новыя, спеціально возникшія для отправленія новыхъ функцій, учрежденія, ставшія необходимыми подъ вліяніемъ централизаціи областного управленія; такъ возникли въ 50-хъ и 60-хъ гг. XVI стол. Разбойный приказъ, Холопій Судъ, Большой приходъ, Б. Казна, Дворцовый Четвертной приказъ и Чети; впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій, — а именно приказы судебные — Разбойный и Холопій,— стали складываться раньше, еще въ 30-хъ—40-хъ гг., подъ вліяніемъ судебной реформы, предшествовавшей реформѣ административно-финансовой и почти законченной ко времени составленія Царскаго Судебника 1550 г., тогда какъ административная реформа началась собственно только съ середины 50-хъ годовъ. Итакъ, централизація Московскаго управленія [1],—судебная, выразившаяся особенно ярко въ обоихъ Судебникахъ, и административно-финансовая увѣнчавшаяся реформой 50-хъ гг.,—была непосредственной причиной возникновенія второй группы приказовъ—приказовъ судебныхъ и финансовыхъ.

---

[1]) Обстоятельно изложенная пр. Градовскимъ въ его „Исторіи мѣстнаго управленія", гл. I.

Наконецъ, третья группа приказовъ XVI стол. съ публичнымъ характеромъ — приказы территоріальные — возникла независимо отъ двухъ выше указанныхъ причинъ; образованіе этой послѣдней группы вытекло непосредственно изъ факта присоединенія къ Московскому государству областей, бытовыя и политическія условія которыхъ болѣе или менѣе рѣзко отличались отъ условій московскаго центра. Московское правительство не находило удобнымъ сразу подчинить эти области дѣйствію общихъ правительственныхъ установленій, приспособленныхъ къ условіямъ жизни въ центрѣ, и создавало для такихъ областей особыя центральныя учрежденія, вѣдавшія ихъ по всѣмъ (или многимъ) отраслямъ управленія. Такъ возникли Казанскій Дворецъ, Смоленскій и Сибирскій приказы: такимъ же характеромъ отличался, повидимому, и Новгородскій приказъ, который не надо смѣшивать съ Новгородской Четью (иначе называвшейся *Нижегородской*).

Итакъ, вообще періодомъ образованія приказовъ съ общегосударственнымъ характеромъ надо считать царствованіе Ивана Грознаго, если подъ образованіемъ приказовъ разумѣть ихъ окончательное сформированіе, какъ учрежденій съ болѣе или менѣе устойчивыми, опредѣленными составомъ, функціями и дѣлопроизводствомъ, а не появленіе зародышей этихъ учрежденій, въ видѣ личныхъ органовъ или временныхъ комиссій ad hoc. Если оставить въ сторонѣ территоріальные приказы, возникавшіе по мѣрѣ присоединенія соотвѣтствующихъ областей, то можно сказать, что первая половина царствованія Грознаго — 30-е — 40-е и начало 50-хъ гг.—является временемъ образованія приказовъ военныхъ, дипломатическихъ и судебныхъ со спеціальнымъ кругомъ вѣдомства по роду судебныхъ дѣлъ, а именно—разбойныхъ и холопихъ (а вмѣстѣ съ ними и земельныхъ) [1]), а вторая—50-ые—70-ые годы (и позже до царствованія Бориса Годунова)—приказовъ по областному управленію — преимущественно финансовыхъ, но отчасти и судебныхъ (судные областные приказы, возникшіе въ 90-хъ гг. XVI стол., уже при Ѳедорѣ Іоанновичѣ) ;другими словами, первая половина царствованія Грознаго была посвящена образованію центральныхъ органовъ *внѣшняго* управленія (военныхъ и дипломатическихъ), а вторая—органовъ *внутренняго* управленія (кот. въ ту эпоху почти все сводилось къ суду, заботамъ о безопасности и сбору доходовъ).

Если окинуть взглядомъ весь періодъ образованія центральныхъ приказныхъ учрежденій въ Московскомъ государствѣ, то уви-

---

[1]) Разрядъ впрочемъ, упоминается впервые еще при Василіи III—въ 1531 г.

димъ, что послѣдовательность во времени образованія различныхъ органовъ этого управленія вполнѣ соотвѣтствуетъ тому порядку постановки задачъ управленія и разрѣшенія ихъ центральнымъ правительствомъ, который наблюдается не въ одной нашей исторіи. Сначала преобладаютъ частные интересы Государя, его двора, его хозяйства, затѣмъ выступаютъ задачи военныя, дипломатическія, и затѣмъ уже—вопросы внутренняго управленія, сначала только въ формѣ суда и сбора доходовъ. Сообразно этой послѣдовательности раньше всѣхъ появляются приказы дворцовые, затѣмъ — Разрядъ съ Помѣстнымъ приказомъ и Посольскій приказъ, и, наконецъ, приказы судебные и финансовые.

Высказанный нами только что взглядъ на порядокъ образованія органовъ центральнаго управленія нисколько не обязываетъ насъ признавать *вотчинный* характеръ власти и управленія удѣльныхъ и первыхъ московскихъ князей: мы говорили вѣдь сейчасъ не объ управленіи *вообще*, но о функціяхъ *центральныхъ* органовъ управленія; князья же—какъ московскіе, такъ и удѣльные—всегда были носителями *государственной*, а не вотчинной власти, только осуществляли они ее не посредствомъ центральныхъ органовъ, а черезъ мѣстные областные органы, какъ приказнаго, такъ и кормленническаго характера, — тіуновъ и дьяковъ, судившихъ и сбиравшихъ доходы на князя, или намѣстниковъ и волостелей, правившихъ судъ на себя.

А. Приказы военные.

1. *Разрядъ.*

Какъ уже сказано, изъ приказовъ публичнаго характера раньше всѣхъ возникли два учрежденія: *Разрядъ*, вѣдавшій организацію военно-служилаго сословія, и *Посольскій приказъ*, вѣдавшій сношенія съ иностранными государствами и вмѣстѣ съ тѣмъ—судъ и управленіе многими пограничными областями (по западной границѣ Московскаго государства). Первыя извѣстія о Разрядѣ относятся къ 30-мъ гг. XVI в. До послѣдняго времени самымъ раннимъ извѣстіемъ о немъ считалось извѣстіе 1535 г. о разрядныхъ дьякахъ, приводимое Успенскимъ [1]) безъ ссылки на источникъ. Г. Лихачевъ нашелъ его въ рукописныхъ разрядныхъ книгахъ [2]): — въ этомъ извѣстіи упомянуты дьяки Елизаръ Цыплетевъ, Аѳанасій Курицынъ и Григорій Загряжскій, да подъячіе Леонтій и Иванъ

---

[1]) „Опытъ", стр. 302.

[2]) Рук. разр. Публ. Библ., F., IV, 181, часть I, и М. Общ. Ист. и Др. Р., № 182. стр. 300.

Вырубовы. Карамзинъ, однако, основываясь [1]) на одномъ извѣстіи разрядной книги (Бекетовскаго списка), относящемся къ 1471 г., по недоразумѣнію отнесъ къ этому времени и самое существованіе Разряда; за нимъ послѣдовалъ и Неволинъ [2]); но Градовскій [3]) справедливо замѣтилъ, что точныя извѣстія о Разрядѣ не восходятъ раньше 1535 г. (такъ это было и въ то время, когда Градовскій писалъ свой трудъ о мѣстномъ управленіи—въ 1868 г.). Бѣляевъ [4]) относитъ Разрядъ къ эпохѣ Ивана IV. Въ послѣднее время, однако, г. Лихачеву удалось отодвинуть первое извѣстіе о Разрядѣ на четыре года назадъ. Въ разрядной книгѣ П. Ѳ. Лихачева [5]) подъ 1531 г. (7039) сказано: «какъ князь великій положилъ опалу свою на князя Ив. Воротынскова...и велелъ ихъ съ Тулы діаку Аѳонасію Курицыну привести к Москве в разряд» [6]).

«Разрядныя росписи» походовъ, т.-е. распредѣленіе воеводъ по полкамъ, велись со второй половины XV в. (а, можетъ, и раньше). Такъ мы знаемъ роспись воеводъ Новгородскаго похода 1478 г. [7]) и Вятскаго похода 1489 г.; эта послѣдняя роспись была уже занесена въ старыя разрядныя книги, до насъ не дошедшія, и является, такимъ образомъ, настоящей «разрядной росписью» [8]). Авторъ статьи: «Историческое извѣстіе объ упомянутыхъ старинныхъ чинахъ въ Россіи» [9]) даже ссылается на записную книгу 6997 (1489 г.), но, должно быть, это просто роспись воеводъ похода 1489 г., попавшая гораздо позже въ частныя редакціи рукописныхъ разрядныхъ книгъ. Въ началѣ XVI в. неоднократно встрѣчаемъ указанія на веденіе росписи воеводъ, напр. въ 1501 г. [10]). Наконецъ въ одной челобитной середины, XVII в. [11]) дѣлается ссылка на посольство къ римскому папѣ Клименту Еремея Трусова и Шарапа Лодыгина въ 1527 г. (7035), причемъ говорится, что «тотъ посольный отпускъ въ посольскомъ

---

[1]) т. VI, пр. 582.

[2]) т. VI, стр. 146.

[3]) т. II, стр. 185, пр. 1.

[4]) Лекціи, стр. 499.

[5]) Стр. 119.

[6]) Лихачевъ „Разр. дьяки", стр. 119.

[7]) Р. Ист. Сборн. т. II, стр. 214—216, мѣстническое дѣло Ю. Гр. Пильемова съ кн. Ѳ. И. Ивковымъ 1602 г.

[8]) Лихачевъ „Разр. дьяки", стр. 309; Временникъ, кн. XIV, стр. 1—18 (дѣло И. В. Благова съ княземъ И. Ѳ. Шаховскимъ — 1627 г. и кн. Трубецкого съ кн. Куракинымъ—1589 г.).

[9]) Вивл., т. XX, стр. 220.

[10]) Разр. книга Лихачева, стр. 30. 1507 г. (ib., стр. 40), 1513 г. (ib., стр. 61) „и разрядилъ (князь великій) разрядъ воеводъ по городамъ отъ литовскіе окрайны"...

[11]) Челоб. Н. А. Трусова на кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго—1643 г.; см. у Лихачева „Разр. дьяки", стр. 312—313.

приказѣ и въ твоей государевой разрядной книгѣ записанъ...» Здѣсь говорится какъ бы о современной посольству записи въ Разрядѣ. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что разрядныя записи, веденіе разрядныхъ списковъ служилыхъ людей—и не только воеводъ, но и *простыхъ дѣтей боярскихъ*. «людей», (напр. въ *1509* г. находимъ «*списокъ людемъ*», присланный воеводамъ) [1]). существовало уже въ концѣ XV в. и въ началѣ XVI (а по всей вѣроятности и раньше). Такое важное для тогдашняго состоянія обороны страны дѣло, какъ веденіе послужныхъ списковъ служилаго сословія, составлявшаго не только главную. но и единственную военную силу государства, при своей трудности и сложности требовавшее многихъ работниковъ, неминуемо должно было вызвать къ жизни спеціальное учрежденіе. Ссылку Трусова въ его челобитной на кн. Волконскаго можно уже принять за косвенное указаніе на существованіе Разряда въ 1527 г., какъ учрежденія. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ царствованія Василія III Разрядъ существовалъ, какъ вполнѣ сформировавшееся учрежденіе, и—по всей вѣроятности—онъ и образовался во время правленія этого государя: м. б. даже, что окончательно онъ сложился подъ вліяніемъ многолѣтней войны Василія III съ Литвой (1512—1522 г.). Относить его образованіе ко времени Ивана III рисковано, за полнымъ молчаніемъ разрядныхъ росписей и воеводскихъ наказовъ объ этомъ учрежденіи, что было бы трудно допустить, еслибы Разрядъ, какъ учрежденіе, уже существовалъ въ то время.

Пр. Градовскій [2]) ставитъ возникновеніе Разряда въ связь съ развитіемъ помѣстной системы, основныя черты которой окончательно выяснились и получили устойчивость только при Иванѣ IV, хотя пожалованье помѣстьями за службу и для отправленія службы въ большихъ размѣрахъ практиковалось еще при Иванѣ III [3]), а начало свое ведетъ съ XIV стол. (Случаи пожалованья селъ въ условное владѣніе, пока данное лицо будетъ служить князю, извѣстны со временъ Калиты).—Карамзинъ, относящій ко времени Ивана III организацію помѣстной системы, къ тому же времени относитъ и учрежденіе Разряда. Конечно, развитіе помѣстной системы при Иванѣ IV и постепенное вытѣсненіе ею старой системы кормленій много способствовало усиленію вліянія Разряда на устройство служилаго сословія и расширенію его военно-административныхъ функцій. Но нельзя самое образованіе Разряда ставить въ зависимость отъ этого развитія. Самъ Градовскій говоритъ, что

---

[1]) Разр. книга Лихачева, стр. 49.

[2]) Т. II, стр. 185—186.

[3]) Ib. т. II, стр. 157.

помѣстная система опредѣлилась въ своихъ основныхъ чертахъ только въ эпоху Ивана IV, въ связи съ уничтоженіемъ кормленій, вслѣдствіе реформы 1556 г., между тѣмъ какъ Разрядъ въ качествѣ учрежденія возникъ никакъ не позже 30-хъ г.г. XVI ст. и совсѣмъ изъ другого источника: первою и главною его обязанностью, которая и вызвала его къ жизни,—какъ уже сказано,—было составленіе списковъ служилыхъ людей всякихъ чиновъ, опредѣленіе мѣста, времени и рода службы каждаго изъ нихъ, начиная отъ воеводы большого полка до послѣдняго сына боярскаго; а такое распредѣленіе, «разряженіе» было необходимо и при старой системѣ кормленій, вообще не зависѣло отъ того, какимъ способомъ доставлялись средства къ отправленію службы. Вообще, Разрядъ не былъ призванъ проводить новыя начала въ организаціи обороны страны, не долженъ былъ создавать новое постоянное войско, основанное на служебномъ принципѣ выслуги; его задача состояла только въ приведеніи въ порядокъ, въ сообщеніи единства, въ централизаціи уже существующихъ средствъ обороны, въ подчиненіи всей пестрой массы служилыхъ людей и ихъ военныхъ холоповъ московскому центральному правительству, въ объединеніи ихъ въ одну военную силу, которую бы оно могло направлять по своему усмотрѣнію; но не дѣло Разряда было реформировать самыя начала, на которыхъ зиждилась вся военная организація московскаго государства: начала вольной службы, кормленія, вызова служилыхъ людей только по мѣрѣ надобности, на время похода. Къ кореннымъ реформамъ самаго строя служилаго сословія, Московское правительство приступило позже, въ 50-хъ г.г. XVI в. и однимъ изъ ихъ результатовъ явилось образованіе *Помѣстнаго приказа*: а созданіе новаго *постояннаго* войска изъ лицъ, обязанныхъ отдавать себя всецѣло и навсегда военному дѣлу и подчиняться исключительно служебной, а не родовой іерархіи,—явилось задачей Стрѣлецкаго приказа и цѣлаго ряда подобныхъ ему военно-сословныхъ приказовъ. (Пушкарскій, Иноземскій, Рейтарскій и др.).

Совершенно иное (по сравненію со взглядомъ Градовскаго) объясненіе происхожденія Разряда даетъ пр. Ключевскій [1]). «Центральныя вѣдомства, говоритъ онъ, формировались изъ тѣхъ административныхъ осадковъ, какіе постепенно отлагались отъ законодательной дѣятельности Думы по чрезвычайнымъ дѣламъ, входя въ порядокъ текущаго дѣлопроизводства». «Такъ образовались дворцовые и позднѣйшіе московскіе приказы». Важнѣйшіе изъ этихъ послѣднихъ, въ томъ числѣ и Разрядъ, долгое время были

[1]) Б. Дума стр. 170—171.

только отдѣленіями канцеляріи думы по текущимъ дѣламъ, почему во главѣ ихъ и стояли думные дьяки—«государственные секретари», непосредственные докладчики думы. Преимущественно сохранялъ за собой значеніе такой канцеляріи именно Разрядъ, чѣмъ и объясняется его особое положеніе въ ряду другихъ приказовъ и то обстоятельство, что на ряду съ военнымъ дѣломъ въ его компетенцію входила передача другимъ вѣдомствамъ всѣхъ вообще думскихъ распоряженій, ихъ касавшихся, и дѣлопроизводство по особо важнымъ дѣламъ самаго разнороднаго свойства. Въ другомъ мѣстѣ, пр. Ключевскій объясняетъ названіе *четвертей*, которое, по его мнѣнію, Флетчеръ придаетъ приказамъ Посольскому, Помѣстному, Разрядному и Казанскому Дворцу, въ смыслѣ *четырехъ* отдѣленій думской канцеляріи [1]). Приблизительно такъ же объясняетъ происхожденіе Разряда и г. Лихачевъ; онъ говоритъ, что многочисленныя военныя, гражданскія и дипломатическія назначенія сдѣлали необходимымъ образованіе при Думѣ особой канцеляріи и такой канцеляріей явился Разрядъ. Но тутъ же онъ прибавляетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что образованіе Разряда, какъ Думской канцеляріи, и учрежденіе Разряднаго приказа съ цѣлымъ строемъ дьяковъ и подъячихъ—явленія разновременныя и отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими десятками лѣтъ» [2]). Пр. Ключевскій тоже замѣчаетъ, что если не самые приказы—Разрядный и Помѣстный, то дѣла, которыми они потомъ завѣдывали, должны были завязаться раньше княженія Ивана III [3]). Слѣдовательно, онъ полагаетъ возможнымъ относить начало Разряда, какъ учрежденія, ко времени этого княженія. Вполнѣ соглашаясь съ пр. Ключевскимъ въ томъ, что дѣла, которыя вѣдалъ Разрядъ, возникли гораздо раньше княженія Ивана III, мы не можемъ не замѣтить, что не существуетъ никакихъ указаній на то, чтобы Разрядъ сначала являлся только думской канцеляріей въ тѣсномъ смыслѣ слова, и затѣмъ измѣнилъ свое значеніе и сдѣлался центральнымъ военно-сословно-административнымъ учрежденіемъ, сохраняя въ то же время свои старыя функціи. Напротивъ, въ первомъ же извѣстіи, въ которомъ указанъ полный составъ Разряда—въ разрядной книгѣ подъ 1535 г. Разрядъ является центральнымъ административнымъ учрежденіемъ, а подъ 1537 г. [4]), есть прямое указаніе на то, что «дѣтямъ боярскимъ» уже тогда велись списки у разрядныхъ дьяковъ «Елизара Цыплетева съ товарыщи). Только въ извѣстіи разрядной книги

---

[1]) Ib., стр. 408, прим.

[2]) „Разр. дьяки", стр. 79—80.

[3]) „Б. Дума", стр. 175.

[4]) Сб. И. Р. Ист. Общ., т. LIX, стр. 65, посольская книга сношеній съ польско-литовскимъ государствомъ.

1531 г., (которое является теперь древнѣйшимъ указаніемъ на Разрядъ) нельзя опредѣлить: идетъ ли здѣсь рѣчь о немъ, какъ объ отдѣленіи думской канцеляріи или какъ о самостоятельномъ центральномъ учрежденіи [1]). Трудно признать Разрядъ—хотя бы и въ первое время его существованія—отдѣленіемъ думской канцеляріи. Онъ могъ исполнять и дѣйствительно исполнялъ обязанности думской канцеляріи, за неимѣніемъ у думы таковой, но возникъ онъ, какъ самостоятельное центральное учрежденіе для завѣдыванья служилымъ классомъ и всегда сохранялъ этотъ свой характеръ. Если выражаться новыми терминами, то разрядъ можно скорѣе назвать министерствомъ, канцелярія котораго служила въ то же время канцеляріей государственнаго Совѣта, чѣмъ простой канцеляріей (или даже отдѣленіемъ канцеляріи) этого послѣдняго, непосредственно ему подчиненной и органически входящей въ его составъ. Градовскій [2]) говоритъ, что при Боярской Думѣ были учреждены двѣ канцеляріи: *Расправная Палата*—по дѣламъ судным, и *Разрядъ* — по части распорядительной и исполнительной. Очевидно, что здѣсь говорится о двухъ вещахъ совершенно различныхъ, даже несоизмѣримыхъ, о двухъ явленіяхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго. Во первыхъ, Разрядъ возникъ лѣтъ на 150 раньше Расправной Палаты; затѣмъ онъ представлялъ изъ себя постоянное центральное учрежденіе, состоявшее изъ однихъ дьяковъ, тогда какъ Расправная Палата являлась думской комиссіей изъ разныхъ думныхъ чиновъ, долгое время вовсе не имѣла постояннаго характера, а въ качествѣ постояннаго судебнаго департамента Думы она просуществовала всего 13 лѣтъ (1681—1694 г.), да на время отсутствія Государя изъ Москвы вѣдала текущія дѣла [3]); дѣлопроизводство ея вели думные дьяки. Расправная Палата не была отдѣльнымъ отъ Думы учрежденіемъ и изъ нея, дѣйствительно, могла бы развиться канцелярія думы. Она была уже произведеніемъ эпохи начинающихся реформъ, новыхъ политическихъ и административныхъ взглядовъ и понятій.

Дмитріевъ [4]) тоже считаетъ Разрядъ, какъ и Посольскій приказъ, канцеляріями *Государя* (но не *Думы*: такой взглядъ гораздо

---

[1]) Впрочемъ, это объясняется чисто казуистическимъ характеромъ сообщаемаго факта: доставить опальныхъ служилыхъ людей въ Москву князь могъ велѣть, кому хотѣлъ, кому больше вѣрилъ; но и то обстоятельство, что доставить ихъ велѣно именно въ Разрядъ, только лишній разъ указываетъ, что Разрядъ былъ уже въ это время центральнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ службу служилыхъ людей, а слѣдовательно и имѣвшимъ дисциплинарную власть надъ ними.

[2]) „Высшая администрація Россіи въ XVIII в." и „генералъ-прокуроры" введеніе.

[3]) См. „В. Дума"—стр. 425—426.

[4]) Ист. суд. Инстанцій, стр. 125.

ближе къ сущности дѣла), потому что въ нихъ засѣдали одни дьяки, безъ представителей высшаго служилаго сословія. И Дмитріевъ, и Градовскій, подобно пр. Ключевскому, склонны видѣть въ Разрядѣ—канцелярію, а не самостоятельное центральное учрежденіе, именно благодаря отсутствію въ немъ высшаго служилаго элемента. Но насъ не должно смущать это обстоятельство: по понятіямъ того времени служилый человѣкъ знатнаго рода, потомокъ удѣльныхъ князей или старыхъ московскихъ бояръ, могъ служить только въ качествѣ *воина*, *намѣстника* (вообще областного правителя, представителя центральной власти въ области) или *судьи*, съ конца XV в. также *придворнаго*; ему была совершенно недоступна—по условіямъ родовой чести - та сфера служебной дѣятельности, которую пр. Ключевскій [1]) не совсѣмъ точно называетъ «штатской службой» и которую скорѣй можно назвать «департаментской службой», службой въ центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ приказнаго характера. Служить въ качествѣ *судьи* знатному человѣку не было зазорно; поэтому, напр., Разбойная изба и Судные (областные) приказы съ самаго начала являются учрежденіями боярскими: во главѣ ихъ всегда стоитъ бояринъ или окольничій: поэтому бояре и окольничіе—въ какихъ бы приказахъ они ни сидѣли—всегда носили наименованіе «судей»; на ихъ долю и выпадала преимущественно судебная дѣятельность; въ такихъ же учрежденіяхъ, какъ Разрядъ, Посольскій и Помѣстный приказы и Чети, гдѣ на первомъ мѣстѣ стояла дѣятельность административная (организаторская), финансовая и дипломатическая, гдѣ самое учрежденіе носило характеръ скорѣе центральнаго бюро, чѣмъ коллегіальнаго присутствія, тамъ единственными дѣльцами въ теченіи всего XVI в. являлись дьяки, истые выразители и носители приказной системы управленія, самый характерный и неотъемлемый признакъ всякаго приказнаго учрежденія.

Воззрѣніе пр. Ключевскаго и многихъ другихъ ученыхъ на Разрядъ, какъ на отдѣленіе думской канцеляріи, надо приписать въ значительной степени неправильно поднятому и истолкованному извѣстію Флетчера (относящемуся къ 1585 г.) о существованіи четырехъ четвертей: Разряда, Посольскаго и Помѣстнаго приказовъ и Казанскаго дворца, которыя пр. Ключевскій и г. Лихачевъ (а также Карамзинъ, Соловьевъ и пр. Загоскинъ) считаютъ за четыре отдѣленія думской канцеляріи. Такое толкованіе словъ Флетчера основано (какъ доказалъ пр. Середонинъ—«Сочиненіе Дж. Флетчера, какъ историческій источникъ», стр. 244 sqq.) на неточномъ переводѣ. Флетчеръ говоритъ, на самомъ дѣлѣ, что Россія раздѣлена на четыре части,

---

[1]) „В. Дума", стр. 390.

называющіяся четвертями (тетрархіями), изъ которыхъ каждая приписана къ какому нибудь приказу, отъ котораго она заимствуетъ свое названіе, и находится подъ вѣдѣніемъ дьяка, управляющаго этимъ приказомъ. Прежде же переводили это мѣсто такъ [1]): «каждая четверть имѣетъ опредѣленную обязанность, отъ которой заимствуетъ свое названіе». Первая четверть называется Посольскою или Посольскимъ приказомъ (слѣдуетъ перевести: «четвертью Посольскаго приказа» и т. д.). Слово «office», которое у Флетчера въ данномъ мѣстѣ обозначаетъ центральное учрежденіе, приказъ (какъ теперь говорится: «Foreign Office»), — переводили отвлеченнымъ существительнымъ — «обязанность». Итакъ, Флетчеръ говоритъ только о соединеніи подъ управленіемъ одного лица Четей—областныхъ приказовъ съ финансовымъ характеромъ — и трехъ центральныхъ и одного территоріальнаго учрежденія. Онъ считаетъ такое соединеніе, очевидно, за правило; но оно было ничѣмъ инымъ, какъ дѣломъ случая, соединеніемъ чисто личнымъ и временнымъ; такихъ случаевъ много въ исторіи московскаго центральнаго управленія. Но оказывается, что даже во время пребыванія Флетчера въ Москвѣ только начальники Казанскаго Дворца и Помѣстнаго приказовъ, дѣйствительно случайно управляли въ то-же время четвертями (Середонинъ думаетъ, что начальникъ Казанскаго Дворца управлялъ Устюжской Четвертью, а начальникъ Помѣстнаго приказа—Костромской); о разрядномъ дьякѣ Василіи Щелкаловѣ Флетчеръ говоритъ, что «по должности» онъ занимаетъ мѣсто начальника третьей четверти, но управляетъ ею Сапунъ Авраамовъ. Изъ изслѣдованій пр. Платонова [2]) вытекаетъ, что Чети исполняли роль денежныхъ кассъ Разряда, доставляя ему необходимыя для содержанія войска средства; поэтому весьма возможно, что первое время онѣ находились въ зависимомъ отъ него положеніи; но такъ какъ во время пребыванія Флетчера въ Москвѣ три чети (по всей вѣроятности Костромская, Новгородская и Устюжская) были подчинены непосредственно начальникамъ трехъ приказовъ (Посольскаго—Андрею Щелкалову, Помѣстнаго—Елизару Вылузгину, и Казанскаго Дворца—Дружинѣ Петелину), то зависимость ихъ отъ Разряда но была такъ замѣтна, какъ зависимость четвертой Чети—Галицкой, которая имѣла особаго начальника—Сапуна Аврамова, не пользовавшагося, конечно, такимъ личнымъ значеніемъ, какъ начальники трехъ упомянутыхъ приказовъ, а потому и зависимаго отъ Разряда. Наконецъ, соединеніе въ однѣхъ рукахъ управленія Посольскимъ приказомъ и Новго-

---

[1]) Русское изд. сочиненія Флетчера, 1867 г. стр. 28—39.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1892 г., V книга „Какъ возникли Чети?“ стр. 169.

родской Четвертью очень понятно, если вспомнить о постоянной связи, которая существовала между Посольскимъ вѣдомствомъ и западными окраинами Московскаго государства, особенно же Новгородской областью, еще въ XVII в.; впрочемъ, весьма возможно, что здѣсь Флетчеръ смѣшалъ Новгородскую Четь съ территоріальнымъ Новгородскимъ приказомъ, котырый несомнѣнно всю последнюю треть XVI стол. управлялся начальникомъ Посольскаго приказа. Итакъ, невѣрному пониманію разсказа Флетчера отчасти способствовала его собственная ошибка: явленія случайныя или же обусловленныя совершенно различными индивидуальными причинами онъ счелъ за постоянныя и приписалъ ихъ (по своей западно-европейской наклонности къ общимъ нормамъ) одной общей для всѣхъ ихъ причинѣ или, вѣрнѣе, заставилъ предполагать эту причину. Какъ вѣрно замѣтилъ г. Середонинъ, нельзя говорить о подчиненіи всѣхъ остальныхъ приказовъ четыремъ упомянутымъ Флетчеромъ оттого только, что въ нихъ засѣдали думные дьяки, которые докладывали думѣ дѣла, какъ своихъ, такъ и чужихъ приказовъ, такъ какъ одни имѣли право думского доклада. Эти четыре приказа не составляли канцеляріи думы, но ихъ начальники— дьяки— по своему званію думныхъ дьяковъ—исполняли обязанности современныхъ секретарей Государственнаго Совѣта.

Основываясь на неправильно понятомъ сообщеніи Флетчера, защитники гипотезы о происхожденіи Разряда изъ отдѣленія думской канцеляріи принуждены такое-же происхожденіе приписывать Посольскому и Помѣстному приказамъ—и даже Казанскому Дворцу. Тогда какъ относительно Разряда такое предположеніе все же правдоподобно, потому что онъ дѣйствительно являлся впослѣдствіи посредникомъ между думой и приказами, относительно трехъ остальныхъ поименованныхъ учрежденій это предположеніе рѣшительно ничѣмъ не подтверждается (особенно—по отношенію къ Помѣстному приказу и Казанскому Дворцу). Они никогда не были посредниками между думой и приказами, не занимали между ними особаго положенія (мы не говоримъ здѣсь о возвышеніи Посольскаго приказа во вторую половину XVII в. подъ вліяніемъ причинъ личнаго характера); ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя ставить въ этомъ отношеніи на одну доску съ Разрядомъ, нельзя говорить о подчиненіи всѣхъ центральныхъ учрежденій четыремъ приказамъ, упомянутымъ Флетчеромъ. Правда, иностранцы часто называютъ Разрядъ «Государственной Канцеляріей», примѣняясь къ западнымъ понятіямъ и терминологіи того времени; но, во-первыхъ, эта канцелярская дѣятельность Разряда была имъ гораздо виднѣе его военно-административной дѣятельности, заслоняла даже въ ихъ глазахъ послѣднюю: въ качествѣ дипломатовъ, имъ часто прихо-

дилось вести сношенія съ боярской думой, а Разрядъ завѣдывалъ ея дѣлопроизводствомъ; во-вторыхъ, — иностранцы, желая уяснить себѣ нѣкоторыя явленія русской жизни и значеніе различныхъ московскихъ учрежденій, прилагали къ нимъ западные термины, которые не могли однако съ достаточной полнотой выразить сущность даннаго явленія, такъ какъ возникли на иной почвѣ и примѣнялись тамъ къ такимъ учрежденіямъ, соотвѣтствующихъ которымъ не было на Руси. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нисколько не отрицая исполненія Разрядомъ канцелярскихъ обязанностей по отношенію къ боярской думѣ и его роли посредника между нею и прочими приказами, мы объясняемъ однако его происхожденіе не выдѣленіемъ его изъ состава думской канцеляріи (которая никогда не существовала и самая мысль о коей не могла явиться въ XVI в., когда и самая дума не была еще «учрежденіемъ» въ нынѣшнемъ смыслѣ), но все сильнѣе чувствовавшейся настоятельной потребностью въ централизаціи, объединеніи всего военно-служилаго класса, въ непосредственномъ подчиненіи его московскому центральному правительству. Потребность эта была вызвана новымъ международнымъ положеніемъ Московскаго государства и новыми условіями и требованіями военной службы въ первой половинѣ XVI вѣка.

Нужно только объяснить, почему именно *это* учрежденіе, возникшее независимо отъ думы, стало въ такія близкія къ ней отношенія, сдѣлалось посредникомъ между ней и другими приказами? Причиной этому было, прежде всего, то обстоятельство, что *Разрядъ* являлся *первымъ* по времени изъ приказовъ *государственнаго* характера, а такъ какъ во главѣ его стояли думные дьяки (раньше въ XVII в. называвшіеся «введенными» или «великими»), самые близкіе и довѣренные совѣтники Государя, Разрядъ естественно сдѣлался посредникомъ между верховной властью, носительницей которой и являлась *дума съ государемъ во главѣ*, и своими младшими собратьями—другими центральными учрежденіями, во главѣ которыхъ первоначально стояли простые дьяки (за исключеніемъ, впрочемъ, Посольскаго приказа, который всегда управлялся введеннымъ дьякомъ—печатникомъ, но, занимая совершенно особое положеніе, не могъ имѣть близкой связи съ ходомъ внутренняго управленія).

Вторая причина выдающагося положенія, занятаго Разрядомъ въ ряду другихъ приказовъ, гораздо важнѣе и глубже. Уже Градовскій, во введеніи къ своему труду: «Высшая администрація Россіи въ XVIII в. и генералъ-прокуроры», указалъ на огромное значеніе служилаго класса въ исторіи московскаго управленія: «прочныхъ учрежденій, съ точнымъ разграниченіемъ вѣдомствъ», говоритъ онъ, «въ Москвѣ не создалось,—было только одно слу-

жилое сословіе (Градовскій включаетъ въ составъ его и дьяковъ), одинаково способное ко всѣмъ дѣламъ». Разрядъ и былъ призванъ управлять этимъ служилымъ сословіемъ, которое одно только имѣло и право, и обязанность нести *личную* (а не денежную) службу государству и въ своей совокупности являлось настоящимъ *правящимъ классомъ*, такъ какъ боярская дума—собраніе высшихъ представителей этого класса—раздѣляла верховную власть съ Государемъ. Разрядъ вѣдалъ, какъ одно цѣлое, то сословіе, представители котораго защищали страну, сидѣли въ приказахъ, судили, правили областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ. Онъ же являлся посредникомъ между верховной властью и этимъ сословіемъ, такъ же какъ и между верховной властью и отдѣльными учрежденіями, составленными изъ представителей этого сословія. Государь не могъ поручить представителямъ высшаго слоя служилаго класса сидѣть въ Разрядѣ и быть посредникомъ между нимъ, Государемъ, и этимъ классомъ: управленіе дѣлами этого сословія посредствомъ его же высшихъ представителей (хотя бы и назначенныхъ Государемъ) нарушило бы равновѣсіе между обоими элементами нашего управленія, повело бы къ олигархіи, къ безграничному владычеству служилаго класса, подорвало бы значеніе власти Государя, создавъ автономію правящаго класса, и такъ уже сосредоточившаго въ своихъ рукахъ все управленіе и значительную часть народнаго богатства, своего рода государство въ государствѣ. Разрядные дьяки были въ рукахъ московскихъ государей удобнымъ и отлично приспособленнымъ орудіемъ къ управленію служилымъ классомъ, къ удержанію въ своихъ рукахъ власти надъ нимъ. Московскіе Государи какъ бы инстинктивно понимали это значеніе Разряда и сидѣвшихъ въ немъ дьяковъ и имъ въ голову не приходила мысль поручить править Разрядомъ боярамъ; только въ 1690 г., уже при Петрѣ, когда поколебались всѣ устои старой системы управленія и самый Разрядъ лишился былого значенія, правительство нашло возможнымъ поставить во главѣ этого учрежденія *боярина*—Стрѣшнева, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ приказахъ бояре уже давно замѣнили дьяковъ въ качествѣ «судей», и даже во главѣ Посольскаго приказа, этого «дьячьяго» по преимуществу учрежденія, уже съ 1667 г. постоянно стоятъ бояре (а случаи назначенія начальниками этого приказа окольничьяго и думнаго дворянина—бывали и раньше—въ 1625 г (Ѳ. Бутурлинъ) и въ 1659 г. (Арт. Матвѣевъ).

Дѣятельность Разряда получила по преимуществу военно-административный характеръ, такъ какъ главной обязанностью служилаго класса всегда была и оставалась военная служба: но онъ вѣдалъ

также службу дворянъ въ качествѣ намѣстниковъ и городовыхъ воеводъ, пословъ, придворныхъ, приказныхъ судей и т. д., велъ списки всѣмъ служебнымъ назначеніямъ дворянъ, вѣдалъ мѣстническіе споры: судъ по мѣстническимъ дѣламъ съ самаго начала былъ одной изъ важнѣйшихъ его обязанностей,—наконецъ, онъ судилъ служилыхъ людей ниже чина стольника по самымъ различнымъ дѣламъ [1]). По дѣламъ военнаго управленія функціи Разряда соотвѣтствовали приблизительно функціямъ нынѣшняго Главнаго Штаба, по дѣламъ общаго управленія—отчасти функціямъ нынѣшняго Сената (опубликованіе указовъ и т. д.), отчасти Государственной канцеляріи. Вообще же Разрядъ былъ центральнымъ установленіемъ, объединявшимъ весь ходъ подчиненнаго управленія Московскаго Государства, вѣдавшимъ весь *личный составъ* правительства—отъ высшихъ до низшихъ чиновъ. Онъ былъ въ рукахъ Московскихъ Государей тѣмъ рычагомъ, которымъ они могли легко и удобно направлять по своему усмотрѣнію всю сложную правительственную машину и отдѣльныя ея колеса, до самыхъ мелкихъ включительно. Конечно, такое значеніе Разрядъ пріобрѣлъ не сразу послѣ своего учрежденія, а постепенно, въ теченіе долгаго промежутка времени. Первоначально же его функціей, какъ показываетъ самое его названіе (отъ слова «разряжать»—распредѣлять по назначенію) и какъ правильно полагаетъ г. Лихачевъ [2]), была регистрація различныхъ назначеній—военныхъ, дипломатическихъ и по областному управленію, число которыхъ очень увеличилось въ началѣ XVI в., и веденіе «разрядовъ»—списковъ служилымъ людямъ—съ обозначеніемъ занимаемыхъ ими должностей (разрядныхъ росписей), «боярскихъ дворовыхъ книгъ», «боярскихъ списковъ», «десятенъ», «служебныхъ верстальныхъ списковъ» и «росписей воеводъ» (на случай похода) [3]).

2. *Областные Разряды.*

Надо еще рѣшить вопросъ, существовалъ ли сначала только одинъ Разрядъ въ Москвѣ, какъ центральное учрежденіе для всего Государства, а потомъ уже возникло нѣсколько областныхъ разрядовъ (Новгородскій, Смоленскій, Рязанскій), или же съ самаго начала существовало нѣсколько другъ отъ друга независимыхъ мѣстныхъ учрежденій, вѣдавшихъ служилое сословіе данной мѣстности, а затѣмъ уже всѣ эти учрежденія слились въ одно, обра-

---

[1]) Вивл., т. XX, 393.
[2]) Лих. „Разр. дьяки", стр. 79.
[3]) Лих., op. cit., 410—152.

зовали одинъ Большой (Московскій) Разрядъ, а тѣ изъ нихъ, которыя еще сохраняли отдѣльное существованіе, все-таки подчинились ему, сдѣлались его мѣстными органами. Прямо отвѣтить на этотъ вопросъ трудно: съ одной стороны несомнѣнно, что «разряды», «разрядныя росписи» составлялись въ началѣ XVI в. (а, вѣрно, и раньше) не только въ Москвѣ, но и въ *Рязанскомъ* великомъ княженіи (мѣстническое дѣло Яв. Ос. Полевого съ Арт. В. Измайловымъ:... шлюсь на Рязанскіе разряды, потому што... въ томъ году (1516 г.) былъ на Рязани князь великій Иванъ Ивановичъ Рязанскій»... [1]),—можетъ быть и въ другихъ княженіяхъ, уцѣлѣвшихъ къ началу XVI столѣтія. Въ 1509 г. встрѣчаемъ въ Москвѣ служилыхъ людей, бывшихъ Тверскихъ бояръ, которые служатъ по *двумъ спискамъ*—Тверскому и Московскому, притомъ въ различныхъ чинахъ по обоимъ:—по первому—бояриномъ, по второму—окольничьимъ [2]); «Но къ серединѣ XVI в.», замѣчаетъ пр. Ключевскій, «такое чиновное раздѣленіе исчезаетъ». Это оригинальное служебное положеніе Тверского боярства указываетъ на отношеніе старыхъ мѣстныхъ разрядовъ къ Большому Московскому. Они мало-по-малу поглощались имъ, исчезали въ немъ. Судьба ихъ была аналогична съ судьбою удѣльныхъ дворцовъ, тоже понемногу исчезавшихъ въ Большомъ Дворцѣ, обращаясь, по перенесеніи ихъ въ Москву, въ его отдѣленія. Можно сказать навѣрное, что къ серединѣ XVI стол. уже не существовало удѣльныхъ разрядовъ, напоминавшихъ былое раздѣленіе русской земли. Децентрализація служилаго сословія, прикрѣпленіе его въ служебномъ отношеніи къ извѣстной мѣстности, разобщеніе его съ центромъ были вовсе не въ духѣ Московскаго правительства: поэтому съ увѣренностью можно сказать, что въ старомъ Московскомъ княженіи существовалъ *только одинъ* разрядъ, а по мѣрѣ присоединенія удѣльныхъ княженій ихъ разряды переносились въ Москву и сохраняли здѣсь, вѣроятно, еще нѣкоторое время отдѣльное существованіе, а затѣмъ веденіе списковъ всѣхъ служилыхъ людей различныхъ княженій сосредоточилось въ рукахъ Московскихъ разрядныхъ дьяковъ, но еще существовали различные служебные «списки»—московскій, тверской, рязанскій и т. д. Наконецъ, уничтожилось и это различіе списковъ по областямъ и вмѣсто него явилось новое различіе—по служебной *чести*—«московскаго» и «городового» списка.—Нельзя однако сказать, будто Большой Московскій Разрядъ возникъ изъ *сліянія* областныхъ разрядовъ: онъ образовался совершенно независимо отъ нихъ,—вѣроятно, раньше ихъ, такъ какъ

[1]) Р. Ист. Сб., т. II, стр. 177.
[2]) Ключевскій, „Б. Дума", стр. 220.

въ Москвѣ развитіе центральной администраціи шло быстрѣе, чѣмъ въ другихъ княженіяхъ, благодаря бо́льшей широтѣ здѣшней правительственной жизни и дѣятельности, бо́льшему разнообразію и обширности сталкивавшихся здѣсь интересовъ. Но уже къ концу XVI столѣтія, наряду съ Большимъ Разрядомъ — уже по почину самаго московскаго правительства—являются два областныхъ разряда—Новгородскій и Смоленскій, вполнѣ, однако подчиненные Большому Разряду [1]).

Возникновеніе этихъ двухъ разрядовъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, объяснить особымъ стратегическимъ положеніемъ этихъ мѣстностей на западной границѣ государства: имъ прежде всего приходилось выдерживать нападеніе *организованнаго*, хорошо обученнаго непріятеля; здѣсь надо было имѣть *на мѣстѣ* постоянное военно-административное учрежденіе, «окружной штабъ», съ достаточными полномочіями для возможности быстрой мобилизаціи, не дожидаясь распоряженій изъ центра. Но все же оба эти разряда являлись, очевидно, только мѣстными отдѣленіями Большого Разряда, а не независимыми отъ него учрежденіями, нарушавшими централизацію служилаго сословія, то тяготѣніе его къ центру, усилить которое постоянно стремилось Московское правительство. Новгородскій и Смоленскій разряды были уже предшественниками многочисленныхъ областныхъ разрядовъ XVII столѣтія, существовавшихъ во многихъ крупныхъ городахъ, какъ мѣстныя военныя управленія, окружные штабы, подчиненные центральному управленію, главному штабу; административнаго же значенія въ областномъ управленіи они не имѣли.

3. *Помѣстный приказъ.*

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о времени образованія Посольскаго приказа, скажемъ еще о возникновеніи тѣсно связаннаго съ Разрядомъ по свойству своихъ функцій *Помѣстнаго* приказа и упомянемъ коротко о времени появленія остальныхъ приказовъ по военному управленію.

Тѣ же причины, которыя вызвали учрежденіе Разряда, должны были непосредственно вслѣдъ за нимъ вызвать къ существованію и Помѣстный приказъ. «Разрядъ», по словамъ Градовскаго, «вѣдалъ служилое сословіе службой, а Помѣстный приказъ—землями» [1]). Какъ только служилое сословіе было прикрѣплено къ во-

---

[1]) Объ обоихъ этихъ разрядахъ (а также о Рязанскомъ) упоминается въ записке 1610—1613 гг. А. Ист., т. II, 355.

[1]) „Исторія мѣстнаго управленія", стр. 194.

енной службѣ, если пока еще не de jure, то de facto, государство должно было сейчасъ же позаботиться о доставленіи ему средствъ къ отправленію службы; у огромнаго большинства служилыхъ людей начала XVI в. этихъ средствъ вовсе не было или ихъ было недостаточно, (объ печальномъ экономическомъ состояніи служилаго сословія въ XVI в. см. Хлѣбникова, «Вліяніе общества на организацію Государства», стр. 20—32), такъ какъ вотчинами въ сколько нибудь достаточномъ количествѣ владѣли почти исключительно бывшіе удѣльные князья (да и то далеко не всѣ; нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ «захудали», потомки ихъ бывали даже въ дьякахъ) [1]), да нѣсколько старинныхъ родовъ московскихъ бояръ (Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ, Челядниныхъ, Морозовыхъ и друг.). Раньше правительство давало служилымъ людямъ эти средства въ видѣ кормленій, а отчасти (но гораздо рѣже и скорѣе уже въ видѣ *награды* за прежнюю службу) и въ видѣ жалованныхъ вотчинъ. Но это была система неудобная и невыгодная для центральной власти и крайне обременительная для насѣленія. Подъ вліяніемъ новыхъ условій службы, измѣнившихся отношеній Государя къ служилому классу и сосредоточенія въ рукахъ Государя большого количества земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ—все болѣе ощущавшейся правительствомъ нужды въ деньгахъ. система кормленій постепенно вытѣснялась новой системой снабженія служилыхъ людей средствами къ несенію службы—системой помѣстій, при которой самое количество экономическихъ выгодъ, получаемыхъ служилымъ человѣкомъ, ставилось въ тѣсную зависимость отъ размѣра отправляемой имъ службы. Этотъ способъ вознагражденія за службу — вознагражденія *условнаго*, длящагося только до тѣхъ поръ, пока продолжается самая служба, существовалъ давно; уже въ началѣ XIV в. встрѣчаемъ примѣры условнаго пожалованія землей (извѣстное упоминаніе о землѣ, пожалованной Борису Воркову, въ завѣщаніи Калиты, 1328 г.); затѣмъ неоднократно упоминается о *слугахъ*, владѣющихъ землею «*подъ дворскимъ*», т. е. о лицахъ, которымъ дана во владѣніе дворцовая земля *подъ условіемъ службы великому князю* и которыя поэтому вѣдаются и судятся дворецкимъ.

Но этотъ способъ обезпеченія службы и вмѣстѣ вознагражденія за нее долгое время примѣнялся исключительно къ людямъ незнатнаго происхожденія, простымъ «слугамъ», и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ, въ виду малаго количества земель, бывшихъ въ распоряженіи князя. Лица родовитыя въ теченіе всего XIV, XV и начала XVI в. получали средства для службы по-

[1]) См. Лихачева „Разр. дьяки", стр. 132—166 и, „Отвѣтъ суровому критику", стр. 37.

прежнему отъ кормленій [1]). По справедливому указанію Градовскаго, въ кормленіе великій князь могъ уступать такія предметы, которыми онъ владѣлъ въ качествѣ Государя, верховнаго властителя земли, въ помѣстье же онъ могъ давать только земли, принадлежавшія ему на частномъ правѣ. Съ теченіемъ времени количество такихъ земель все увеличивалось: кромѣ собственно дворцовыхъ земель, которыя однѣ только сначала и раздавались въ помѣстья, являются «земли великаго князя», т.-е земли по той или другой причинѣ «взятыя на государя», были ли то вотчины, отнятыя у удѣльныхъ князей по присоединеніи ихъ удѣловъ, конфискованныя земли опальныхъ князей и бояръ, мятежныхъ новгородцевъ, выморочныя владѣнія или просто черныя земли, которыя брались иногда «на государя» и раздавались затѣмъ въ помѣстья служилымъ людямъ. Опричина очень увеличила количество такихъ земель: цѣлыя *волости* (черныя) брались тогда на Государя. И позже мы имѣемъ подобные примѣры (по Уложенію 1649 г. взяты на Государя расположенныя въ чертѣ посадовъ владѣльческія земли, жители которыхъ занимались промыслами, не неся посадскаго тягла). Какъ только въ рукахъ Московскаго великаго князя скопилось достаточно земель, принадлежащихъ ему на частномъ правѣ,—а случилось это уже къ началу XVI столѣтія,—раздача этихъ земель въ помѣстья служилымъ людямъ встрѣчается уже не въ видѣ частной мѣры, но входитъ въ систему, какъ общее правило. Первыя извѣстія о верстаніи помѣстьями новиковъ, поспѣвшихъ на службу, относится къ концу XV в., къ 1492 г. (верстаніе въ Торопцахъ); [2]) затѣмъ есть еще нѣсколько указаній на верстанья новиковъ, при чемъ всѣ они относятся къ Новгородской области, гдѣ, какъ извѣстно, было больше всего государевыхъ земель. Но извѣстія о правильныхъ, систематическихъ верстаньяхъ, производившихся по опредѣленному порядку, восходятъ не раньше 30 хъ гг. XVI столѣтія [3]), т. е. какъ разъ къ тому времени, отъ котораго сохранились первыя точныя извѣстія о существованіи Разряда. Такъ какъ верстанія служилыхъ людей и прибавка писцамъ помѣстій при переписи и въ позднѣйшее время происходила всегда по памятямъ разрядныхъ дьяковъ въ Помѣстный приказъ и по указу Разряда писцамъ [4]), то можно полагать, что первоначально

---

[1]) Лица, занимавшія высшія дворцовыя должности или приближенныя къ царю по родственнымъ связямъ или по особой знатности рода, еще въ XVII в. нерѣдко пользовались доходами съ кормленій. См. Сергѣевичъ, Юр. Древн., т. I, стр. 340.

[2]) Д. къ А. И., I, № 52, VII.

[3]) Мы знаемъ о такихъ верстаніяхъ въ Новгородской области въ 1532, 1538 и 1539 г. Д. А. И., I, № 52, IV, VI и X.

[4]) Лихачевъ „Разр. дьяки", стр. 232.

разрядные дьяки завѣдывали всѣмъ процессомъ верстанія служилыхъ людей помѣстьями; по мѣрѣ же накопленія дѣлъ такого рода изъ среды разрядныхъ дьяковъ могло выдѣлиться нѣсколько лицъ, на которыхъ спеціально стали возлагать дѣла такого рода. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ помѣстнаго вѣдомства и увеличеніемъ числа дѣлъ по верстаніямъ и по земельнымъ тяжбамъ о помѣстьяхъ, вѣдомство это должно было окончательно выдѣлиться изъ Разряда и образовать особое центральное учрежденіе, которое однако продолжаетъ дѣйствовать по указаніямъ Разряда. Это выдѣленіе, судя по указаніямъ источниковъ, должно было произойти во второй половинѣ 50-хъ годовъ XVI столѣтія. Сначала говорится только о «помѣстныхъ дьякахъ», о дьякахъ, «у которыхъ помѣстныя дѣла въ приказѣ»: [1]), это извѣстіе относится къ 1556 г. Изъ сопоставленія грамоты, въ которой упомянуты эти дьяки, съ грамотами, отосланными въ 1555—56 гг. въ Новгородъ за подписью дьяковъ Вас. Степанова и Путила Михайлова (Нечаева) [2]), видно, что эти два дьяка и разумѣются подъ тѣми, «кому помѣстныя дѣла приказаны». Итакъ, въ серединѣ 50-хъ годовъ помѣстное вѣдомство уже выдѣлилось подъ управленіемъ двухъ дьяковъ и если въ то время еще не существовало особаго учрежденія, стоявшаго во главѣ этого вѣдомства, то оно уже складывалось тогда во всякомъ случаѣ. Три года спустя въ 1559 г. уже упоминается [3]) Помѣстная Изба, дьякомъ которой является тотъ же Путило Нечаевъ, чья подпись встрѣчается на грамотахъ по помѣстнымъ дѣламъ, отправленныхъ изъ Москвы въ Новгородъ въ 1555—56 гг. Но помѣстное вѣдомство обособляется отъ общаго управленія дѣлами военнаго сословія, по всей вѣроятности, еще въ 40-хъ гг. Въ писцовой книгѣ Тверского уѣзда, относящейся къ 1548 г., упомянута «помѣстная грамота», которая лежитъ въ Москвѣ въ казнѣ и которую задержали тамъ дьяки. Значитъ, помѣстныя грамоты хранились тогда еще въ общемъ архивѣ для всѣхъ документовъ, въ «казнѣ», изъ чего можно заключить, что особаго учрежденія для помѣстныхъ дѣлъ тогда еще не существовало, а были только дьяки, вѣдавшіе эти дѣла; они то очевидно и задержали грамоту. Еще раньше—въ 1540 и 1541 гг. (7048—7049) встрѣчается скрѣпа дьяка Вас. Степанова на Торопецкихъ писцовыхъ книгахъ, «письма

---

[1]) А. А. Э., I, № 246, 7064 (1556 г.) грамота игумену Кириллова монастыря Матоеву о дозволеніи купить вотчину: „и что на которой вотчинѣ денегъ дадутъ... являти діакомъ нашимъ, у которыхъ помѣстныя наши дѣла въ приказѣ, и дьяки наши велятъ тѣ вотчины за монастыремъ въ книги написати по нашему указу...“

[2]) Д. А. И., I, стр. 87—93.

[3]) Въ правой грамотѣ по вотчинному дѣлу 7067 (1559 г) изданной въ 1830 г. Сандуновымъ, стр. 13.

Алексѣя Давыдова Ульянина [1]). Этотъ самый Степановъ былъ въ серединѣ 50-хъ гг. помѣстнымъ дьякомъ: очевидно, что еще въ началѣ 40-хъ гг. онъ принадлежалъ къ тому же вѣдомству. Значитъ, въ 40-хъ гг. XVI в. помѣстными дѣлами завѣдывали постоянно одни и тѣ же лица, другими словами, эти дѣла составляли уже особое вѣдомство.

Итакъ, помѣстное вѣдомство сложилось въ 40-хъ гг. XVI в., а къ серединѣ 50-хъ гг. во главѣ его является и особое центральное учрежденіе [2]). Успенскій [3]) относитъ первое упоминаніе о Помѣстномъ приказѣ къ разрядныхъ книгахъ 1553 г.; до сихъ поръ, однако, это указаніе разрядныхъ не разыскано. Неволинъ [4]) говоритъ, что «о дьякахъ, у которыхъ помѣстныя дѣла въ приказѣ«, впервые упоминается въ 1566 г., при чемъ ссылается на грамоту Кирилловскому монастырю, разрѣшающему ему покупку вотчинъ: [5]) но эта грамота относится не къ 1566 г., а къ 1556 г. (7064). «Имя *помѣстной избы*, по словамъ Неволина «встрѣчается только въ послѣдніе годы царствованія Ивана IV» [7]). Градовскій указываетъ, что уже въ 1572 г. различные акты совершались въ Помѣстной Избѣ, при чемъ ссылается на XIX дополнительный указъ къ Судебнику [6]). Къ этому же году относитъ первое упоминаніе Помѣстной Избы пр. Владимірскій-Будановъ [8]). Пр. Загоскинъ указываетъ на извѣстіе 1556 г. о помѣстныхъ дьякахъ [9]). Пр. Ключевскій считаетъ Помѣстный приказъ происшедшимъ изъ отдѣленія думской канцеляріи, подобно другимъ главнѣйшимъ приказамъ, при чемъ ставитъ его въ число тѣхъ четырехъ приказовъ, дѣлами коихъ, вслѣдствіе ихъ особой важности, руководила сама Дума черезъ думныхъ дьяковъ [10]). Вивліоѳика замѣчаетъ только, что Помѣстный приказъ былъ извѣстенъ во времена осаднаго сидѣнья, а въ записныхъ книгахъ значится съ 1625 по 1709 г. [11]).

По самому роду своей дѣятельности, Помѣстный приказъ (это

---

[1]) Лих. „Разряди. дьяки", стр. 265, 268 прим.; 287, 43. Вас. Степановъ былъ помѣстнымъ дьякомъ еще въ 1567 г. (Ист. Библ., т. II, стр. 42).

[2]) Въ 1524 г. помѣстныя грамоты выдавалъ дьякъ Трифонъ Ильинъ; но врядъ ли онъ былъ спеціально „помѣстнымъ дьякомъ".

[3]) Ор. cit. стр. 304.

[4]) Т. VI, стр. 162.

[5]) А. А. Э., I, 246.

[6]) Онъ ссылается здѣсь на А. А. Э., I. № 308, относящійся къ 1581 г. (соборный приговоръ о воспрещеніи духовенству пріобрѣтать вотчины).

[7]) Т. II, стр. 194, пр. 2.

[8]) Христом., выпускъ III, стр. 187.

[9]) Отчетъ о 32-мъ присужденіи наградъ имени гр. Уварова, стр. 201.

[10]) Б. Дума, стр. 279.

[11]) Т. XX, стр. 358.

название встрѣчается впервые, кажется, только въ 1577 г. (7085 г.) [1], а раньше упоминается всегда Помѣстная Изба) въ исполненіи своей важнѣйшей функціи—верстанія служилыхъ людей землей, прибавкѣ или уменьшеніи ихъ помѣстныхъ дачъ—всегда долженъ былъ дѣйствовать по указаніямъ Разряда, какъ учрежденія, вѣдавшаго ту службу, на отправленіе которой Помѣстный приказъ давалъ служилымъ людямъ средства.

Конечно, предположеніе о происхожденіи Помѣстнаго приказа изъ особаго отдѣленія Разряда или, точнѣе,—о постепенномъ выдѣленіи «помѣстныхъ» дѣлъ—не болѣе, какъ гипотеза, не подтвержденная пока достаточными фактами, но эта гипотеза кажется намъ вполнѣ вѣроятной и не противорѣчитъ уже извѣстнымъ фактамъ. Итакъ, Помѣстный приказъ возникъ прежде всего подъ вліяніемъ первой изъ указанныхъ нами причинъ образованія Московскихъ приказовъ XVI в.—подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ съ сосѣдями, обращавшихъ Московскую Русь, по мѣткому выраженію Хлѣбникова, въ «постоянный военный лагерь», самыя же войны эти были необходимымъ слѣдствіемъ новаго международнаго положенія, занятаго Москвой благодаря объединенію подъ ея властью Сѣверо-Восточной Руси. Но на образованіе Помѣстнаго приказа повліяла уже отчасти и вторая изъ указанныхъ нами причинъ; а именно—паденіе системы кормленій, поскольку оно повлекло за собой развитіе помѣстной системы, замѣнившей старый способъ вознагражденія за службу; такимъ образомъ, реформы въ областномъ управленіи 1556 г. несомнѣнно ускорили образованіе особаго центральнаго учрежденія, ставшаго во главѣ помѣстнаго вѣдомства.

4. *Приказы по военному управленію.*

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о возникновеніи другихъ приказовъ по военному управленію. Такихъ спеціальныхъ военныхъ приказовъ, съ довольно узкой сферой дѣятельности, въ Москвѣ было довольно много и возникали они въ различное время—отъ середины XVI до самаго конца XVII вѣка. Въ противоположность Разряду, во главѣ всѣхъ этихъ приказовъ стояли непремѣнно люди родовитые и чиновные—бояре или окольничьи (рѣже думные дворяне), такъ какъ эти приказы являлись не столько канцеляріями съ организаціонными функціями, сколько главными управленіями

---

[1]) Арх. Минист. Юст. въ Москвѣ, книга Моск. стола № 1. (Лих. ор. с., стр. 267, прим.). Впрочемъ названіе Помѣстной Избы встрѣчается и позже, напр. въ 1581 г. (А. А. Э., I, № 308).

извѣстнаго рода войскъ (учрежденіями чисто военными) и служба въ нихъ считалась *военной* службой. Многіе изъ нихъ вѣдали также подчиненныхъ имъ лицъ судомъ, а судъ въ Москвѣ былъ дѣломъ служилаго сословія, хотя и съ непремѣннымъ участіемъ дьяковъ; только судъ надъ самими служилыми людьми (не имѣвшими придворныхъ чиновъ) по служебнымъ (а слѣдовательно и государственнымъ) преступленіямъ находился въ рукахъ разрядныхъ дьяковъ.

Старѣйшими изъ военныхъ приказовъ, кромѣ Разряда, являются *Оружейный*, *Бронный* и *Пушкарскій* (если исключить *Житный приказъ* временъ Ивана III съ чисто интендантскими функціями). Эти три приказа завѣдывали изготовленіемъ различнаго рода оружія и снабженіемъ имъ войскъ и крѣпостей; Пушкарскій же приказъ, кромѣ того, вѣдалъ и особый родъ войска — пушкарей, артиллерію—такъ что можетъ быть отнесенъ скорѣе ко второй группѣ спеціальныхъ военныхъ приказовъ—къ приказамъ *военно-сословнымъ*. Вѣдомства этихъ трехъ приказовъ и не нуждались въ процессѣ централизаціи: по самому характеру ихъ функцій, какъ и по способу происхожденія эти три вѣдомства были централизованы уже при самомъ ихъ образованіи.

а. *Оружейный приказъ.*

Оружейный приказъ развился изъ стараго вѣдомства *Оружничаго*. Должность эта—сначала подъ названіемъ «меченоши»—играетъ важную роль при княжескихъ дворахъ еще въ удѣльный періодъ въ XIII и XIV вѣкахъ [1]). И впослѣдствіи оружничими бывали всегда люди знатныхъ фамилій; даже получивъ чинъ боярина или окольничьяго, они продолжали называться оружничими. Какъ уже сказано, эта должность не принадлежала къ числу органовъ частно-хозяйственнаго княжескаго управленія, предоставлявшихся обыкновенно княжескимъ холопамъ или ихъ потомкамъ. Должность оружничаго—органъ управленія публичнаго, а не частно хозяйственнаго: онъ хранилъ оружейную казну князя, помогалъ ему на войнѣ въ начальствованіи войсками, часто даже самъ водилъ полки вмѣсто князя въ походъ; иногда отправлялся въ качествѣ посла въ сосѣднія земли [2]). Если можно такъ выразиться, онъ былъ единственнымъ центральнымъ органомъ по военному управленію въ удѣльное время; во всякомъ случаѣ онъ былъ естественнымъ и

---

[1]) См. Сергѣевича, Юр., Древн., т. I, стр. 459. Въ удѣльное время оружничими всегда бывали „лучшіе мужи", члены старшей дружины.

[2]) П. С. Лѣт., т. VIII, стр. 260; 1516 г.

ближайшимъ помощникомъ князя во всѣхъ военныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ.

Съ 1511 г. должность оружничаго попадаетъ въ Шереметевскую сводную книгу, но врядъ ли она испытала въ это время какое-нибудь существенное измѣненіе въ характерѣ. Подъ вліяніемъ постоянныхъ войнъ XVI стол., благодаря которымъ усилилась потребность въ оружіи всякаго рода для войска, Оружейная Палата, первоначально хранившая только оружіе, постепенно обращается въ Оружейный приказъ, завѣдующій его изготовленіемъ и покупкой, а также снабженіемъ имъ войска. Старая оружейная палата входитъ въ этотъ приказъ, какъ его составная часть. Трудно—за неимѣніемъ данныхъ—болѣе или менѣе точно указать время сформированія этого приказа: во всякомъ случаѣ, онъ существовалъ уже въ эпоху смутнаго времени [1]), слѣдовательно, образовался никакъ не позже царствованія Ѳеодора Ивановича, но, вѣроятно, гораздо раньше—въ первую половину царствованія Грознаго. Вивліоѳика указываетъ, что по записнымъ книгамъ «Оружейный и Ствольный приказъ» (для огнестрѣльнаго оружія, кромѣ пушекъ) значится съ 1659 г. по 1669 г., а съ 1669 г. по 1709 г.—опять Оружейная палата.

b. *Бронный и Ствольный приказы.*

Бронный приказъ, изготовлявшій холодное оружіе, упоминается (по указаніямъ Вивл.) въ разрядахъ уже съ 1573 г.—Въ XVII в. (вѣроятно, уже въ концѣ его) возникъ еще одинъ приказъ для приготовленія огнестрѣльнаго оружія—*Ствольный приказъ*; онъ упомянутъ въ государственной росписи расходовъ и доходовъ за 1680 г. [2]).

c. *Пушкарскій приказъ.*

Во вторую половину царствованія Грознаго появляется и *Пушкарскій* приказъ; какъ только у насъ началось литье пушекъ, такъ сейчасъ же должно было явиться и центральное учрежденіе, которое бы руководило этимъ дѣломъ; такая централизація была необходима въ виду новизны дѣла, требовавшей сосредоточенія его въ одномъ мѣстѣ, гдѣ были знающіе люди, опытные пушкари

---

[1]) А. И., № 355.

[2]) Милюкова, „Государств. Хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформа Петра Великаго“, 1892 г.

и литейщики, выписанные изъ-за границы. По указанію Вивліоѳики, этотъ приказъ значится въ разрядахъ съ 1627 г. Карамзинъ относитъ его начало къ царствованію Ивана IV [1]), вслѣдъ за нимъ и Неволинъ. О «діакѣ пушечнаго приказу» Терентіѣ Лихачевѣ упоминается въ 1577 г. [2]) (7085). Раньше первымъ упоминаніемъ этого приказа считалась грамота Кириллову монастырю отъ 1582 г о присылкѣ емчуги (селитры) въ этотъ приказъ [3]).

5. *Военно-сословные приказы.*

Ко второй группѣ спеціальныхъ военныхъ приказовъ принадлежатъ приказы *военно-сословные*, вѣдающіе извѣстный родъ войска,— вѣрнѣе, извѣстный классъ служилыхъ людей, во *всѣхъ* отношеніяхъ. Въ XVI в. изъ этой группы приказовъ возникли: *Пушкарскій* (о которомъ мы уже говорили: онъ можетъ быть отнесенъ и къ первой группѣ, такъ какъ вѣдалъ изготовленіе артиллерійскихъ орудій—и это было его первоначальнымъ назначеніемъ— и ко второй, такъ какъ вѣдалъ службой и судомъ пушкарей, служниковъ и зелейщиковъ), затѣмъ *Стрѣлецкій* и *Иноземскій*.

а. *Стрѣлецкій приказъ.*

Карамзинъ упоминаетъ о Стрѣлецкой избѣ въ царствованіе Ивана Грознаго [4]). Пр. Сергѣевичъ [5]) и г. Лаппо-Данилевскій [6]) полагаютъ, что стрѣлецкое войско образовалось изъ отряда военныхъ холоповъ великаго князя, получившихъ впослѣдствіи личную свободу и слившихся съ низшимъ слоемъ «вольныхъ слугъ». Постоянное стрѣлецкое войско, возникшее изъ этого сліянія, появляется еще при Василіи III и окончательно формируется при Иванѣ IV; но еще въ XVII столѣтіи оно получаетъ (отчасти) кормъ изъ дворца [7]). Новое постоянное стрѣлецкое войско приблизительно такъ же относилось къ старому ополченію вольныхъ слугъ, этой дворянской конницѣ, созывавшейся лишь на случай надобности, какъ новое приказное управленіе относилось къ старому намѣст-

---

[1]) Т. IX, прим. 577.

[2]) Вивл., т. XIV, стр. 319; онъ же упоминается въ „Повѣсти о Псковской осадѣ“ 1582 г.

[3]) А. А. Э. I, № 317,—подпись Сапуга Аврамова.

[4]) Т. IX, пр. 370 и 516;—по Вивл. въ записныхъ книгахъ съ 1629 г.

[5]) „Наблюдатель“, 1887 г., № 1.

[6]) „Организація прямого обложенія“, стр. 9—10.

[7]) Олеарій, глава XIV.

ническому: первое основано на началѣ обязательной службы князю его холопа, второе—на началѣ договора, по которому князь давалъ вольному служилому человѣку участіе въ пользованіи доходами управленія, а тотъ обязывался служить князю мечомъ; позже князь награждалъ служилаго человѣка чинами, верстал его помѣстной дачей; стрѣльцы же, какъ и приказные люди, по общему правилу помѣстій и вотчинъ, кормленій или «путей» (доходовъ съ угодій) не получали (другими словами—не получали ни земли, ни доходовъ съ нея), а получали деньги или содержаніе натурой. Приказные люди, кромѣ небольшого жалованья, получаемаго ими, «кормились отъ дѣлъ»; стрѣльцы сначала содержались изъ дворцовыхъ доходовъ, а позже для ихъ содержанія стала сбираться съ тяглыхъ людей «стрѣлецкая подать», сначала натурой — еще при Иванѣ IV, а потомъ деньгами [1]). Названіе *Стрѣлецкаго приказа* впервые упоминается въ царствованіе Бориса Годунова въ 1601 году, но Стрѣлецкая изба, какъ извѣстно, существовала еще при Иванѣ IV [2]). Центральное учрежденіе для завѣдыванія новымъ постояннымъ войскомъ, ничего подобнаго которому не было въ старой военно-административной практикѣ московскаго правительства, должно было подъ тѣмъ или другимъ названіемъ явиться одновременно съ появленіемъ такого войска. Старый Разрядъ, разсчитанный на привычныя условія помѣстно — дворянской службы, не былъ приспособленъ къ управленію этимъ новымъ войскомъ, по отношенію къ которому Стрѣлецкій приказъ принялъ на себя, функціи, выполнявшіяся Разрядомъ по отношенію къ старому дворянскому ополченію, старому служилому сословію, т.-е. функціи административно-судебныя.

b. *Иноземскій приказъ.*

Вслѣдъ за Стрѣлецкимъ въ XVI в. возникъ еще одинъ военно-сословный приказъ—*Иноземскій*, вѣдавшій отряды западныхъ наемниковъ. По мнѣнію Карамзина [3]), онъ существовалъ еще при Иванѣ IV,—по крайней мѣрѣ—при его сынѣ. Онъ упомянутъ уже въ запискѣ о Московскомъ Государствѣ 1610—1613 гг. [4]), затѣмъ упоминается въ 1625 г. [5]), а по Вивліоѳикѣ значится въ записныхъ книгахъ съ 1628 по 1666 г.

---

[1]) Денежный сборъ стрѣлецкой подати впервые упоминается въ 1614 году—А. Юр., I, № 216, XVII.

[2]) А. А. Э., II, № 20.

[3]) Т. X, пр. 244.

[4]) А. И., т. II, № 355.

[5]) А. А. Э., III, № 161.

с. *Казачій и Рейтарскій приказы.*

Въ XVII вѣкѣ возникло еще два военно-сословныхъ приказа: *Казачій* [1])—упомянутъ впервые въ 1616 г. [2]), раньше первое извѣстіе о немъ относили къ 1618 г. [3]), но возможно, что онъ существовалъ еще до Смутнаго времени, при Ѳеодорѣ или Борисѣ Годуновѣ,—и *Рейтарскій*, вѣдавшій новую конницу западнаго строя, значится въ книгахъ съ 1651 г., когда, вѣроятно, и былъ учрежденъ, по 1700 г. Итакъ, всего военно-сословныхъ приказовъ (кромѣ Разряда) можно считать пять, изъ коихъ три (а, можетъ, и четвертый—Казачій) возникли въ XVI вѣкѣ, а два (а, можетъ, и одинъ всего)—въ XVII вѣкѣ.

б. *Интендантскіе приказы.*

Наконецъ, въ XVII же вѣкѣ возникли нѣсколько военно-финансовыхъ или, вѣрнѣе, *Интендантскихъ* приказовъ [4]), назначеніемъ которыхъ было снабженіе войска продовольствіемъ, денежными средствами и всѣмъ необходимымъ. Къ этой группѣ приказовъ относятся: приказъ *Денежнаго и хлѣбнаго сбору* [5]), и приказъ *Денежной раздачи* [6]), а также приказъ *Нѣмецкихъ кормовъ* [7]); сюда же относится *Приказъ сбору пятинныхъ денегъ* [8]). Возможно, что его замѣнилъ потомъ (въ 50-хъ годахъ) приказъ Денежнаго сбору [9]). Всѣ эти приказы были въ теченіе долгаго времени учрежденіями временными, возникавшими по мѣрѣ надобности въ случаѣ войны — и исчезавшими по минованіи ея; изъ нихъ только приказъ Денежнаго сбору, начало котораго мы видимъ еще въ 1632 г. [10]), а, можетъ,

---

[1]) Въ записныхъ книгахъ—съ 1628 по 1646 г.

[2]) Милюковъ, „Гос. Хоз." стр. 55, пр. 2, „прислать въ Казачій приказъ, къ П. М. Бутурлину..."

[3]) А. А. Э., III, № 100.

[4]) См. Градовскаго, т. II, стр. 354—355, и Лаппо-Данилевскій op. cit., стр 480—481.

[5]) По Виблioѳикѣ въ записныхъ книгахъ съ 1656 по 1709 г., упоминается еще въ 1654 г., см. А. И. т. IV, № 93.

[6]) По Вибл., въ 1662 и 1663 г.

[7]) По Вибл. въ 1636, 37 и 38 гг.

[8]) Упом. отъ 1632 г.—А. А. Э., III, № 211—до 1635 г.—А. Юр., № 215, XI.

[9]) См. Лаппо-Данилевскій, op. cit., стр. 481.

[10]) А. А. Э., III, № 213, 214 и 216,—здѣсь еще личное и временное порученіе (кн. Барятинскому, Огареву и дь. Евсевьеву) „быть въ Москвѣ у сборныхъ запасовъ" и отпускать ихъ подъ Смоленскъ къ войску (Шенна); но это уже начало учрежденія которое складывается изъ повторенія такихъ личныхъ порученій.

даже въ 1616 г. [1]), сдѣлался въ 1656 г. постояннымъ учрежденіемъ—главнымъ интендантскимъ управленіемъ арміи, не прекращавшимъ своей дѣятельности и въ мирное время, и просуществовалъ въ этомъ качествѣ болѣе полувѣка—до 1709 г. Въ самомъ началѣ XVII в. мы встрѣчаемъ такое же военно-интендантское учрежденіе въ лицѣ *Житнаго приказа* Ивана III, о которомъ упоминаютъ Вивліоѳика и Карамзинъ. Авторъ статьи о приказахъ въ Вивліоѳикѣ думаетъ, что Житный приказъ былъ потомъ соединенъ со Стрѣлецкимъ, а затѣмъ преобразованъ въ Провіантскую канцелярію. Хотя эта догадка автора ничѣмъ не подтверждается (по всей вѣроятности, Житный приказъ Ивана III былъ учрежденіемъ временнымъ и существовалъ всего нѣсколько лѣтъ), но она показываетъ, что авторъ вѣрно понялъ характеръ и значеніе этого учрежденія.

Наконецъ, въ 1631 г. возникъ еще приказъ *Сбору ратныхъ и даточныхъ людей*, стоящій очень близко къ тремъ упомянутымъ приказамъ (по Вивліоѳикѣ — въ записныхъ книгахъ съ 1637 по 1650 г. и упоминается еще въ 1636 г., когда ему послана изъ Разряда память о взятіи съ Патріаршихъ вотчинъ денегъ вмѣсто даточныхъ людей. Раньше упомянутъ въ 1633 г.[2]) и въ 1631 г.[3]); нѣсколько позже—въ 1639 г.)[4]). Эти четыре учрежденія возникли подъ непосредственнымъ вліяніемъ обстоятельствъ Смоленскаго похода 1632 г. (Шеина и Измайлова); всѣ они имѣли задачей — доставить арміи необходимые рессурсы, при чемъ первыя три учрежденія доставляли ей деньги и разные запасы, а послѣднее — рекрутъ.

Приказы дипломатическіе.

1. *Посольскій приказъ.*

Перейдемъ теперь ко второму важнѣйшему приказу первой половины XVI вѣка—къ *Посольскому приказу.*

Авторъ статьи «о старинныхъ Московскихъ приказахъ» въ Вивліоѳикѣ [5]) говоритъ, что въ дѣлахъ Архива Иностранной Коллегіи Посольскій приказъ упоминается съ 1583 г., но что въ этомъ

---

[1]) А. А. Э., III, № 79 и 80.
[2]) А. А. Э., III, №№ 222 и 225.
[3]) ib., № 193.
[4]) ib., № 287.
[5]) Т. XX, стр. 364.

же архивѣ сохранились старыя приказныя дѣла по дипломатическимъ сношеніямъ еще съ 1505 г.; впрочемъ авторъ не думаетъ, чтобы уже въ это время существовало особое учрежденіе для завѣдыванія дипломатическими дѣлами [1]). Однако авторъ приводитъ составъ Посольскаго приказа, называя по именамъ всѣхъ посольскихъ дьяковъ, начиная съ 1556 г., съ дьяка Ив. Мих. Висковатова (печатника съ 1561 г.). Успенскій вполнѣ подтверждаетъ показаніе Вивліоѳики [2]): «Въ 1556 г.» говоритъ онъ, «въ разрядныхъ книгахъ упоминается о двухъ дьякахъ Посольской избы, гдѣ послѣ въ томъ же году именована она Посольскимъ приказомъ и дана ему въ управленіе четверть, называемая Посольскаго приказу». Неволинъ, ссылаясь на «Опись Царскаго архива [3])», считаетъ Посольскую палату существовавшей уже въ 1567 г., а Посольскій приказъ относитъ къ 1601 г. [4])—Соловьевъ относитъ его появленіе—въ числѣ четырехъ приказовъ, называвшихся четями, къ царствованію Ѳеодора Ивановича (основываясь на Флетчерѣ) [5]). Пр. Ключевскій [6]) стоитъ за позднее выдѣленіе особаго учрежденія по дипломатическимъ дѣламъ. Учрежденіе это развилось, по его мнѣнію, изъ отдѣленія думы, съ которой царь долгое время велъ эти дѣла непосредственно. Въ 1565 г. построено въ Кремлѣ особое зданіе для этого учрежденія и съ этихъ поръ, по мнѣнію пр. Ключевскаго, самое учрежденіе стало называться Посольской палатой или избой, тогда какъ названіе Посольскаго *приказа* является уже позже—въ 1576 г. [7]), Посольская палата—въ 1566 г. [8]), Посольская изба—въ 1572 г. [9]) и въ 1564 г. [10]). Однако, Успенскій указываетъ, что уже разрядныя книги 1556 г. упоминаютъ и о Посольской избѣ, и о Посольскомъ приказѣ; слѣдовательно, это учрежденіе существовало ужъ въ 50-хъ гг. XVI стол. за десять лѣтъ до постройки новаго зданія для пріема пословъ. Названія: Посольскій приказъ, изба

---

[1]) Въ записныхъ разрядныхъ книгахъ Посольскій пр. значится (какъ и многіе другіе) только съ начала XVII в., а именно—1627 г.

[2]) Op. cit., стр. 307.

[3]) А. А. Э., I, № 289, лщ, 18 „а въ немъ книги королей Литовскихъ..", вверху отмѣчено: „75 (т. е. 7075) іюля въ 12, *въ Посольскую палату* взялъ Андрей" (вѣрно Щелкаловъ).

[4]) А. А. Э., II, № 20.

[5]) „Исторія Россіи", т. VII, гл. IV, стр. 633.

[6]) „Б. Дума", стр. 171.

[7]) Пам. Дипл. Сношеній, т. I, стр. 505.

[8]) Сб. И. Р. И. Общ. LXXXI, стр. 420—421.

[9]) Р. Ист. Сб., т. II, стр. 50.

[10]) Датскіе статейные списки, кн. I, л. 396 (см. Лихачева „Библ. и Архивъ", стр. 70, прим.).

палата въ XVI в. употребляются одно вмѣсто другого, безразлично [1]). Посольская палата, по мнѣнію пр. Ключевскаго, въ своемъ качествѣ канцеляріи, является учрежденіемъ «очень легкимъ на подъемъ», сопровождаетъ царя въ его походахъ и путешествіяхъ. Пр. Ключевскій даже отождествляетъ, съ нѣкоторыми оговорками, Посольскую палату съ Походной палатой, упоминаемой въ 1564 г. [2]). Онъ считаетъ ее въ теченіе этого періода скорѣе личной канцеляріей государя по внѣшнимъ сношеніямъ, съ личнымъ секретаремъ — посольскимъ дьякомъ, — чѣмъ постояннымъ учрежденіемъ, Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ. Далѣе, проф. Ключевскій указываетъ на первоначальную тѣсную связь Посольскаго вѣдомства съ вѣдомствомъ казначеевъ и печатника (который являлся однимъ изъ казначеевъ); они хранили у себя въ казнѣ въ числѣ другихъ грамотъ и актовъ и дипломатическія документы, на нихъ же часто возлагались дипломатическія порученія, особенно въ концѣ XV в. при Иванѣ III, печатникомъ котораго былъ ловкій и пронырливый дипломатъ-левантинецъ Юрій Трахаціотъ. «Приказъ казначея служилъ первоначально архивомъ и канцеляріей думы по дипломатическимъ дѣламъ» [3]), а затѣмъ уже для нихъ образовалось особое отдѣленіе думской канцеляріи.

Противъ взгляда пр. Ключевскаго, отстаивающаго позднее возникновеніе Посольскаго приказа, какъ самостоятельнаго учрежденія, выступилъ г. Лихачевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ: «Разрядные дьяки XVI столѣтія» (стр. 61—69) и «Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи» (стр. 67—80).

Признавая, что прямыхъ доказательствъ существованія Посольскаго приказа съ начала XVI стол. мы не имѣемъ, онъ старается констатировать существованіе въ этотъ періодъ *посольскихъ дьяковъ*, считая возможнымъ изъ ихъ наличности заключать о существованіи и самого приказа. Посольскими дьяками г. Лихачевъ считаетъ тѣхъ дьяковъ, которые принимаютъ у пословъ грамоту, ведутъ съ послами переговоры (но обыкновенно не одни, а съ боярами и съ прочими думными дьяками) [4]), даютъ посламъ «отвѣтные списки» [5]) — (почему иногда самая Посольская палата на-

---

[1]) Англійскіе статейные списки, № 1. Списокъ посольства Дж. Флетчера; въ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) А. А. Э., I, стр. 346.

[3]) „Б. Дума" стр. 173.

[4]) Библ. и Архивъ стр. 78.

[5]) Турецкіе статейные списки 27 февраля 1515 г. (книга I): „и на чемъ наши бояре съ послы уговорятъ и въ концѣ дѣло учинятъ и тому даютъ списки отвѣтные діяки наши".

зывается *Отвѣтною*) [1]), надзираютъ за написаніемъ перемирныхъ и договорныхъ грамотъ, къ которымъ приходятъ съ докладами пристава пословъ и которые сами докладываютъ Посольскія дѣла государю [2]).

Такихъ дьяковъ, спеціально управлявшихъ посольскими дѣлами, г. Лихачевъ находитъ еще въ концѣ XV вѣка — прежде всего въ лицѣ извѣстнаго дипломата и сподвижника Ивана III, дьяка Ѳедора Курицына (онъ упоминается въ Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній между 1486 и 1500 гг.); онъ возстановляетъ даже по документамъ [3]) вѣроятный составъ Посольскаго приказа или, скорѣе, списокъ всѣхъ извѣстныхъ ему посольскихъ дьяковъ (или такихъ, которыхъ онъ считаетъ посольскими по характеру ихъ функцій) за весь XVI вѣкъ—отъ 1484 г. до 1613 г. (Посольскими дьяками конца XV в., кромѣ Ѳ. В. Курицына, г. Лихачевъ считаетъ дьяковъ Андрея Одинца—съ 1488 по 1490 въ Пам. Дипл. Сношн.,—Андр. Ѳеод. Майко—1494—1501, Болдыря Паюсова—1494—подъячій, дьякъ съ 1501 по 1508 г. и Дан. Кипр. Мамырева — 1497—1503). Несомнѣнно, что еще въ концѣ XV в. были дьяки (притомъ обыкновенно не одинъ, а два или три одновременно), спеціально или преимущественно вѣдавшіе посольскія дѣла, сношенія съ иностранными державами, и при нихъ были даже и подъячіе, («а съ Губою (Моклоковымъ) посланъ въ подъячихъ Алексѣйко Малой Грядинъ сынъ Щекина, Ѳеодора *подьячей* Курицына...» 1503 г.) [4]).

Но существовало-ли въ самомъ началѣ XVI вѣка центральное учрежденіе, вѣдавшее всѣ дипломатическія сношенія, или упомянутые дьяки являлись отдѣльными лицами, которымъ князь поручалъ дипломатическія дѣла, но которые могли въ то-же время исполнять и другія порученія самаго различнаго свойства? или же, наконецъ, тогда уже образовалась постоянная личная канцелярія царя по посольскимъ дѣламъ, изъ которой современемъ могъ развиться Посольскій приказъ? (Напр., дьякъ Труфанъ Ильинъ, отправляя въ 20-хъ гг. XVI вѣка обязанности «посольскаго дьяка", подписываетъ однако въ 1524 г. *помѣстныя грамоты* [5]), почему самъ г. Лихачевъ въ другомъ мѣстѣ считаетъ его *помѣстнымъ* дьякомъ [6]); Данило Мамыревъ въ самомъ началѣ XVI вѣка былъ *казеннымъ*

---

[1]) Дѣла Посольскія, кн. XIV, л. 175—176, 1583 г., іюля 2.

[2]) „Библ. и Архивъ" стр. 74.

[3]) Въ прилож. къ своему изслѣдованію „Библ. и Архивъ"; стр. 87—152.

[4]) С. И. Р. И. Общ. XXXV, стр. 413.

[5]) Писцовыя книги XVI в., т. I, отд. II, Тверь; стр. 178.

[6]) „Разр. дьяки", стр. 268, прим.

дьякомъ — въ этомъ качествѣ онъ упоминается въ завѣщаніи Ивана III; въ дипломатическихъ документахъ имя его встрѣчается въ періодъ отъ 1497 до 1503 г.; дьякъ Меньшой Путятинъ былъ въ 1520 г. дворцовымъ дьякомъ [1]); въ веденіи дипломатическихъ сношеній онъ участвуетъ въ теченіе долгаго періода отъ 1515 до 1539 г.; за нѣсколько лѣтъ до Путятина дворцовымъ дьякомъ былъ Губа (Тимофей) Моклоковъ, при дворецкомъ Челяднинѣ [2]); онъ же (Моклоковъ) участвовалъ въ посольскихъ сношеніяхъ отъ 1508 до 1515 г.

Г. Лихачевъ полагаетъ, что выраженіе: «ящикъ такой то, а въ немъ списки такіе-то (книги посольныя, грамоты Посольныя...) при дьякѣ такомъ-то» [3]) столь часто встрѣчающееся въ Описи царскаго архива, надо понимать, какъ замѣну фразы: «Посольскіе списки, писанные (или полученные) во время управленія Посольскимъ приказомъ дьяка такого-то. (Въ 72-мъ ящикѣ упоминается дьяка Андрей Ѳеод. Майко, дипломатическая дѣятельность котораго обнимаетъ 1494—1501 г. и который за это время всегда упоминается на второмъ мѣстѣ послѣ дьяка Курицына; въ 64-мъ ящикѣ дьякъ Лука Семеновъ, ведшій переговоры съ послами—съ 1508 по 1512 г.; наконецъ въ ящикѣ 139 — извѣстный дипломатъ Ивана IV, впослѣдствіи печатникъ—Ив. Мих. Висковатовъ). Но необходимо ли это выраженіе описи понимать именно въ вышеуказанномъ смыслѣ,—какъ доказательство существованія уже въ то время центральнаго дипломатическаго учрежденія? Всѣ изслѣдованія г. Лихачева, по нашему мнѣнію, только доказываютъ, что въ концѣ XV, началѣ XVI в. дипломатическое вѣдомство уже начало обособляться отъ другихъ центральныхъ вѣдомствъ и въ это время только подготовлялось образованіе центральнаго учрежденія, которое должно было стать въ главѣ Посольскаго вѣдомства. Въ пользу своего мнѣнія о существованіи посольскаго приказа уже при Иванѣ III, г. Лихачевъ приводитъ еще и то соображеніе, что «ядро» извѣстнаго «царскаго архива», опись котораго сохранилась въ А. А. Э., I, № 289, состояла изъ дѣлъ Посольскаго приказа, и самый архивъ, хотя и хранился, вѣроятно, на Казенномъ дворѣ, находился въ завѣдываніи Посольскихъ дьяковъ. Однако, самъ же г. Лихачевъ говоритъ [4]), что кромѣ различныхъ дипломатическихъ документовъ, въ архивѣ хранились «дѣла по государственному управленію вообще, судебники, акты соборовъ, политическія сыск-

---

[1]) См. Лихачевъ „Разр. дьяки" стр. 45. (Древніе грамоты и акты Рязанскаго края", изданіе Пискарева, № 13, стр. 14—23).

[2]) Ibidem.

[3]) Напр. А. А. Э., т. I, № 289, ящ. 64, 72, 139.

[4]) „Библ. и Архивъ", стр. 66.

ныя дѣла, судныя дѣла, вершенныя боярской думой», а также «акты, касающіеся главы Государства,—Государя и его предковъ»; наконецъ, въ ящикахъ упоминаются имена не только «посольскихъ» дьяковъ, но и такихъ, которые не имѣли никакого отношенія къ Посольскому вѣдомству. Слѣдовательно, по своему составу упомянутый архивъ далеко не былъ архивомъ исключительно или даже преимущественно дипломатическимъ, а скорѣе, по опредѣленію самого г. Лихачева, архивомъ «государственно-политическимъ» и завѣдовалъ имъ, по всей вѣроятности, не посольскій дьякъ, а *печатникъ*, «канцлеръ» того времени (какъ и называютъ его иностранцы), одинаково вѣдавшій внѣшнія и внутреннія «политическія» дѣла, все, что такъ или иначе относилось до власти самого Государя, до его чести и царственныхъ правъ. Этотъ-то печатникъ и являлся естественнымъ хранителемъ государственнаго архива, находившагося на Казенномъ дворѣ. Впослѣдствіи, когда печатникомъ сдѣлался посольскій дьякъ Висковатовъ, онъ и сталъ завѣдывать Государственнымъ архивомъ, но именно въ качествѣ печатника, а не въ качествѣ посольскаго дьяка; въ качествѣ печатника онъ и производилъ опись всего царскаго архива [1]), а не только посольскихъ дѣлъ [2]). Дьякъ же Андрей Васильевъ (стоялъ во главѣ Посольскаго приказа съ 1563 года), такъ же, какъ его преемникъ въ Посольскомъ приказѣ, Андрей Щелкаловъ, (съ января 1571 года), производили уже перепись *только* посольскихъ дѣлъ, какъ это и видно изъ переписной книги дѣлъ Посольскаго приказа, составленной въ 1626 г. [3]); эта книга, говоря о переписи, произведенной Щелкаловымъ, ссылается только на «старую переписную тетрадь дьяка Ондрея Васильева», но ничего не говоритъ о переписи, произведенной Висковатовымъ. Дѣло въ томъ, что какъ Васильевъ, такъ и А. Щелкаловъ—оба были Посольскими дьяками (а Щелкаловъ кромѣ того—и казначеемъ), но ни одинъ изъ нихъ не былъ печатникомъ, почему и не могъ завѣдывать Государственнымъ архивомъ, а завѣдывалъ только спеціальнымъ—Посольскимъ.

Связь должности печатника съ посольскимъ вѣдомствомъ.

Именно въ должности печатника и слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать связующее звено между посольскимъ и казеннымъ вѣ-

---

[1]) А. А. Э., I, 289, стр. 33 5: „по Ивановымъ книгамъ Михайлова тотъ ящикъ у Государя".

[2]) „Разр. дьяка", стр. 63—64.

[3]) Арх. Министр. Иностр. Дѣлъ, переписная книга № 2, л. 336.

домствами, которыя сами по себѣ имѣли мало общаго между собой Важнѣйшею обязанностью печатника въ началѣ XVI вѣка и было именно храненіе государственныхъ грамотъ, къ которымъ онъ же и прикладывалъ печать великаго князя. Онъ не былъ, въ сущность говоря, ни дипломатомъ, ни казначеемъ въ обыденномъ смыслѣ слова, но благодаря тому, что хранилъ «казну», состоявшую, правда, не изъ золота, мѣховъ и самоцвѣтныхъ камней, но изъ вещей не менѣе важныхъ и цѣнныхъ—важнѣйшихъ государственныхъ грамотъ и актовъ всякаго рода, онъ становился въ близкое отношеніе съ вѣдомствомъ Казеннаго двора, такъ какъ гдѣ же удобнѣе и сохраннѣе было хранить эту пергаментную и бумажную казну, какъ не на томъ же Казенномъ дворѣ, на которомъ хранились и драгоцѣнности великаго князя. Итакъ, печатникъ, храня государственную казну, или, по нашему, государственный архивъ, сдѣлался самъ «казначеемъ», почему въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка мы видимъ напр., что одно и тоже лицо—Юрій Дм. Траханіотъ—называется безразлично то печатникомъ, то казначеемъ. Слово «казна» имѣло тогда гораздо болѣе широкое значеніе, чѣмъ теперь; казначеемъ въ нашемъ смыслѣ слова былъ въ то время Дм. Влад. Ховринъ-Овца, хранившій разную княжескую «рухлядь».

Не будучи, строго говоря, дипломатомъ, печатникъ естественно становился однако въ самую тѣсную связь съ посольскимъ вѣдомствомъ, такъ какъ хранилъ всѣ дипломатическіе документы въ своей казнѣ; въ XIV—XV вв., когда еще не существовало центральныхъ учрежденій и даже *спеціальныхъ* центральныхъ *органовъ* по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, онъ силою вещей являлся *единственнымъ* центральнымъ органомъ по дипломатическому вѣдомству: если надо было отправить пословъ въ какое-нибудь иностранное государство, составить для нихъ инструкцію, наставленіе,—какъ вести себя, что говорить, — гдѣ было для всего этого искать указаній? Конечно, въ княжеской казнѣ, въ которой печатникъ хранилъ старыя грамоты, заключавшія прецеденты на всевозможные случаи дипломатической практики. Послы и самъ великій князь руководились этими прецедентами, а за справками должны были обращаться къ печатнику; онъ, такимъ образомъ, поневолѣ знакомился съ хранящимися въ казнѣ дипломатическими актами и пріобрѣталъ извѣстный дипломатическій навыкъ, хотя, конечно, скорѣе теоретическій, чѣмъ практическій. Но *главою* посольскаго вѣдомства, завѣдывающимъ внѣшними сношеніями, онъ въ то время не былъ: онъ не снаряжалъ посольства, не велъ *ex officio* переговоровъ съ иностранными послами, пріѣзжавшими въ Москву. Эти обязанности возлагались на различныхъ дьяковъ, каждый разъ по особому порученію государя; чаще всего

такое порученіе, разумѣется, возлагалось на дьяковъ, приближенныхъ къ Государю, «ближнихъ» или «введенныхъ», напр. на Θеод. Курицына—при Иванѣ III; Курицынъ не былъ, однако, печатникомъ и не завѣдывалъ дипломатическимъ архивомъ, который составлялъ тогда только часть общаго государственнаго архива. Въ помощники дьякамъ «введеннымъ» при переговорахъ съ послами назначали двухъ или трехъ простыхъ дьяковъ (такими дьяками, принимавшими второстепенное участіе въ переговорахъ, но не ведшими ихъ самостоятельно, были напр.: А. Θ. Майко̀ и Болдырь Паюсовъ).

На тѣсную связь должности печатника съ дипломатическимъ вѣдомствомъ указываютъ и пр. Ключевскій [1]) и пр. Сергѣевичъ [2]). Но пр. Ключевскій какъ будто не различаетъ казначеевъ отъ печатника; изъ его словъ выходитъ, что казенное вѣдомство *вообще* находилось въ тѣсной связи съ дипломатическимъ. Правда, и казначеи (напр. Ховринъ-Овца) посылались иногда послами въ сосѣднія государства, но посломъ великій князь могъ отправить, кого хотѣлъ, кому онъ больше довѣрялъ, и это одно обстоятельство еще не указываетъ на связь двухъ «столь различныхъ» (по собственному выраженію пр. Ключевскаго) вѣдомствъ, какъ посольское и вѣдомство казеннаго двора.

Такой связи, по нашему мнѣнію, вовсе и не было, а было только тѣсное отношеніе къ посольскому вѣдомству должности печатника, который тоже назывался «казначеемъ», потому что хранилъ архивную казну; *эта* связь была основана на фактѣ храненія печатникомъ посольскихъ дѣлъ. Вся же неясность и запутанность въ этомъ вопросѣ о связи посольскаго и казеннаго вѣдомствъ и о мѣстѣ храненія государственнаго архива происходитъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ отъ недостаточно точнаго разграниченія двухъ различныхъ значеній слова «казна», означавшаго тогда вообще всякое собраніе цѣнностей и мѣсто ихъ храненія. Но цѣнности эти могли заключаться или въ цѣнномъ имуществѣ, или въ цѣнныхъ бумагахъ; изъ «казны», какъ мѣста храненія княжескаго имущества, возникли съ теченіемъ времени два центральныхъ финансовыхъ учрежденія: *дворцовое* — Казенный приказъ (во главѣ котораго и впослѣдствіи всегда стояли казначеи) и *государственное*—Большая Казна; изъ «казны» въ смыслѣ государственнаго архива, во главѣ котораго стоялъ печатникъ, *выдѣлилось* впослѣдствіи центральное дипломатическое учрежденіе, Посольскій приказъ. При возникновеніи этого учрежденія—въ 50-хъ гг. XVI в., во главѣ

---

[1]) „Б. Дума", стр. 172—173.

[2]) „Юр. древности"; т. I, стр. 475—476, прим.

его стоялъ *печатникъ* (И. М. Висковатовъ). Хотя впослѣдствіи лица стоявшія во главѣ Посольскаго Приказа, не имѣли званія печатника, однако сознаніе тѣсной внутренней связи этой должности съ Посольскимъ приказомъ всегда было живо въ Московскихъ правительственныхъ сферахъ: стоило стать во главѣ Посольскаго приказа лицу вліятельному и заслуженному (напр. Вас. Щелкаловъ)— и оно получало званіе печатника, которое вообще считалось въ XVI вѣкѣ высшей почестью, которой могъ достичь дьякъ, не выходя изъ рядовъ дьячества. Въ серединѣ XVII вѣка должность печатника окончательно слилась съ должностью начальника Посольскаго приказа.

Начало Посольскаго приказа, какъ вполнѣ сложившагося учрежденія, мы полагаемъ возможнымъ отнести къ 50-мъ годамъ XVI стол., когда во главѣ дипломатическаго вѣдомства сталъ печатникъ И. М. Висковатовъ, а въ дипломатическихъ актахъ [1]) впервые появляется «*дьячья изба* Ив. Михайлова» (1556 г.), въ которой царь «велѣлъ быть» Литовскому послу; это, очевидно, не частное жилище дьяка Висковатова, но помѣщеніе дипломатическаго учрежденія, въ которомъ ведутся офиціальные переговоры съ послами. Упоминаніе «дьячьей избы» въ 1556 г. и «посолной избы» въ 1564 г. [2]) опровергаетъ мнѣніе пр. Ключевскаго (основанное на извѣстіи Александро-Невской лѣтописи), будто въ 1565 г. *впервые* была построена Посольская изба и вмѣстѣ съ нею возникло и самое учрежденіе, ставшее во главѣ дипломатическаго вѣдомства; наоборотъ, подтверждается мнѣніе г. Лихачева, что выстроенная въ 1565 г. «Изба» была только *новымъ* помѣщеніемъ для учрежденія, существовавшаго уже раньше.

Такимъ образомъ, въ вопросѣ о времени возникновенія Посольскаго приказа, какъ сложившагося уже учрежденія, намъ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ старый взглядъ автора статьи о приказахъ въ Вивліоѳикѣ и пр. Гавр. Успенскаго, которые относятъ образованіе Посольскаго приказа къ 50-мъ гг. XVI стол., а Ив. Мих. Висковатова считаютъ его первымъ начальникомъ. Но постепенное выдѣленіе посольскаго вѣдомства изъ общаго центральнаго управленія—параллельно съ выработкой извѣстныхъ общихъ началъ въ дипломатической дѣятельности московскаго правительства въ сношеніяхъ съ иностранными державами и въ пріемахъ пословъ—шло медленно и постепенно въ теченіе конца XV в. и всей первой половины XVI вѣка.

---

[1]) Сб. И. Р. И. Общ., т. LIX, стр. 533.

[2]) Датскіе статейные списки, кн. I, л. 407. (см. Лихачева „Библ. и Архивъ" стр. 69).

Вопросъ о времени выдѣленія отдѣльнаго дипломатическаго вѣдомства (которое, безъ сомнѣнія, охватывало довольно продолжительный періодъ) нужно отдѣлять отъ вопроса о времени возникновенія центральнаго учрежденія, ставшаго во главѣ этого вѣдомства. Отдѣльныя же лица, какъ Курицынъ, могли вѣдать посольскія дѣла и гораздо раньше 50-хъ гг. XVI вѣка. Не соглашаясь съ г. Лихачевымъ, который относитъ начало Посольскаго приказа ко времени Ивана III, мы не можемъ согласиться и съ мнѣніемъ проф. Ключевскаго, относящаго его ко времени слишкомъ позднему подъ вліяніемъ своей теоріи о возникновеніи приказовъ изъ отдѣленія думской канцеляріи. Г. Лихачевъ справедливо возражаетъ противъ его мнѣнія о томъ, что Посольскій приказъ еще во времена управленія имъ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ сохранялъ характеръ личной подвижной канцеляріи царя, сопровождавшей его въ полномъ составѣ въ его отлучкахъ изъ Москвы. Лихачевъ указываетъ [1]), что если царя и сопровождалъ для личныхъ докладовъ дьякъ, управлявшій Посольскимъ приказомъ, то это не значитъ, чтобы его сопровождало все учрежденіе in corpore: учрежденіе оставалось въ Москвѣ и дѣла въ немъ шли обычнымъ порядкомъ. Иногда и дьякъ, управлявшій приказомъ, не сопровождалъ Государя: Иванъ Грозный, сидя въ Александровской Слободѣ, принималъ тамъ пословъ, но Посольскій приказъ оставался въ Москвѣ, что видно изъ переписки между этимъ учрежденіемъ и царемъ. Печатникъ Висковатовъ (назначенъ печатникомъ въ 1563 г.—послѣ Никиты Фуникова-Курцова), по нашему мнѣнію, былъ первымъ лицомъ, поставленнымъ, такъ сказать, de jure, офиціально во главѣ Посольскаго вѣдомства (раньше же встрѣчаемъ только лицъ, de facto стоящихъ во главѣ этого вѣдомства)—и сейчасъ же вокругъ него образовалось постоянное центральное учрежденіе; это произошло, вѣроятно, около 1556 г., хотя въ качествѣ дьяка Висковатовъ упоминается еще въ 1549 г. (подъячимъ онъ былъ еще въ *1542* г.) [2]); въ 1553 г. онъ уже дѣлается вліятельнымъ совѣтникомъ Грознаго [3]), а въ 1554 г. уже является, очевидно, старшимъ изъ дьяковъ, ведущихъ переговоры съ Литовскими послами [4]) «Діячя изба Ивана Михайлова», гдѣ великій князь велѣлъ литовскому послу «дожидатися стола», упоми-

---

[1]) „Разр. дьяки", стр. 65.

[2]) Сб. И. Р. И. О., т. LIX, стр. 163 и 296.

[3]) О его роли при составленіи духовной Ивана IV и приведеніи бояръ къ присягѣ въ 1553 г. см. Сб. И. Р. И. О., т. LIX стр. 338—344.

[4]) Ibid., стр. 442.

нается въ 1556 г. (7 октября) [1]), а затѣмъ — въ 1560 г. [2]) Еще въ 1542 г. встрѣчается извѣстіе о томъ, какъ «приставъ Василей посломъ молылъ, чтобы пошли, да шелъ съ ними въ дьячіе избы... и тутъ въ избахъ послы дожидалися стола» [3]).—По всей вѣроятности, эти «дьячьи избы» не частныя жилища, а спеціальныя помѣщенія для пріема пословъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для занятій дьяковъ по составленію и переписыванію грамотъ.

2. *Полоняничный приказъ.*

Во второй половинѣ XVII стол. въ 1668 г., появляется, въ тѣсной связи съ Посольскимъ приказомъ, учрежденіе, имѣвшее значеніе центральной кассы, въ которую поступали со всего Государства *полоняничныя* деньги, шедшія на выкупъ плѣнныхъ; расходъ этихъ денегъ производился Посольскимъ приказомъ. Но въ качествѣ *отдѣльнаго*, хотя и не самостоятельнаго учрежденія, *Полоняничный приказъ* существовалъ всего *два* года—отъ 1668 до 1670 г. Въ 1670 г. онъ былъ приписанъ къ Посольскому приказу, а въ 1678 г.—къ Земскому [4]). Полоняничный приказъ былъ скорѣе кассой Посольскаго приказа, чѣмъ особымъ центральнымъ учрежденіемъ.

3. *Печатный приказъ.*

Мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ приказѣ, — *Печатномъ*,—въ виду его тѣсной связи съ первоначальнымъ вѣдомствомъ печатника, хотя его и нельзя причислить къ группѣ приказовъ дипломатическихъ.

Кромѣ Посольскаго приказа, имѣвшаго только случайную связь съ вѣдомствомъ печатника, непосредственно изъ этого вѣдомства образовалось еще другое учрежденіе съ болѣе узкимъ и спеціальнымъ кругомъ обязанностей: это былъ *Печатный приказъ*, удостовѣрявшій приложеніемъ печати всякіе акты, выдаваемые частнымъ лицамъ въ Москвѣ (въ областяхъ это дѣлали приказныя избы) и бравшій съ нихъ за это печатныя пошлины; печатныя пошлины, взимаемыя въ областяхъ, также присылались въ Москву, въ Печатный приказъ. Неволинъ отнесъ это учрежденіе къ

---

[1]) Ib, стр. 532.
[2]) Ib., стр. 622.
[3]) Ib., стр. 148.
[4]) Вивл., т. XX, стр. 357; Котош., гл. VII, ст. 2.

приказамъ «по управленію дѣлами благочинія». По нашему мнѣнію, въ XVII столѣтіи этотъ приказъ можно скорѣе отнести къ разряду учрежденій по финансовому управленію, такъ какъ онъ служилъ прежде всего фискальнымъ цѣлямъ московскаго правительства, хотя въ то же время онъ имѣлъ, конечно, и характеръ нотаріальнаго учрежденія, удостовѣряющаго подлинность и юридическую силу документовъ. Но прежде всего «печатаніе» грамотъ являлось однимъ изъ многочисленныхъ источниковъ косвенныхъ доходовъ правительства. Печатный приказъ возникъ, вѣроятно, довольно рано (такъ думаетъ и Неволинъ) [1], хотя самое названіе его является только въ XVII вѣкѣ. При маломъ распространеніи грамотности и незнакомствѣ населенія съ установленными формами юридическихъ актовъ, необходимо должна была сказаться потребность въ такомъ учрежденіи, гдѣ бы лица, знакомыя съ дѣлопроизводствомъ и со всѣми юридическими формами того времени, составляли всевозможные акты для частныхъ лицъ и тутъ же удостовѣряли бы ихъ приложеніемъ печати. Такъ какъ приложеніе печати ко всѣмъ государственнымъ актамъ было дѣломъ печатника, то естественно, что дьяки, прикладывавшіе печати къ частнымъ актамъ и взимавшіе за то пошлины, находились подъ его начальствомъ и мало по малу сгруппировались вокругъ него въ постоянное учрежденіе, которое сначала носило названіе *Печатнаго двора* (въ записныхъ разрядныхъ книгахъ, по Вивліоѳикѣ, Печатный дворъ значится съ 1665 по 1686 г.), а затѣмъ — Печатнаго приказа. Новиковъ (на котораго ссылается авторъ статьи въ Вивліоѳикѣ), а вслѣдъ за нимъ и Неволинъ, относятъ появленіе этого приказа къ *1611* г., такъ какъ въ этомъ году, по словамъ Новикова, впервые значится по списку «думный дьякъ и печатникъ Иванъ Грамотинъ»; но мы знаемъ, что печатники занимали выдающееся положеніе въ центральномъ московскомъ управленіи еще въ концѣ XV вѣка (Юрій Дм. Траханіотъ), и что многіе изъ нихъ—Фуниковъ, Висковатовъ, Василій Щелкаловъ—хотя не носили названія «думнаго дьяка», не существовавшаго въ XVI в., однако присутствовали въ царской думѣ. Поэтому нѣтъ никакого основанія считать именно *1611* г. годомъ основанія Печатнаго приказа.

О территоріальныхъ приказахъ, прямо подчиненныхъ Посольскому или зависимыхъ отъ него, мы будемъ говорить позже, когда коснемся вопроса о возникновеніи территоріальныхъ приказовъ вообще.

---

[1] Т. VI, стр. 168.

С. Приказы по внутреннему управленію.

Общій взглядъ на ихъ возникновеніе.

Теперь мы перейдемъ ко *второй группѣ* приказовъ по общему управленію, начало которыхъ слѣдуетъ относить ко времени административной реформы 50-хъ годовъ XVI стол.; но окончательно сложились эти приказы только въ 70-хъ и 80-хъ, а нѣкоторые даже въ 90-хъ годахъ этого столѣтія, когда кругъ ихъ вѣдомства вполнѣ опредѣлился. Какъ уже сказано, приказы эти возникли въ связи съ реформой 50-хъ годовъ. Сообразно самому характеру этой реформы, судебно-финансовому, приказы эти можно раздѣлить на *двѣ* группы: *административно-финансовые* (Большой приходъ, Помѣстный приказъ [1]), Дворцовый Четвертной приказъ и Четверти) и *административно-судебные* (Разбойный приказъ, Холопій судъ и четыре областныхъ судныхъ приказа).

Приказы финансовые, испытавъ на себѣ сильное вліяніе реформы внутренняго управленія, поскольку она изъяла изъ рукъ намѣстниковъ сборъ разныхъ государственныхъ доходовъ и передала его общинамъ, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе упразднила намѣстническое управленіе, замѣнивъ его земскимъ, возникли однако не столько благодаря этой реформѣ *самой по себѣ*, сколько подъ вліяніемъ потребностей военнаго управленія; или, вѣрнѣе, сама финансовая реформа 50-хъ гг.,—отмѣна кормленій и установленіе вмѣсто нихъ денежнаго жалованья и помѣстной раздачи ратнымъ людямъ,—была вызвана настоятельной необходимостью реорганизаціи нашихъ военныхъ силъ и системы содержанія и вознагражденія служилыхъ людей.

Потребности обороны страны уже вызвали образованіе Разряда, какъ центральнаго учрежденія для организаціи этой обороны; Разрядъ вѣдалъ служилое сословіе, доставлявшее *личныя* средства для этой обороны. Но необходимы были еще и *денежныя* средства: прежде всего для экономическаго обезпеченія того же служилаго сословія, затѣмъ—для содержанія новаго постояннаго войска (стрѣльцовъ, пушкарей, иноземцевъ, казаковъ). Эта необходимость во всякомъ случаѣ должна была вызвать *центральныя* финансовыя учрежденія того или другого рода, и независимо отъ реформы внутренняго управленія, такъ какъ въ организаціи новаго постояннаго

---

[1]) Который впрочемъ возникъ отчасти подъ вліяніемъ нуждъ военнаго управленія, отчасти подъ вліяніемъ реформы кормленій въ *1556* г.

войска централизація была неизбѣжна; сборъ доходовъ, шедшихъ на покрытіе расходовъ по содержанію этихъ войскъ, долженъ былъ сосредоточиться въ Москвѣ, въ какомъ нибудь центральномъ учрежденіи, уже существовавшемъ раньше или спеціально для этой цѣли созданномъ. Реформа 50-хъ гг. только придала большинству этихъ учрежденій ту своеобразную форму «Четей», въ какой они просуществовали до конца XVII столѣтія,—форму учрежденій территоріально-финансовыхъ, къ которымъ вскорѣ перешло множество функцій судебныхъ и административныхъ, учрежденій *центральныхъ*—по мѣсту нахожденія, *территоріальныхъ*—по распространенію своей компетенціи, но съ распредѣленіемъ предметовъ управленія по *реальной* системѣ, такъ какъ они вѣдали первоначально *только одну* отрасль управленія—сборъ доходовъ, и то опредѣленнаго свойства, а не всѣхъ безъ различія. Это были *центральныя кассы* для сбора доходовъ съ *извѣстной* территоріи [1]). По характеру своему Чети болѣе походятъ на *мѣстныя учрежденія*, но дѣйствовали онѣ *изъ центра*. Но учрежденіями *областными* въ томъ смыслѣ, будто бы онѣ вѣдали извѣстную территорію *во всѣхъ* отношеніяхъ, ихъ ни въ какомъ случаѣ назвать нельзя, особенно по отношенію къ XVI столѣтію. Вопреки Градовскому, первоначальное значеніе Четей было чисто финансовымъ, а областной характеръ онѣ получили только съ теченіемъ времени,—а не наоборотъ.

Помѣстный приказъ въ одинаковой степени испыталъ на себѣ вліяніе какъ необходимости матеріальнаго обезпеченія служилаго класса, такъ и реформы 1556 г., измѣнившей *способъ* этого обезпеченія, замѣнившей, если не вполнѣ, то отчасти, систему кормленій системой помѣстій. Судебные приказы создались уже всецѣло подъ вліяніемъ реформы губнаго вѣдомства 30-хъ и 40-хъ годовъ и реформы 50-хъ гг., преимущественно, конечно, введенія института губныхъ старостъ и ограниченія судебной власти намѣстниковъ и волостелей по дѣламъ холопьимъ, уголовнымъ, земельнымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и по *всѣмъ* дѣламъ, переданнымъ въ руки земскихъ судей и цѣловальниковъ. Для суда по дѣламъ, изъятымъ изъ вѣдѣнія намѣстниковъ, должны были явиться посредствующія инстанціи въ Москвѣ, вмѣсто исчезнувшихъ инстанцій въ области; такими инстанціями явились: Разбойный приказъ—по дѣламъ уголовнымъ, переданнымъ въ вѣдѣніе губныхъ старостъ, Холопій

---

[1]) См. Лаппо-Данилевскій „Организація прямого обложенія", стр. 464—465. „Четверти въ XVII в. служили не конечною, а посредствующей инстанціей для поступленій"... „Онѣ принимали, хранили и выдавали деньги по предписанію... въ другія учрежденія.

судъ—по дѣламъ о холопствѣ, Помѣстный приказъ—по земельнымъ тяжбамъ. Затѣмъ, послѣ исчезновенія намѣстниковъ въ большинствѣ областей и перехода суда по всѣмъ дѣламъ въ руки общинъ, явились въ Москвѣ посредствующія инстанціи по всѣмъ вообще дѣламъ, кромѣ изъятыхъ въ вѣдѣніе *особыхъ судныхъ* приказовъ. Роль такихъ посредствующихъ инстанцій между *думскимъ* и *областнымъ* судомъ выпала на долю *областнымъ суднымъ* приказамъ (Рязанскому, Дмитровскому, Владимірскому и Московскому), возникшимъ уже въ царствованіе Феодора Іоанновича.

Скажемъ сначала о времени возникновенія финансовыхъ приказовъ XVI столѣтія, за исключеніемъ Помѣстнаго, о происхожденіи котораго намъ уже пришлось говорить, когда мы говорили о происхожденіи военныхъ приказовъ.

1. *Приказы финансовые.*

Тогда какъ вопросу о происхожденіи *Четей*—финансово-областныхъ приказовъ—посвящено много спеціальныхъ изслѣдованій и онъ давно уже обратилъ на себя вниманіе нашихъ ученыхъ, о происхожденіи двухъ старыхъ финансовыхъ учрежденій, вѣдомство коихъ ограничивалось сначала предѣлами стараго московскаго княженія—*Большой Казны и Большого Прихода*—въ нашей исторической литературѣ говорится немного. Впрочемъ, въ послѣднее время изслѣдователи, разбиравшіе вопросъ о происхожденіи четей, по необходимости касались и вопроса о значеніи Большого Прихода въ серединѣ XVI столѣтія, о его отношеніи къ четямъ и о его происхожденіи. Прежде всего, мы видимъ, что оба упомянутыхъ финансовыхъ приказа дѣйствовали *первоначально* [1]) исключительно въ предѣлахъ стараго московскаго княженія. Въ XVII в. они вѣдали различные сборы съ торговли и промышленности, при чемъ *Большая Казна* собирала преимущественно *прямые сборы* съ городского населенія, занимавшагося торговлей и ремеслами [2]) и вообще вѣдала во всѣхъ отношеніяхъ торговыхъ людей, а *Большой Приходъ* собиралъ *косвенные сборы*: «таможенныя пошлины, и мыто, и перевозъ, и мостовщину», также сборы «съ лавокъ и зъ гостин-

---

[1]) Но не всегда, какъ думали прежде наши изслѣдователи (Неволинъ). Уже въ 80-хъ и 90-хъ гг. XVI стол. Большой Приходъ вѣдаетъ спеціальные сборы на общегосударственныя надобности съ *тѣхъ самыхъ городовъ*, съ которыхъ Чети собираютъ мѣстные сборы.

[2]) Котошихинъ, гл. VII, ст. 9 „и собираютъ зъ гостей и съ торговыхъ людей... *тягло*, и *подати*, и *откупы*, и иные *поборы*...“ „и въ томъ приказѣ вѣдомы гости, и гостиная, и суконная сотня,... и многихъ городовъ торговые люди“...

ныхъ дворовъ, и съ погребовъ, и съ мѣры, чѣмъ всякіе товары и питья мѣряютъ...» [1]), а изъ прямыхъ сборовъ—ямскія и полоняничныя деньги, пока для сбора ихъ не возникли особыя учрежденія (Ямской и Полоняничный приказы). Уже то обстоятельство, что вѣдомство Большой Казны и Большого Прихода было первоначально ограничено предѣлами исконныхъ владѣній Московскаго великаго князя, указываетъ на сравнительно раннее происхожденіе этихъ учрежденій: и всѣ изслѣдователи [2]), кажется, согласны въ томъ, что эти два приказа явились *раньше* Четей, вѣдавшихъ въ финансовомъ отношеніи области, позже присоединенныя къ Москвѣ; нѣкоторые [3]) думаютъ даже, что вѣдомство четей *выдѣлилось* изъ вѣдомства Большого Прихода. Затѣмъ многіе [4]) высказываютъ догадку о связи Большого Прихода съ вѣдомствомъ Большого Дворца, изъ котораго, по мнѣнію г. Милюкова, Большой Приходъ и выдѣлился со временемъ, когда доходы государственные стали различаться отъ доходовъ дворцовыхъ; подобнаго воззрѣнія не чуждъ, повидимому, и пр. Лаппо-Данилевскій, судя по его теоріи послѣдовательной смѣны руководящихъ принциповъ въ распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ: принципъ вотчинный смѣняется у него территоріально-сословнымъ.

Существовала ли дѣйствительно тѣсная связь между Большимъ Дворцомъ и Большимъ Приходомъ?

Пр. Платоновъ въ своемъ изслѣдованіи: «Какъ возникли чети?» [5]), по нашему мнѣнію, совершенно основательно отрицаетъ ее, такъ же, какъ и тождество Двороваго Большого Прихода и Двороваго Четвертного Приказа. Самое названіе *Двороваго* Большого Прихода, которое какъ бы указываетъ на все еще непрерывающуюся связь Большого Прихода съ дворцовымъ вѣдомствомъ, появляется впервые въ 1581 г. [6]), между тѣмъ какъ названіе просто Большого Прихода, безъ эпитета «дворовый», встрѣчается еще въ 1564 г. [7]) и 1568 г., а затѣмъ неоднократно въ 70-хъ гг. XVI столѣтія [8]). Поэтому кажется весьма вѣроятнымъ, (какъ и думаютъ

---

[1]) ibid, гл. VII, ст. 10.

[2]) Согласны съ этимъ и Градовскій и пр. Лаппо-Данилевскій, хотя такое допущеніе прямо противорѣчитъ принятой ими схемѣ трехъ моментовъ развитія московской централизаціи.

[3]) Г. Милюковъ, „Госуд. Хоз.", стр. 34, изд. 1892 г.

[4]) Г. Лихачева „Разр. дьяки", стр. 473 и г. Милюковъ „Гос. Хоз." стр. 34.

[5]) Ж. М. Н. Пр., 1892 г., кн. V, стр. 160 и 166.

[6]) А. А. Э. I, №№ 312 и 318, Д. А. И. I, № 225.

[7]) Ж. М. Н. Пр., V, 1892 г. стр. 166.—Кирилловъ монастырь платитъ въ Большой Приходъ „ямскіе и примѣтные деньги..." (Рукопись Арх. Комм., № 112, стр. 414 и 415). Тамъ же упоминается Большой Приходъ въ 1576 г. (ib., стр. 570).

[8]) Напр., въ 1573 г. по боярской книгѣ этого года—Вивл. Т. XX.

пр. Платоновъ и г. Середонинъ) [1]), что терминъ *«дворовый»* происходитъ не отъ слова *«дворецъ»* въ смыслѣ вѣдомства Большого Дворца, а отъ слова «дворъ», какъ стала называться опричнина въ послѣдніе годы царствованія Грознаго. Не болѣе вѣроятнымъ кажется намъ и предположеніе г. Милюкова (тоже опровергнутое пр. Платоновымъ) о связи Большого Прихода съ Четвертями, будто бы сложившимися внутри его вѣдомства, какъ его отдѣленія и долго находившимися въ зависимости отъ него; прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Новгородская Четверть появляется въ документахъ гораздо раньше Большого прихода, первое упоминаніе Большого Прихода относится къ 1564 г., а «Нижегородская Четверть» существовала уже въ *1558* г., такъ какъ въ этомъ году въ боярской родословной упоминается подъячій этой четверти—Ѳедка Низовцевъ сынъ Языковъ [2]). (Въ одномъ документѣ XVII стол. [3]) есть даже, по мнѣнію пр. Загоскина [4]), указаніе на существованіе Новгородской Четверти съ дьякомъ Истомой Новгородовымъ еще въ *1545* г.: мы не можемъ согласиться съ такимъ толкованіемъ упомянутаго документа — подтвержденія нѣкоторыхъ правъ Мезенскихъ самоѣдовъ, дарованныхъ имъ въ 1545 г. (7048 г.) грамотой за подписью дьяка Истомы Новгородова и подтверждаемыхъ грамотой Михаила Ѳеодоровича въ 1631 г.: здѣсь говорится только, что «самоединъ Меньшичко Апицынъ «положилъ» въ Новгородцкой Четверти передъ дьяки наши» Болтинымъ и Образцовымъ «жалованную грамоту блаж. пам. царя и в. кн. Ивана Вас. всея Руси 53 г., за приписью дьяка Истомы Новгородова»; (Новгородовъ вѣдалъ въ это время Мезень и Кевролу) [5]). Во всякомъ случаѣ четверти являются одновременно съ Большимъ Приходомъ, даже нѣсколько раньше его, слѣдовательно, вполнѣ отъ него независимо. Возникли же какъ онѣ, такъ и Большой Приходъ подъ вліяніемъ одной и той-же причины—административно-финансовыхъ реформъ 50-хъ гг.—и весьма скоро послѣ этихъ реформъ—въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Вѣдомство Четей и вѣдомство Большого Прихода складываются въ одно и то-же время, какъ два независимыя другъ отъ друга финансовыя вѣдомства для сбора двухъ различныхъ родовъ государственныхъ доходовъ: Чети сбираютъ *оброкъ* («кормленный окупъ») за «намѣстничи и волостелины доходы» и идутъ эти деньги на жалованье ратнымъ людямъ,

---

[1]) „Сочиненіе Флетчера, какъ историческій источникъ", стр. 244 и 252.

[2]) Лихачевъ „Разр. дьяки", стр. 573, пр. 2.

[3]) А. А. Э. III, № 194.

[4]) „Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова", стр. 201. (1892 г.)

[5]) См. Лихачева „Разр. дьяки" стр. 277. Новгородовъ сидѣлъ, вѣроятно, въ территоріальномъ (а не финансовомъ) приказѣ.

вмѣсто прежнихъ кормленій [1]); Большой же Приходъ собираетъ первое время «ямскіе и приметные деньги, и за городовое, и за засѣчное, и за емчужное дѣло» [2]), то есть опять таки деньги на военныя потребности, только не на жалованье войску, а на усиленіе средствъ обороны страны. Впослѣдствіи вѣдомства того и другого учрежденія (Четей и Большого Прихода) претерпѣли значительныя измѣненія, но для насъ важно именно ихъ первоначальное назначеніе—и вотъ, мы видимъ, что какъ Чети, такъ и Большой Приходъ могли возникнуть только *послѣ* реформы 1556 г., изъявшей изъ рукъ намѣстниковъ сборъ различныхъ доходовъ и передавшей ихъ въ руки центральнаго правительства, мѣстными органами котораго явились теперь сами общины— и 2) что эти финансовыя учрежденія возникли ради сбора средствъ на удовлетвореніе одной и той-же коренной потребности Московскаго государства—обороны отъ внѣшнихъ враговъ; только средства эти они получали изъ *разныхъ* источниковъ и, соотвѣтственно этому, шли эти средства на удовлетвореніе *разныхъ* сторонъ одной и той-же потребности.

Итакъ, Большой Приходъ, такъ же какъ и Чети, являются при самомъ возникновеніи своемъ финансовыми учрежденіями чисто публичнаго характера: они собираютъ доходы на обще-государственныя надобности; самые доходы эти возникли не изъ вотчинныхъ правъ князя, но изъ отношеній государственно-правовыхъ: отчасти изъ права служилаго сословія на кормленія (такъ возникъ «кормленный окупъ», собираемый Четями), отчасти изъ татарскаго ига («данныя деньги», собираемыя тоже Четями, и «ямскія», собираемыя первоначально Большимъ Приходомъ), отчасти прямо изъ военныхъ потребностей молодого государства. Собираются эти доходы не съ дворцовыхъ крестьянъ, а съ черныхъ и владѣльческихъ, а также съ посадскихъ людей, т.-е. исключительно съ населенія, стоящаго въ непосредственныхъ податныхъ отношеніяхъ къ государству, а не ко дворцу. Поэтому намъ кажутся неосновательными всѣ догадки о первоначальной связи Большого Прихода съ Большимъ Дворцомъ или съ Дворовымъ Четвертнымъ Приказомъ (Чети появляются въ документахъ на 11 лѣтъ раньше Четвертного приказа, который упоминается впервые въ *1569* г. [3]), тогда какъ Нижегородская Четь—въ 1558 г. [4]) Зато этотъ послѣдній приказъ развился несомнѣнно изъ дворцоваго вѣдомства: онъ собиралъ подати съ земель, взятыхъ въ опричнину, т. е. опять таки въ частную

---

[1]) Никон. Лѣт., VII, 261.
[2]) Рук. Арх. Комм., № 112, стр. 414—415.
[3]) Ис. М. Н. Пр., 1892 г. V, стр. 164.
[4]) „Разр. дьяки", стр. 273, пр. 2.

собственность государя, подобно старому Дворцу: но подати эти были не частно-владѣльческаго, а публичнаго характера; однако, подати, собираемыя въ одной и той-же мѣстности Большимъ Приходомъ и Дворовымъ Четвертнымъ приказомъ, всегда различаются въ документахъ (благодаря чему мы, вопреки г. Милюкову, не имѣемъ права смѣшивать эти два учрежденія). Въ 1569—1576 гг. съ Поморскихъ вотчинъ Кириллова монастыря въ Большой Приходъ шли ямскія и примѣтныя деньги, оброкъ за городовое, засѣчное и емчужное дѣло, въ Четвертной Приказъ—*оброчныя* деньги съ разныхъ угодій и промысловъ, обложенныхъ сборами [1]).

Оба учрежденія существовали рядомъ, при чемъ ихъ вѣдомства не смѣшивались: каждое собирало опредѣленные доходы. Не смѣшивалось вѣдомство Большого Прихода и съ вѣдомствомъ областныхъ Четей, существовавшихъ несомнѣнно еще *до* учрежденія *опричины*, тогда какъ Четвертной приказъ (Дворовый) явился подъ вліяніемъ превращенія опричнины въ «дворъ», слѣдствіемъ чего было измѣненіе ея характера: какъ уже сказано, Чети собирали преимущественно оброчныя (откупныя) деньги за разные платежи, которые прежде производились въ пользу *мѣстныхъ* правительственныхъ органовъ; какъ замѣтилъ г. Чечулинъ [2]), въ Чети шли, главнымъ образомъ, доходы *мѣстнаго* характера (напр., съ Можайска въ 1595—98 гг. шли въ Устюжскую четь денежные четвертные доходы: за намѣстничъ и за постельничъ доходъ и за присудъ оброкъ и пошлины, оброкъ съ огородовъ, садовъ, бань и мельницъ, мѣховыя деньги (съ посадскихъ) и «подлазные пошлины...»), а въ Большой Приходъ—доходы *общегосударственные* (съ Можайска въ Большой Приходъ за тѣ-же годы шли ямскія, приметныя, полоничныя, кормовыя и пищальныя деньги) [3]). Это потверждаетъ наше мнѣніе, что чети были собственно мѣстныя учрежденія, перенесенныя въ центръ (по своему административному значенію, а не по историческому происхожденію: мы отнюдь не примыкаемъ къ взгляду Неволина и Градовскаго, полагавшихъ, будто чети существовали первоначально, какъ мѣстныя учрежденія, въ областяхъ), вѣрнѣе, центральныя кассы для сбора *извѣстныхъ* доходовъ съ *извѣстныхъ* мѣстностей.

Итакъ, уже въ 60-хъ—70-хъ гг. XVI стол. мы видимъ строго выработанную «систематизацію поступленій» между различными центральными учрежденіями, ту систематизацію, попытки къ которой пр. Лаппо-Данилевскій думаетъ видѣть только въ XVII

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. ib., стр. 65—66.

[2]) „Города Моск. Государства въ XVI в." 1889 г. стр. 186—187.

[3]) См. Чегулинъ, op. cit., стр. 186—187.

вѣкѣ. Доходы дворцовые [1]) рѣзко различаются отъ государственныхъ; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на доходы, имѣющіе спеціальное назначеніе (преимущественно—кромѣ ямскихъ и полонянничныхъ—на военныя потребности) и на неимѣющіе таковаго: первые сбираютъ Большой Приходъ и Чети, вторые идутъ въ Большую Казну (которая первоначально, вѣроятно, вѣдала *всѣ* сборы съ городского населенія, съ торговли и промышленности, а потомъ сохранила за собой только прямые сборы съ городскаго класса, а косвенные (таможенные, мытные и т. д.) передала Большому Приходу: въ 1680 г. она получила ихъ обратно). Наконецъ, и поступленія, имѣющія спеціальное назначеніе, дѣлятся между Большимъ Приходомъ и Четями, смотря по тому, имѣютъ ли они общегосударственное или мѣстное значеніе, идутъ ли на оборудованье войска матеріальными средствами или на содержаніе личнаго его состава—служилаго класса. Такая систематизація государственныхъ доходовъ и распредѣленія ихъ по различнымъ учрежденіямъ могла явится только послѣ реформъ 50-хъ гг., послѣ окончательнаго торжества государственнаго начала, или вѣрнѣе—центральной власти—надъ публичными правами служилаго сословія. Только когда у этого сословія было отнято право самому непосредственно вознаграждать себя за службу и за отправленіе суда и право это перешло къ центральному правительству, могла возникнуть рубрика «четвертныхъ доходовъ»; а вмѣстѣ съ ними—и самыя Чети. Только при появленіи новыхъ родовъ постояннаго войска, всецѣло зависящаго отъ центральнаго правительства, и при новой организаціи обороны страны, объединившей это дѣло въ рукахъ того же правительства, могли собраться въ *одномъ* центральномъ учрежденіи для всего государства (Большой Приходъ) давно уже существовавшія, но крайне разнообразныя и прежде преимущественно натуральныя повинности воинскаго характера (городовое и засѣчное дѣло, пищальныя и емчужныя деньги и т. д.).

Наконецъ, самое выдѣленіе государственныхъ доходовъ отъ дворцовыхъ съ достаточной яркостью могло обнаружиться не раньше, чѣмъ *всѣ* функціи собственно государственнаго управленія, а слѣдовательно — и *всѣ государственные* доходы собрались въ рукахъ центральнаго правительства: только будучи собраны во едино, они могли составить одно цѣлое и, какъ одно цѣлое, быть противопоставлены доходамъ дворцовымъ, которые тоже вѣдались центральными учрежденіями. Теперь, когда для сбора доходовъ публичнаго характера потребовались новыя отдѣльныя

---

[1]) Къ нимъ мы причисляемъ и доходы съ „дворовыхъ земель", т. е. взятыхъ въ опричнину.

учрежденія, *всѣ* публичные доходы сосредоточились въ этихъ учрежденіяхъ и были изъяты изъ вѣдѣнія дворцовыхъ приказовъ, почему эти послѣдніе составили особую, замкнутую группу, отличную отъ группы новыхъ финансовыхъ приказовъ съ государственнымъ характеромъ. Прежде многія финансовыя функціи публичнаго характера отправлялись *казначеями*, органами дворцоваго управленія, несомнѣнно частно-хозяйственнаго происхожденія. Такъ, казначеи собирали таможенныя пошлины [1]), недоимки денежныхъ пошлинъ [2]), штрафы за пользованіе фальшивыми мѣрами [3]); они же сдавали на откупъ пятинную и анбарную пошлины [4]). Затѣмъ сборъ доходовъ государственнаго характера,—напр. съ городского населенія,—перешелъ въ новое финансовое учрежденіе публичнаго типа—въ приказъ Большой Казны. Нельзя сказать, чтобы этотъ послѣдній приказъ непосредственно выдѣлился или образовался изъ дворцоваго Казеннаго приказа, съ которымъ его смѣшиваютъ Карамзинъ [5]) и Неволинъ [6]); но Большая Казна несомнѣнно замѣнила старое вѣдомство казначеевъ (стоявшихъ во главѣ Казеннаго приказа) въ нѣкоторыхъ его функціяхъ, а именно—въ сборѣ доходовъ публичнаго характера.

Приказъ Большого Прихода.

Точно опредѣлить время учрежденія Большой Казны, Большого Прихода и Четей по намъ извѣстнымъ источникамъ нѣтъ возможности; можно только сказать, что возникли они подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформы 50-хъ гг. и очень скоро послѣ нея, не позже середины 60-хъ гг. XVI стол. Первое упоминаніе о Большомъ Приходѣ относится къ 1564 г. [7]), но можно думать, что еще въ 1554—56 гг. это учрежденіе, если еще не существовало, то уже складывалось подъ вѣдѣніемъ дьяка Третьяка Митрофанова сына Карачарова, подпись котораго встрѣчается на грамо-

---

[1]) Д. А. И. т. I, № 101,—1556 г. и А. А. Э. I. № 263,—1563 г.

[2]) Д. А. И., I, № 51, XIII—1555 г.

[3]) Д. А. И., I, № 45—1550 г.

[4]) Д. къ А. И. I, № 74—1555 г. см. Сергѣевича, „Юрид. Древн.", т. I, стр. 417.

[5]) Т. IX, пр. 100 и 444.

[6]) Т. VI, стр. 163—164.

[7]) Рукопись Арх. Комм., № 112, стр. 414—415; см. также А. А. Э. I, №№ 262, 263 и 269;—дьяки Меньшой Мезенцевъ и Иванъ Булгаковъ. Прежде первымъ упоминаніемъ Большого Прихода считалось извѣстіе боярской книги 1573 г. (Вивл. 7. XX) Этотъ годъ указываетъ Неволинъ (т. VI, стр. 165) и пр. Владимірскій Будановъ („Обзоръ", 157).

тахъ, отправленныхъ въ этомъ году изъ Москвы Новгородскимъ дьякамъ, при чемъ всѣ эти грамоты, числомъ пять [1]), говорятъ о сборѣ и отдачѣ на откупъ различныхъ торговыхъ пошлинъ: тамги, пятинной, анбарной, вѣсчей, недоборныхъ таможенныхъ пошлинъ; только одна изъ грамотъ (№ 61) говоритъ о непропускѣ торговыхъ людей въ нѣмецкіе города безъ грамоты, подписанной Карачаровымъ. Какъ видимъ, вѣдомство дьяка Карачарова вполнѣ совпадаетъ съ вѣдомствомъ позднѣйшаго Большого Прихода. Однако, г. Лихачевъ [2]) полагаетъ, что Карачаровъ былъ дьякомъ Новгородской Четверти, которая, по его справедливому замѣчанію, въ это время навѣрное уже существовала, хотя упоминается она впервые въ 1558 г. Вѣроятно, это свое предположеніе г. Лихачевъ основываетъ на общепринятомъ прежде мнѣніи, будто вѣдомство Большого Прихода ограничивалось предѣлами стараго Московского княжества, а области, присоединенныя впослѣдствіи, вѣдались въ финансовомъ отношеніи областными четвертями. Однако мы видимъ, что въ концѣ XVI стол. сборы съ однихъ и тѣхъ же городовъ—и не только близкихъ къ Москвѣ, но и отдаленныхъ отъ нея, напр., Вологды—поступаютъ, смотря по своему характеру, одни въ четверти, другіе—въ Большой Приходъ [3]). Впрочемъ, съ другой стороны, принимая во вниманіе обособленное административное положеніе Новгорода и его области, ихъ значительную независимость отъ общихъ государственныхъ установленій, особенно по вопросамъ финансоваго управленія, возможно допустить, что г. Лихачевъ правъ, считая Карачарова дьякомъ только что складывавшейся тогда Новгородской четверти, а не Большого Прихода. Тогда начало этого послѣдняго учрежденія придется отнести къ серединѣ 60-хъ годовъ XVI стол., т. е. приблизительно лѣтъ на десять раньше, чѣмъ это дѣлало большинство нашихъ изслѣдователей. Неоспоримымъ, по нашему мнѣнію, свидѣтельствомъ существованія въ серединѣ 60-хъ гг. особаго центральнаго учрежденія вѣдающаго таможенные (и, вѣроятно, вообще косвенные торговые сборы, являются три документа, относящіеся къ 1563 и 1564 гг. и и регулирующіе торговлю на ярмаркѣ въ селѣ Веси-Егонской, Городецкаго уѣзда, хотя въ этихъ документахъ [4]) самое названіе Большого Прихода ни разу не встрѣчается. Во всѣхъ этихъ гра-

---

[1]) Д. А. И., т. I, №№ 49, 61, 74, 95 и 101.

[2]) „Разр. дьяки", стр. 273.

[3]) См. Чечулина, „Города Моск. Госуд.", стр. 186—187; Милюкова, „Госуд. хозяйство Россіи", стр. 27; пр. Платонова, — „Какъ возникли Четв.? — Ж. М. Н. Пр., 1892 г. кн. V, стр. 164—166.

[4]) А. А. Э., I, №№ 262, 268 и 269.

мотахъ фигурируютъ два дьяка: Меньшой Мелентьевъ и Иванъ Булгаковъ сынъ Коренева; они судятъ прикащиковъ князей Прозоровскихъ за нарушеніе ими торговыхъ привилегій Симонова монастыря, получаютъ поручныя записи съ истцовъ и съ отвѣтчиковъ (№ 262), даютъ на оброкъ монастырю таможенныя пошлины съ Весь-Егонскаго торга (263) и получаютъ съ монастырскихъ прикащиковъ этотъ оброкъ въ Москвѣ (ib), а также «протаможныя деньги» (штрафъ за неуплату тамги—(№ 269), судятъ во второй инстанціи тяжбы между таможниками и торговыми людьми, о доправѣ недоборовъ и другія подобныя дѣла (ib.), принимаютъ на поруки въ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ и въ пенѣ прикащиковъ, цѣловальниковъ и земскихъ судей (ib.) Итакъ, ихъ функціи вполнѣ совпадаютъ съ позднѣйшими функціями Большого Прихода. Изъ этихъ же актовъ мы видимъ, что раньше эти дѣла вѣдали дворцовые казначеи, что дьяки Булгаковъ и Мелентьевъ приняли ихъ отъ казначеевъ Тютина и Сукина, которые еще въ 7066 г. (1559 г.) отдавали на оброкъ тамгу въ Веси-Егонской (№ 263). (Подобно тому, пошлины въ Холопьемъ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, отдавались на откупъ еще въ 1562 г. казначеями Тютинымъ и Фуниковымъ); казначеи же должны были судить таможенныя дѣла въ 1560 г. (№ 262). Итакъ, вѣдомство Большого Прихода, какъ и вѣдомство Большой Казны, замѣнило собою послѣ реформъ 50-хъ гг. вѣдомство старыхъ казначеевъ въ отправленіи финансовыхъ функцій публичнаго характера, такъ какъ разница между частными и публичными доходами Государя послѣ этихъ реформъ стала особенно рѣзкой. Если говорить о выдѣленіи Большого Прихода и Большой Казны изъ старыхъ дворцовыхъ вѣдомствъ, то они скорѣе выдѣлились изъ Казеннаго вѣдомства, чѣмъ изъ Большого Дворца. Но мы полагаемъ, что Большой Приходъ не *выдѣлился* изъ казеннаго вѣдомства, а создался *рядомъ* съ нимъ и независимо отъ него, какъ *новое* учрежденіе, отвѣчающее *новымъ* потребностямъ финансоваго управленія. Этотъ процессъ образованія вѣдомства Большого Прихода и рисуютъ намъ три упомянутыя грамоты. Скоро появляется и самое названіе «Большого Прихода» (въ 1564 г.) [1]).

Приведемъ вкратцѣ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ о началѣ приказа Большого Прихода. Авторъ статьи о Московскихъ приказахъ [2]) отыскалъ указаніе на него въ боярской книгѣ 1573 г. (нынѣ утраченной) и этотъ годъ долгое время считался первымъ, подъ которымъ упоминается данный приказъ. Такъ думаютъ Не-

---

[1]) См. Ж. М. Н. Пр., 1892, кн. V, 166.

[2]) Вивл. Т. XX, стр. 286.

волинъ и пр. Будановъ. Дмитріевъ относитъ [1])—вопреки Неволину—Большой Приходъ къ группѣ приказовъ обще государственныхъ, а не мѣстныхъ, Московскихъ (къ которымъ онъ относитъ, напр., Бронный, Каменный, Житный, Печатный и два земскихъ двора); въ средѣ же приказовъ, центральныхъ для всего Государства, которые онъ опять дѣлитъ на четыре группы, онъ ставитъ Большой Приходъ среди приказовъ, въ которыхъ основаніемъ для распредѣленія дѣлъ служило назначеніе собираемыхъ ими доходовъ (къ этой же группѣ онъ относитъ Большую и Казну Большой Дворецъ). Съ нимъ согласны Градовскій и г. Лаппо-Данилевскій: по схемѣ Градовскаго Большой Приказъ приходится, очевидно, отнести къ приказамъ, возникшимъ во второй періодъ развитія московской централизаціи (періодъ выдѣленія разныхъ отраслей управленія изъ вѣдѣнія мѣстныхъ органовъ въ вѣдѣніе московскихъ приказовъ) и окончательно опредѣлившимся въ третій періодъ—закрѣпленія сословій и нарастанія новыхъ государственныхъ задачъ. [2]) Мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что въ противоположность приказу Большой Казны—Большой Приходъ всегда оставался *чисто финансовымъ* учрежденіемъ и никогда не принималъ *сословнаго* характера. Его вѣдомство и въ XVI, и въ XVII вѣкѣ опредѣлялось не родомъ лицъ, съ которыхъ онъ собиралъ налоги, но родомъ поступленій, свойствомъ самыхъ налоговъ. Нечего и говорить, что онъ никогда не имѣлъ территоріальнаго, мѣстнаго значенія, хотя возможно, что въ него поступали преимущественно сборы съ городовъ, лежавшихъ ближе къ Москвѣ, тогда какъ земли болѣе отдаленныя и позже присоединенныя (Казань, Смоленскъ, Новгородъ) вѣдались еще въ финансовомъ отношеніи мѣстными (или даже центральными, т. е. дѣйствовавшими уже изъ Москвы) учрежденіями территоріальнаго характера (Новгородскій Приказъ, Казанскій Дворецъ), которыхъ однако не слѣдуетъ смѣшивать съ позже возникшими четями, одинакового характера съ Большимъ Приходомъ, съ кругомъ вѣдомства, опредѣляемымъ характеромъ поступленій.

Поэтому, г. Лаппо Данилевскій вполнѣ правъ, ставя [3]) Большой Приходъ въ ряду центральныхъ учрежденій, въ которыхъ «принципомъ распредѣленія поступленій» служили «различія въ характерѣ податей». Но, слѣдуя схемѣ Градовскаго, г. Лаппо-Данилевскій считаетъ систематизацію поступленій третьимъ и послѣднимъ моментомъ московской финансовой политики и пріурочиваетъ ее ко времени Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Самъ

---

[1]) „Исторія Суд. инстанцій"—, 127.

[2]) Градовскій, т. II, стр. 340, изд. 1899.

[3]) Op. cit., стр. 475.

же онъ, однако, замѣчаетъ, что Большой Приходъ «извѣстенъ со второй половины XVI вѣка» [1]); но, насколько намъ извѣстно, Большой Приходъ въ *этомъ* отношеніи (т.-е. въ отношеніи опредѣленія круга вѣдомства) не измѣнялъ въ XVII вѣкѣ своего характера по сравненію съ XVI вѣкомъ. И тогда, и теперь кругъ его вѣдомства опредѣлялся *только* характеромъ собираемыхъ имъ доходовъ; но самый характеръ этотъ—мало-по-малу, хотя весьма постепенно—измѣнялся: въ XVI вѣкѣ въ Большой Приходъ преимущественно поступали *прямые* сборы на *спеціальныя* военныя надобности (пищальныя, кормовыя деньги; оброкъ за различныя натуральныя повинности по оборонѣ страны—за городовое, засѣчное и емчужное дѣло) и близко стоявшія къ нимъ по характеру ямскія и полоняничныя деньги—тоже *прямые* сборы со *спеціальнымъ* назначеніемъ. Въ XVII же вѣкѣ эти сборы (особенно сборы на военныя надобности) отступаютъ на второй планъ передъ *косвенными* сборами съ торговаго и промышленнаго оборота, сборами *безъ* опредѣленнаго назначенія: почти всѣ эти сборы (кромѣ спеціальнаго вида ихъ—кабацкихъ денегъ, собиравшихся въ Новой четверти) идутъ теперь (до 1680 г.) въ Большой Приходъ, составляя главный контингентъ его поступленій. Ямскія деньги и послѣ учрежденія особаго *финансоваго* ямского приказа продолжали идти отчасти въ Большой Приходъ; съ одного и того же города онѣ поступали то въ Большой Приходъ, то въ Ямской приказъ. Полоняничныя деньги въ началѣ XVII стол. [2]) перешли въ Посольскій приказъ [3]).

Г. Лихачевъ, очевидно, относитъ начало Большого Приходъ къ 60-мъ г.г. XVI стол., такъ какъ, не упоминая его въ числѣ учрежденій, посылавшихъ грамоты Новгородскимъ дьякамъ въ 1554—56 г.г. [4]), онъ перечисляетъ въ другомъ мѣстѣ [5]) дьяковъ, сидѣвшихъ, по его мнѣнію, въ Большомъ Приходѣ, а начинаетъ этотъ перечень съ 1564 г. (7073) (съ дьяковъ Мелентьева и Булгакова). Г. Милюковъ настаиваетъ на выдѣленіи Большого Прихода изъ вѣдомства Большого Дворца (о чемъ уже сдѣлалъ догадку г. Лихачевъ) [6]) и полагаетъ, будто это выдѣленіе произошло «къ послѣдней четверти XVI вѣка»; слѣдовательно, онъ придерживается общепринятаго взгляда о началѣ Большого Прихода, относя его къ серединѣ 70-хъ г.г. XVI в. При этомъ онъ утвер-

---

[1]) Op. cit., стр. 475.
[2]) Лаппо-Данилевскій, op. cit., стр. 477.
[3]) Ibid., 478.
[4]) „Разр. дьяки", стр. 246—399.
[5]) Op. cit., 472, прим.
[6]) Op. cit., стр. 473, прим.

ждаетъ, что Большой Приходъ и Дворцовый Четвертной приказъ (который упоминается не раньше 1581 г., тогда какъ *просто* «Четвертной приказъ» встрѣчается уже въ 1569 г.)—одно и то же учрежденіе. Уже пр. Платоновъ [1]) указалъ на кроющееся здѣсь противорѣчіе, тѣмъ болѣе, что самъ же г. Милюковъ [2])—въ другомъ мѣстѣ—говоритъ, что чети складывались, по его мнѣнію, «къ послѣдней *трети* или четверти XVI вѣка». Выходитъ, будто чети выдѣлялись изъ Большого Прихода въ то самое время—или даже раньше, чѣмъ самъ онъ выдѣлился изъ Большого Дворца, и что Большой Приходъ тождественъ съ учрежденіемъ, названіе котораго начинаетъ встрѣчаться въ документахъ, по крайней мѣрѣ, на 15 лѣтъ позже появленія въ нихъ Большого Прихода, и къ тому же встрѣчается на ряду съ названіемъ этого послѣдняго, не только не вытѣсняя его и не смѣшиваясь съ нимъ, но даже явно отъ него отличаясь. Наконецъ, самъ пр. Платоновъ [3]) прямо высказываетъ, что, по его мнѣнію, Большой Приходъ существовалъ уже въ 60-хъ годахъ XVI стол., какъ особое учрежденіе, отдѣльно отъ Четвертного приказа, съ которымъ онъ не имѣлъ никакой генетической связи.

До реформъ 50-хъ г.г. большинство сборовъ публичнаго характера шло въ вѣдомство казначеевъ, органовъ частно-хозяйственнаго происхожденія, но къ серединѣ XVI стол. почти исключительно публичныхъ по предметамъ вѣдѣнія; частные сборы шли въ вѣдомство Большого Дворца и въ другія дворцовыя вѣдомства—«путя» (ловчій, сокольничій, конюшій, стольничій и др.). Но послѣ уничтоженія кормленій, когда явилась необходимость изыскать новые источники доходовъ для содержанія войска, или, по крайней мѣрѣ, реорганизовать старые, увеличивъ ихъ доходность, почувствовалась потребность сконцентрировать всѣ эти старые доходы, получившіе теперь новое назначеніе, въ одномъ центральномъ учрежденіи, не имѣющемъ никакихъ постороннихъ функцій, кромѣ сбора этихъ доходовъ. Такимъ образомъ возникаетъ новое, спеціально финансовое учрежденіе: на ряду со спеціальными податями на военныя нужды, и раньше имѣвшими то же назначеніе [4]), но собиравшимися разными органами и учрежденіями, въ него поступаютъ разнообразные сборы съ торговли и промышленности, не имѣвшіе спеціальнаго назначенія ни прежде, ни теперь, но въ силу преобладанія военныхъ нуждъ государства надъ всѣми про-

---

[1]) Op. cit, стр. 160.

[2]) „Госуд. хозяйство", стр. 299—300.

[3]) Op. cit., стр. 60.

[4]) Какъ показываетъ самое ихъ названіе—пищальныя, емчужныя деньги и т. д.

чими—идущіе преимущественно на удовлетвореніе этихъ же нуждъ. Итакъ, Большой Приходъ, подобно Разряду и Помѣстному приказу, возникъ прежде всего въ силу тѣхъ обстоятельствъ, которыя, по выраженію Хлѣбникова, превращали Московское государство въ «военный лагерь», заставляя его всѣ свои личныя и денежныя силы напрягать на организацію и обезпеченіе содержанія военной силы, способной отразить нападенія сосѣдей. Большой Приходъ служилъ той же цѣли, что и Помѣстный приказъ, что и Чети—содержанію войска и снабженію его всѣмъ необходимымъ. Помѣстный приказъ вѣдалъ земельное обезпеченіе лицъ служилаго класса, Чети—денежное, а Большой Приходъ давалъ средства на содержаніе лицъ низшихъ служилыхъ разрядовъ—пушкарей, затинщиковъ, стрѣльцовъ и т. д., и на снаряженіе артиллеріи, постройку крѣпостей, оборудованіе интендантской части и т. под.

Приказъ Большой Казны.

О времени возникновенія Большой Казны сохранилось мало извѣстій, но надо думать, что это финансовое учрежденіе возникло нѣсколько *позже* Большого Прихода. На это указываетъ—по нашему мнѣнію—сословный характеръ этого приказа, вѣдавшаго торговое сословіе не только въ финансовомъ отношеніи (Большая Казна собирала съ торговыхъ людей *прямые сборы*), но и въ судебномъ. Вопреки мнѣнію Градовскаго и пр. Лаппо-Данилевскаго, мы полагаемъ, что центральныя финансовыя учрежденія съ распредѣленіемъ предметовъ вѣдомства по сословіямъ, какъ и *вообще сословныя* учрежденія, появляются въ Москвѣ позже, чѣмъ финансовые приказы, кругъ вѣдомства которыхъ опредѣлялся характеромъ шедшихъ въ нихъ поступленій и отчасти ихъ назначеніемъ (такой именно характеръ и носили Чети и Большой Приходъ); другими словами, принципъ систематизаціи поступленій (хотя, конечно, весьма примитивной и далеко не строго проведенной въ частностяхъ) предшествовалъ, по нашему мнѣнію, сословному принципу ихъ распредѣленія. Начало приказа Большой Казны мы относимъ къ концу XVI вѣка, ко времени начала развитія сословнаго принципа при первыхъ двухъ преемникахъ Ивана Грознаго, развитія, выразившагося, между прочимъ, въ попыткахъ Бориса Годунова поднять значеніе служилаго класса—дворянъ и дѣтей боярскихъ—какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Первое извѣстіе о приказѣ Большой Казны находится въ извѣстной запискѣ о состояніи Московскаго государства, составленной неизвѣстными авторами для королевича Владислава въ промежу-

токъ между 1610 и 1613 г.г. [1]). Итакъ, несомнѣнно что приказъ этотъ существовалъ во времена Василія Шуйскаго; на это указываетъ и другое извѣстіе, приводимое пр. Лаппо-Данилевскимъ [2]), изъ документовъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, о томъ, что въ концѣ 50-хъ годовъ XVII стол. Счетному приказу было велѣно «описать приказъ Большой Казны за 50 лѣтъ»... Слѣдовательно, приказъ этотъ существовалъ уже въ самомъ началѣ столѣтія и былъ учрежденъ, по всему вѣроятію, въ царствованіе Бориса Годунова или его предшественника. По записнымъ разряднымъ книгамъ [3]) приказъ Большой Казны значится только съ 1628 г. (по 1709). Съ теченіемъ времени приказъ этотъ пріобрѣтаетъ мало-по-малу значеніе центральной государственной казны, куда, по мнѣнію пр. Лаппо-Данилевскаго [4]), другіе приказы передавали ежегодно остававшіяся въ нихъ суммы. Олеарій [5]) называетъ приказъ Большой Казны «великой царской сокровищницей». Къ концу XVII стол.— съ 1680 г., когда въ нее были переданы таможенные и кабацкіе доходы Большого Прихода и Четей [6]) (и нѣкоторые другіе сборы: съ бань, мельницъ, харчевенъ и др.), Большая Казна становится первымъ по значенію и центральнымъ для всѣхъ другихъ учрежденій финансовымъ приказомъ, каковымъ и остается до учрежденія въ 1699 г. «Ратуши» (такъ была названа въ ноябрѣ этого года учрежденная нѣсколько ранѣе Бурмистерская Палата). Но такое значеніе Большой Казны, какъ центральнаго учрежденія, долженствовавшаго внести нѣкоторое единство и систему въ Московское финансовое управленіе, складывалось и подготовлялось постепенно съ середины XVII стол. При основаніи же своемъ она была несомнѣнно финансово-сословнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ доходы съ торговаго класса; она была, пожалуй, первымъ изъ центральныхъ московскихъ учрежденій, въ которомъ сословный характеръ выразился съ извѣстной полнотой и рѣзкостью; вѣдомство ея первоначально ограничивалось исключительно предѣлами городского, посадскаго класса, занимавшагося торговлей и промышленностью [7]). Переходъ въ вѣдѣніе Большой Казны денежнаго (монетнаго) дѣла, чеканки монетъ указываетъ уже на начинающееся превращеніе ея изъ чисто-сословнаго учрежденія съ узкими предѣлами вѣдомства въ центральное учрежденіе для завѣдыванія

---

[1]) Напечатана въ А. Ист., т. II. № 355.
[2]) „Организація" стр. 422.
[3]) Др. Росс. Вивл. т. XX.
[4]) Op. cit., стр. 489.
[5]) Цитировано у пр. Лаппо-Данилевскаго стр. 489.
[6]) П. Собр. Зак., № 1572.
[7]) См. Котошихинъ, гл. VII, ст. 9, стр. 109, изд. 1884 г.

ходомъ всего финансоваго управленія Московскаго государства. Старые изслѣдователи приписывали приказу Большой Казны болѣе раннее происхожденіе, чѣмъ это дѣлаемъ мы; причиной этого намъ кажется то обстоятельство, что они смѣшивали (или, по крайней мѣрѣ, не достаточно ясно различали) Большую Казну съ дворцовымъ Казеннымъ приказомъ, развившимся изъ стараго вѣдомства казначеевъ великаго князя. Именно, Неволинъ [1]) полагаетъ, что приказъ Большой Казны существовалъ во время царствованія Ивана IV, при чемъ ссылается на Карамзина [2]), который говоритъ однако не о Большой Казнѣ, а о Казенномъ Приказѣ; Неволинъ думаетъ, что это одно и то же. По той-же причинѣ, очевидно, начало приказа Большой Казны онъ относитъ еще ко времени Ивана III, въ концѣ правленія котораго, дѣйствительно, встрѣчаются указанія на существованіе центральнаго учрежденія, ставшаго во главѣ *дворцоваго* казеннаго вѣдомства (позднѣйшаго Казеннаго приказа).

Правда, нельзя отрицать извѣстной преемственной связи стараго вѣдомства казначеевъ, до середины XVI вѣка вѣдавшихъ— на ряду съ дворцовыми доходами—и большинство государственныхъ, съ позднѣйшимъ вѣдомствомъ Большой Казны; можно даже, пожалуй, говорить о прямомъ *выдѣленіи* второго вѣдомства изъ перваго (хотя это вопросъ еще спорный и, по нашему мнѣнію, его придется рѣшить скорѣй въ отрицательномъ смыслѣ); но ни въ какомъ случаѣ нельзя допускать смѣшенія двухъ совершенно различныхъ учрежденій, болѣе вѣка существовавшихъ рядомъ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ. Одно изъ нихъ (Казенный приказъ) въ XVI в. было преимущественно, а въ XVII исключительно дворцовымъ учрежденіемъ съ частно-хозяйственнымъ характеромъ функцій; другое—всегда отличалось чисто публичнымъ характеромъ (Большая Казна). Г. Лихачевъ [3]) полагаетъ, что приказъ Большой Казны существовалъ уже въ 50-хъ г.г. XVI стол. Онъ считаетъ дьяками этого учрежденія дьяковъ Юрія Сидорова и Петра Данилова, подписавшихъ нѣкоторыя грамоты изъ отправленныхъ въ Новгородъ въ 1554—56 г.г. Однако большинство этихъ грамотъ, по содержанію не касаются предметовъ вѣдомства позднѣйшей Большой Казны: дьякомъ Сидоровымъ подписаны за этотъ промежутокъ времени восемь грамотъ [4]): изъ нихъ пять [5]) касаются

[1]) П. Собр. Соч., т. VI.

[2]) Т. IX, 100, 444.

[3]) „Разр. дьяки", стр. 269—270.

[4]) Пять изъ нихъ напечатаны въ Доп. къ А. Ист., т. I, №№ 88, 90, 91, 97, 98 и 112. Одна не издана; содержаніе ея напечатано у г. Лихачева, op. cit., стр. 270, пр. 1; другая также не издана: (№№ 90 и 131 по рукописи, доставленной въ Археографическую Комиссію въ 1840 г. изъ Новгородскаго Губернскаго Правленія.....

[5]) Всѣ пять напечатаны въ Д. къ А. И., т. I.

военной администраціи [1]); одна (№ 90—неизданная) касается суднаго дѣла о перепашкѣ земли,—и только *двѣ* по содержанію могутъ считаться относящимися къ вѣдомству Большой Казны: № 98 говоритъ о постройкѣ вѣсовъ въ городѣ Невлѣ, а № 131 (ея содержаніе напечатано у г. Лихачева) содержитъ приказаніе новгородскимъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому прислать въ Москву отчетъ о пріемѣ ими «писчихъ денегъ» отъ старорусскихъ сборщиковъ Манасѣина и Тверитинова. Петръ Даниловъ подписалъ двѣ грамоты, одна изъ которыхъ [2]) говоритъ о жалованьи Невельскимъ пищальникамъ, а другая [3]) объ отставкѣ Новгородскаго старосты Борзунова и приказываетъ ему явиться для (отчета) сдачи должности московскимъ *казначеямъ* Сукину и Тютину. Наконецъ, одна грамота [4]), подписанная обоими дьяками вмѣстѣ, говоритъ о присылкѣ въ Москву мастеровъ серебрянаго дѣла; этихъ мастеровъ, дѣйствительно, впослѣдствіи вѣдала Большая Казна. Итакъ, мы видимъ, что изъ одинадцати грамотъ, подписанныхъ обоими дьяками,—Сидоровымъ и Даниловымъ, только четыре [5]) могутъ считаться указывающими на принадлежность этихъ двухъ дьяковъ къ вѣдомству Большой Казны. Но доказательствомъ, хотя бы и косвеннымъ, существованія въ это время—въ 50-хъ г.г. XVI вѣка—центральнаго учрежденія, впослѣдствіи называющагося приказомъ Большой Казны, эти четыре грамоты служить не могутъ. Предметы, вошедшіе потомъ въ вѣдомство Большой Казны, конечно, существовали и въ то время и поручались кому нибудь изъ дьяковъ, но это еще не указываетъ на выдѣленіе уже тогда особаго вѣдомства Большой Казны. Очень возможно, что нѣкоторыя отрасли сословно-финансоваго управленія (и, пожалуй, самыя важныя), вѣдавшіяся впослѣдствіи въ Большой Казнѣ, въ 50-хъ г.г. XVI в. находились еще въ вѣдѣніи дворцовыхъ казначеевъ [6]), которые служили въ это время второй инстанціей по многимъ гражданскимъ искамъ [7]).

---

[1]) № 83 говоритъ о присылкѣ въ Москву пищальныхъ денегъ и объ описи жилыхъ и пустыхъ дворовъ; № 90—о приводѣ къ крестному цѣлованію Невельскихъ пищальниковъ; № 91—о наборѣ пищальниковъ на службу въ Ивангородѣ; № 112—о закупкѣ мѣди для литья пищалей и пушекъ; № 97—о новокрещенныхъ татарахъ, розданныхъ для кормленія по Новгородскимъ монастырямъ.

[2]) Д. А. И., т. I, № 90, III.

[3]) ib., № 86.

[4]) № 130 по рукописи. Содержаніе ея тоже напечатано у г. Лихачева, стр. 269.

[5]) №№ 86 и 98, Д. къ А. И., т. №№ 130, 131 рукописи.

[6]) На это указываетъ напр. Д. А. И., т. I, № 86; см. стр. 74—о новгородскомъ старостѣ Борзуновѣ.

[7]) См. указную книгу вѣдомства казначеевъ, статьи III, V, VI, VII, IX, XXI.—Хрестоматія пр. Владимірскаго - Буданова, вып. III, стр. 1—37.

Указаніемъ на существованіе приказа Большой Казны можно скорѣй считать другое извѣстіе, приводимое г. Лихачевымъ [1]), но относящееся къ гораздо болѣе позднему времени,—ко времени Московскаго осаднаго сидѣнья 1610—13 г.г.,—извѣстіе мѣстническаго сборника кн. Ромодановскихъ; здѣсь говорится [2]) «...да он же, государь, сказываетъ, будто язъ с ним был в ту пору на Москвѣ у *казны*, как Олександро Гасевской да Ѳедор Ондронов были в осаде на Москве»... Но неясно, о какой *казнѣ* здѣсь говорится? Можетъ, о дворцовомъ Казенномъ приказѣ?

Пр. Градовскій, перечисляя [3]) приказы, существовавшіе при вступленіи на царство Михаила Ѳеодоровича, не говоритъ о Большой Казнѣ, но упоминаетъ о Казенномъ Дворѣ. И дѣйствительно, Большая Казна, какъ учрежденіе финансово-сословное, должна была возникнуть весьма незадолго до начала смутнаго времени, почему указаній на нее (прямыхъ) до 1610—13 г.г. мы и не встрѣчаемъ. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что ея вѣдомство и въ позднѣйшее время *отчасти* совпадало съ вѣдомствомъ дворцоваго Казеннаго Приказа, который также вѣдалъ—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—торговыхъ и вообще посадскихъ людей.

Вопросъ о происхожденіи четей.

Перейдемъ теперь къ породившему много споровъ и привлекшему къ себѣ особенное вниманіе нашихъ историковъ вопросу о четяхъ. Много повліяло на отношеніе нашихъ ученыхъ къ этому вопросу—въ смыслѣ признанія четей территоріальными учрежденіями—извѣстное сообщеніе Флетчера о московскихъ приказахъ, относящееся къ 1585 году.

Начиная съ Карамзина и до выхода въ свѣтъ трудовъ пр. Платонова [4]) и гг. Милюкова [5]) и Середонина [6]), наши историки и юристы считали чети территоріальными учрежденіями, центральными органами областнаго управленія, хотя, впрочемъ, многіе изслѣдователи признавали преобладающій финансовый характеръ четей.

---

[1]) „Разр. дьяки", стр. 42, прим. 1.

[2]) Рукопись Акад. Наукъ, № 42, л. 89.

[3]) Собр. сочин., т. II, стр, 352—358.

[4]) „Какъ возникли чети?"—Ж. М. Н. Пр., 1892, V.

[5]) „Госуд. хоз. Россіи и реформа Петра Вел." 1892 г. напечатано сначала въ Ж. М. Н. Пр., 1890—1891 г.

[6]) „Соч. Флетчера „Of the Russe commonvealth", какъ истор. источникъ" 1892.

Еще Карамзинъ полагалъ, будто Иванъ III раздѣлилъ Русь въ административномъ отношеніи на трети [1]) (Владимірскую, Рязанскую и Новгородскую), при чемъ въ составъ этихъ третей не вошли старыя области собственно Московскаго княжества; изъ этихъ третей, по мнѣнію Карамзина, образовались со временемъ чети. Однако уже Соловьевъ [2]) усомнился въ справедливости извѣстія о раздѣленіи Руси на трети Иваномъ III, такъ какъ Рязань была присоединена къ Московскому великому княженію только при Василіи III.

Взглядъ Карамзина вполнѣ раздѣляетъ Неволинъ [3]), который добавляетъ, что по мѣрѣ присоединенія удѣловъ къ Москвѣ, центральные органы ихъ управленія просто переносились въ Москву а мѣстные оставались на мѣстѣ; изъ этихъ-то «удѣльныхъ правительствъ», перенесенныхъ въ Москву, и произошли «трети» Ивана III, преобразованныя въ четверти при Иванѣ IV. Взглядъ Неволина раздѣляютъ Троцина [4]) и Кавелинъ [5]); первый называетъ чети областными приказами, произошедшими изъ удѣльныхъ правительствъ; Кавелинъ относитъ чети въ одну категорію съ собственно такъ-называемыми «территоріальными» приказами и говоритъ, что онѣ учреждались, вѣроятно, по мѣрѣ присоединенія этихъ областей и царствъ къ Россіи [6]). Перечисливъ областные приказы, къ которымъ онъ относитъ и чети, онъ замѣчаетъ, что они находились «подъ вѣдомствомъ государственнаго посольскаго приказа». Трудно понять, относится ли это замѣчаніе ко *всѣмъ* перечисленнымъ приказамъ, или только къ приказамъ Литовскому, Лифляндскому, Малороссійскому и Смоленскому, упомянутымъ послѣдними, — и по отношенію къ коимъ оно является совершенно справедливымъ.

Областная гипотеза происхожденія четей нашла себѣ много сторонниковъ въ нашей литературѣ; особенно подробно была она развита Лохвицкимъ и Градовскимъ, внесшими въ нее, однако, весьма существенную поправку: чети, по ихъ мнѣнію, являются

---

[1]) Не являются ли эти загадочныя „трети“ начала XVI в. остаткомъ старыхъ порядковъ, когда городъ Москва дѣлился между сыновьями вел. князя на участки для сбора доходовъ; участки эти—по числу сонаслѣдниковъ—назывались „третями“ или „четвертями“. Князья держали въ нихъ своихъ намѣстниковъ. (См. извѣстіе разрядныхъ книгъ, подъ 7024 г., приведенное у г. Лихачева „Разр. дьяки“, стр. 51).

[2]) Исторія Россіи, томъ V, I, гл. V, стр. 1520 sqq.

[3]) Т. VI, стр. 182—183.

[4]) Исторія судебныхъ учрежденій.

[5]) „Основныя начала русскаго судоустройства“, Собр. Соч., Т. I, стр. 69—70. 1859 г.

[6]) Ib., стр. 70.

уже не «правительствами удѣльныхъ княжествъ», цѣликомъ перенесенными въ Москву, а *искусственно* возникшими центральными органами для управленія *множествомъ разнородныхъ* административныхъ единицъ, на которыя московскіе князья разбили въ цѣляхъ политическихъ и фискальныхъ всю присоединенную къ Москвѣ территорію, какъ удѣльныя княжества, такъ и Новгородскія земли, и татарскія владѣнія. При этомъ Лохвицкій особенно напираетъ [1]) на *фискальныя* соображенія, которыми руководилось въ данномъ случаѣ московское правительство: «разсматривая землю и народъ, какъ податную единицу», говоритъ онъ, «московскіе князья естественно стремились поставлять какъ можно меньше посредствующихъ ступеней управленія между собой и народомъ, потому что каждая предшествующая ступень брала себѣ часть доходовъ»; въ этихъ словахъ уже ясно указывается на преимущественно *финансовый* характеръ четей, но мысль эта, къ сожалѣнію, не была развита Лохвицкимъ подробнѣе.

Градовскій обращаетъ больше вниманія на политическіе мотивы учрежденія четей, на усилія московскаго правительства подавить—путемъ уничтоженія областныхъ центровъ—сепаратистскія стремленія во вновь присоединенныхъ къ Москвѣ земляхъ [2]).

Лохвицкій [3]) считаетъ трети и четверти, учрежденныя еще Иваномъ III, «*территоріальными министерствами*», вѣдавшими массу городовъ и волостей, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, не имѣвшихъ между собою никакихъ административныхъ связей, благодаря разъединяющей московской политикѣ; такимъ же территоріальнымъ приказомъ, одинаковаго съ четями типа, Лохвицкій считаетъ и Сибирскій приказъ.

Градовскій согласенъ съ этимъ мнѣніемъ Лохвицкаго: онъ указываетъ на отсутствіе у четей сплошной территоріи, опредѣленныхъ естественныхъ или историческихъ границъ; распредѣленіе городовъ и волостей между четями было чисто искусственнымъ и объясняется только намѣреннымъ стремленіемъ московскаго правительства къ раздробленію и дезорганизаціи провинціи, къ ослабленію связей между ея отдѣльными частями. Предметы вѣдомства областныхъ приказовъ были весьма разнообразны, но преимущественно они имѣли *финансовое* значеніе; однако, самъ Градовскій замѣчаетъ, что это слишкомъ широкое опредѣленіе, такъ какъ «подъ терминъ финансоваго управленія можно подвести

---

[1]) „Губернія", стр. 25, sqq. 1864 г.
[2]) Собр. соч., Т. II, стр. 327, 1899 г.
[3]) „Губернія", стр. 31.

всѣ отрасли тогдашней московской администраціи»[1]). Перечисляя функціи четей, Градовскій на ряду съ чисто финансовыми ставитъ и устраненіе безпорядковъ въ мѣстномъ управленіи и право суда во ввѣренныхъ имъ областяхъ. Но были ли это ихъ первоначальныя функціи, ради которыхъ онѣ и возникли, — или позднѣйшія, съ теченіемъ времени привзошедшія въ сферу ихъ вѣдомства, — онъ не говоритъ. Вообще же Градовскій, подобно Неволину и Лохвицкому, смѣшиваетъ еще великорусскія чети (хотя и называетъ ихъ «собственно такъ-называемыми областными приказами» — стр. 395) съ чисто территоріальными приказами, возникшими вслѣдствіе внѣшнихъ завоеваній на окраинахъ московскаго государства; однако онъ замѣчаетъ, что послѣдніе поглотили цѣлыя области», сохранили—хотя бы приблизительно—географическое или историческое очертаніе старыхъ земель, тогда какъ «прочія четверти» не напоминали никакихъ историческихъ дѣленій. Градовскій полемизируетъ[2]) съ Неволинымъ, замѣтившимъ, что однѣ русскія области имѣли центральное управленіе исключительно въ Москвѣ, въ ея приказахъ; «другія, сверхъ того, еще на мѣстѣ—общее или центральное управленіе; во владѣніяхъ перваго рода города не находились ни въ какой зависимости другъ отъ друга, были всѣ непосредственно подчинены московскимъ приказамъ. Во владѣніяхъ второго рода города, составляющіе вмѣстѣ съ ихъ уѣздами одну цѣльную часть, зависѣли отъ начальника главнаго города и посредствомъ этого только начальника относились къ московскимъ приказамъ»[3]). Ко владѣніямъ второго рода Неволинъ относитъ Новгородъ и Псковъ, Смоленскъ, Казань, Астрахань и Сибирь, значитъ подъ владѣніями перваго рода остается подразумѣвать чети (если исключить московскій уѣздъ).

(Продолженіе въ слѣд. выпускѣ).

---

[1]) Т. II, стр. 326.
[2]) Стр. 321.
[3]) Т. VI, стр. 183.

250 lbm

15.1

З. 37.
Ш. 2.
П. 4.
№ 28 /2

Н. С. Дершеръ.

О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ ОБРАЗОВАНІЯ МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗОВЪ.

Выпускъ II.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1903.

И. И. Вернеръ.

О ВРЕМЕНИ И ПРИЧИНАХЪ ОБРАЗОВАНІЯ МОСКОВСКИХЪ ПРИКАЗОВЪ.

Выпускъ II.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе 3

I. Общія причины возникновенія системы приказовъ 9
II. Мнѣнія ученыхъ о времени возникновенія системы московскихъ приказовъ ... 15
III. Время происхожденія дворцовыхъ приказовъ 22

1. Приказъ Большого Дворца 26
2. Областные Дворцы 30
3. Ямской приказъ 35
4. Казенный приказъ 37
5. Связь казеннаго вѣдомства съ вѣдомствомъ дипломатическимъ 41
6 Конюшенный приказъ 43
7. Постельный приказъ 44
8. Ловчій и Сокольничій приказы 45
9. Житенный приказъ ..... —
10. Дворы: Кормовой, Хлѣбенный, Житенный и Сытенный 46
11. Дворцовые приказы, возникшіе въ XVII столѣтіи 47

IV. Приказы по государственному управленію 51
Общій взглядъ на ихъ возникновеніе ..... —

А. Приказы военные.

1. Разрядъ 55
2. Областные разряды 66
3. Помѣстный приказъ 68
4. Приказы по военному управленію 73
5. Военно-сословные приказы 76
6. Интендантскіе приказы 78

В. Приказы дипломатическіе 79

1. Посольскій приказъ ..... —
2. Полоняничный приказъ 89
3. Печатный приказъ ..... —

С. Приказы по внутреннему управленію 91

Общій взглядъ на ихъ возникновеніе ..... —

I. Приказы финансовые 93

1. Приказъ Большого Прихода 99
2. Приказъ Большой Казны 105
3. Вопросъ о происхожденіи четей 109
4. Хронологическія данныя о четяхъ XVI столѣтія 130
5. Новая Четь 144
6. Приказы Счетныхъ дѣлъ и Домочный 145

Стр.
7. Военно-финансовые приказы 145
8. Денежный Дворъ 146
II. Приказы судебные. Общія причины ихъ возникновенія ..... —
1. Разбойный приказъ 149
2. Приказъ Холопьяго суда 164
3. Земскіе дворы 168
4. Судные областные приказы 172
5. Челобитенный приказъ 175
6. Приказъ Тайныхъ дѣлъ 176
7. Судебно-сословные приказы XVII в. 178
8. Расправная Палата 181
III. Приказы территоріальные 182
A. Территоріальные приказы по западной окраинѣ 184
B. Территоріальные приказы по восточной окраинѣ 190
Общіе выводы 196

Самое раздѣленіе всѣхъ московскихъ областей въ порядкѣ мѣстнаго управленія на *два типа*, сдѣланное Неволинымъ, вполнѣ правильно. Но, говоря объ отношеніи центральныхъ учрежденій къ мѣстнымъ въ различныхъ московскихъ областяхъ, Неволинъ не обратилъ вниманія на взаимныя отношенія центральныхъ учрежденій въ управленіи областями того и другого типа. Напротивъ, говоря въ другомъ мѣстѣ объ отношеніяхъ между приказами «общими» [1]) и «особенными» (территоріальными), онъ не проводитъ рѣзкаго различія между четями и окраинными территоріальными приказами, хотя и замѣчаетъ, что области «отдаленныя, непохожія по своимъ условіямъ на центръ государства», управлялись *всегда однимъ* центральнымъ учрежденіемъ во *всѣхъ* отношеніяхъ, тогда какъ въ другихъ областяхъ нѣкоторые предметы управленія съ *теченіемъ времени* стали переходить изъ вѣдомства «особенныхъ» приказовъ въ вѣдомство «общихъ». — «Общіе» же приказы, по мнѣнію Неволина, кажется, дѣйствовали сначала *только* въ предѣлахъ стараго московскаго княженія. Такимъ образомъ, Неволинъ по вопросу о судьбѣ четей, о ихъ первоначальномъ и позднѣйшемъ значеніи высказываетъ взглядъ, совершенно обратный взглядамъ позднѣйшихъ изслѣдователей: по ихъ мнѣнію, чети при своемъ возникновеніи были исключительно *финансовыми* учрежденіями, а потомъ только пріобрѣли характеръ *областныхъ* приказовъ; по мнѣнію Неволина, напротивъ — изъ вѣдомства четей, управлявшихъ сначала областями во *всѣхъ* отношеніяхъ, стали со временемъ выдѣляться нѣкоторыя отрасли въ вѣдѣніе приказовъ по общему управленію, а чети получили преимущественно *финансовое* значеніе. Во всякомъ случаѣ, за Неволинымъ остается заслуга указанія двухъ типовъ областного управленія въ московскомъ государствѣ XVI—XVII в.в., хотя имъ не разграничены съ достаточной ясностью два типа «областныхъ приказовъ» (если по старому причислять къ нимъ чети); онъ не указалъ, что въ областяхъ перваго типа мѣстныя учрежденія *непосредственно* сносились по различнымъ дѣламъ съ *различными* центральными учрежденіями (это и были области четей, подчиненныя четямъ только въ финансовомъ отношеніи, а во всѣхъ другихъ вѣдавшіяся различными приказами), владѣнія же второго типа вѣдались по самымъ различнымъ дѣламъ *однимъ и тѣмъ же* учрежденіемъ, — соотвѣтствующимъ территоріальнымъ приказамъ, — и только черезъ его посредство сносились съ общими московскими приказами.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ изслѣдователей (напр. Лох-

[1]) Соч., Т. II, стр. 181.

вицкій) совсѣмъ упустили изъ виду различіе, указанное Неволинымъ, а Градовскій даже прямо отрицаетъ его, совершенно правильно, впрочемъ, утверждая, что воеводы «великихъ городовъ» — Новгорода, Казани—имѣли немногимъ больше власти, чѣмъ воеводы значительныхъ великорусскихъ городовъ; количество подчиненныхъ имъ пригородовъ было очень невелико, а вся дѣйствительная власть управленія сосредоточивалась въ московскомъ приказѣ; все это совершенно вѣрно, но самый фактъ существованія въ XVI—XVII в.в. двухъ типовъ областей, съ различнымъ отношеніемъ къ центральнымъ московскимъ учрежденіямъ, остается неоспоримымъ. Дѣло въ томъ только, что Неволинъ искалъ различія между областями того и другого типа въ порядкѣ сношеній мѣстныхъ органовъ власти съ центральными учрежденіями,—сношеній непосредственныхъ или черезъ посредство другихъ, тоже мѣстныхъ органовъ,—и Градовскій справедливо доказалъ, что *на этой почвѣ* большого различія не было; но различія слѣдовало искать въ порядкѣ сношеній данной мѣстности съ *различными* центральными учрежденіями. Итакъ, различіе между областями того и другого административнаго типа надо было основывать на существованіи или отсутствіи промежуточной административной инстанціи *не на мѣстѣ*, въ лицѣ какого-нибудь *мѣстнаго* органа областного управленія, *но въ Москвѣ*, въ лицѣ того или другого *центральнаго* учрежденія.

Собственно въ вопросѣ о времени появленія четей и процессѣ ихъ образованія Градовскій почти цѣликомъ повторяетъ мнѣнія Неволина: онъ говоритъ о «третяхъ» Ивана III, о вліяніи на происхожденіе и характеръ четей завоеваній московскаго государства; «четверть», говоритъ онъ [1]), «завѣдывала въ своихъ городахъ тѣмъ, чѣмъ завѣдывалъ князь въ своемъ княжествѣ въ качествѣ администратора», — слѣдовательно, она замѣнила удѣльное правительство. Усматривая три фазиса въ развитіи московской централизаціи, Градовскій считаетъ чети—областные приказы—соотвѣтствующими первому изъ нихъ, когда «московское государство сосредоточило въ Москвѣ власть высшаго управленія въ томъ видѣ, какъ она принадлежала удѣльнымъ князьямъ» [2]). «Въ этотъ періодъ Москва только замѣнила своими приказами прежнее удѣльное управленіе», при чемъ земская община и *система кормленій* остались *нетронутыми* (эта послѣдняя мысль прямо противорѣчитъ позднѣйшему взгляду на процессъ и причины образованія четей). Градовскій, какъ и Лохвицкій, уже указываютъ на *преимуществен-*

---

[1]) op. cit., стр. 333.
[2]) op. cit., стр. 340.

но финансовый характеръ функцій четей, такъ что ихъ взглядъ на значеніе четей въ ряду Московскихъ приказовъ является уже, строго говоря, переходомъ отъ стараго взгляда на чети, какъ на обыкновенныя территоріальныя учрежденія, къ новому взгляду на нихъ, какъ на учрежденія чисто финансовыя, центральныя кассы для сбора поступленій (и то не всѣхъ, а только извѣстнаго рода) съ извѣстной территоріи. Самъ Градовскій, примыкая еще вполнѣ къ старому взгляду въ вопросѣ о самомъ процессѣ происхожденія четей и о его причинахъ (непосредственныхъ), много способствовалъ разрушенію этого взгляда своимъ весьма важнымъ указаніемъ на то, что чети не имѣли сплошной территоріи, границы которой опредѣлялись бы какими-нибудь естественными или историческими причинами, а состояли изъ раздробленныхъ территоріальныхъ единицъ, искусственно собранныхъ подъ управленіемъ одного центральнаго учрежденія. Придуманное имъ самимъ объясненіе этого факта—стремленіе Москвы подавить сепаратизмъ во вновь присоединенныхъ земляхъ—было слишкомъ искуственно, чтобы долго продержаться въ литературѣ. Такимъ образомъ Градовскій, самъ того не желая, разрушилъ господствовавшее мнѣніе объ областномъ характерѣ четей, такъ какъ доказалъ, что *областей*, вѣдавшихся четями,—въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь понимаемъ слово «область» (какъ нѣчто цѣлое)—вовсе небыло, а былъ искусственный агломератъ территорій, объединенныхъ *только* тѣмъ обстоятельствомъ, что *нѣкоторыя* (далеко не всѣ) поступленія шли изъ нихъ въ одну и ту же центральную кассу.

Дмитріевъ [1]), подобно Градовскому, смѣшиваетъ чети съ приказами Новгородскимъ, Казанскимъ, Сибирскимъ и другими въ одну группу «областныхъ приказовъ», которую считаетъ самою *древнею* по времени происхожденія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на финансовый характеръ четей Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «всѣхъ раньше возникаютъ, кажется, финансовые приказы»; приведя въ связь это его мнѣніе съ только что приведеннымъ о возникновеніи областныхъ приказовъ, приходится вывести, что первыми по времени появленія были финансовые приказы съ областной компетенціей. Какъ мы знаемъ, изъ *финансовыхъ* приказовъ (но не всѣхъ вообще приказовъ) чети, дѣйствительно, являются древнѣйшими; онѣ гораздо старше Большой Казны и Новой Чети, и, какъ кажется, на нѣсколько лѣтъ старше Большого Прихода. Однако, разница между ними и позднѣйшими финансовыми учрежденіями не особенно велика: онѣ тоже собирали не всѣ вообще доходы съ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей, а только доходы

[1]) „Исторія Суд. Инст.", стр. 127, 129.

опредѣленнаго свойства, такъ и называвшіеся «четвертными»; Дмитріевъ уже указываетъ на выдѣленіе особыхъ «четвертныхъ» доходовъ, къ которымъ относитъ промысловые, соляные, кабацкіе и таможенные сборы (что не совсѣмъ точно по отношенію къ XVI в., какъ доказали позднѣйшія изслѣдованія).

Главное отличіе «областныхъ четей» отъ другихъ финансовыхъ приказовъ заключалось въ болѣе *точномъ* опредѣленіи территоріи, на которую простиралось ихъ вѣдомство; но нельзя сказать, чтобы различіе состояло въ томъ, что Большой Приходъ—Большая Казна, Новая Четь, дѣйствовали на пространствѣ всего государства, а «областныя» чети только въ предѣлахъ своей области. На самомъ дѣлѣ и такъ называемые «общіе» финансовые приказы дѣйствовали далеко не на протяженіи всего государства, почему составилось даже мнѣніе (не совсѣмъ точное) будто Большая Казна и Большой приходъ дѣйствовали только въ предѣлахъ стараго московскаго княженія.—Нельзя отрицать, что весьма часто различные сборы съ одной мѣстности шли и въ какую нибудь четь, и въ Большой Приходъ или Большую Казну, т. е., другими словами, что подчиненіе данной мѣстности вѣдомству чети вовсе не исключало подчиненія ея дѣйствію «общихъ» финансовыхъ приказовъ. Но были, безъ сомнѣнія, мѣстности, вовсе изъятыя изъ ихъ вѣдѣнія, къ каковымъ, прежде всего, надо отнести области территоріальныхъ окраинныхъ приказовъ, а затѣмъ многія дворцовыя земли и города, спеціально приписанные сборами къ какому нибудь приказу для его содержанія. Вообще же надо сказать, что географическія границы вѣдомства четей были опредѣлены гораздо точнѣе, чѣмъ границы вѣдомства Большого Прихода или Большой Казны, отличались гораздо большей устойчивостью.

Пр. Владимірскій-Будановъ считаетъ «трети», изъ которыхъ развились чети [1]) (извѣстныя со временъ Ивана IV), органами центрально-областного управленія, мѣстными по раіону, центральными по власти, съ преимущественно финансовымъ характеромъ. Онъ противополагаетъ ихъ Большой Казнѣ и Большому приходу, какъ учрежденіямъ, вѣдавшимъ финансы только стараго московскаго княженія. Далѣе, онъ указываетъ еще на новый существенный признакъ четей, какъ административныхъ учрежденій,—именно на то, что онѣ имѣли дѣло почти исключительно съ *тяглымъ*, податнымъ населеніемъ, по отношенію къ которому отправляли и судебныя функціи (преимущественно по гражданскимъ дѣламъ). Такимъ образомъ, пр. Будановъ, указавъ на *сословный* характеръ

[1]) „Обзоръ", стр. 179.

четей, сталъ въ противорѣчіе съ Градовскимъ, по мнѣнію котораго *именно* съ образованіемъ сословій, бывшимъ одной изъ причинъ разъединенія областей, областные приказы стали терять свое самостоятельное значеніе. Градовскій [1]) считалъ чети выразительницами именно областного, *территоріальнаго* начала въ нашей администраціи, а пр. Будановъ выдвигаетъ ихъ *сословное* значеніе, въ связи съ финансовымъ, на которое указывалъ и Градовскій.

Пр. Ключевскій и г. Лихачевъ въ вопросѣ о четяхъ находятся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ неправильно разобраннаго извѣстія Флетчера, причемъ пр. Ключевскій, продолжая считать чети территоріальными [2]) учрежденіями, вноситъ новое пониманіе самаго слова «четь», четверть. Онъ полагаетъ, что дѣло идетъ о раздѣленіи на четыре части не территоріи московскаго государства, а канцеляріи боярской думы: это объясненіе принимаетъ и г. Лихачевъ. Въ связи съ такимъ пониманіемъ слова «четь» [3]) естественно должно было явиться и другое объясненіе происхожденія четей,—оно стало пріурочиваться уже не къ перенесенію въ Москву органовъ удѣльнаго управленія, а къ дифференціаціи главнаго и единственнаго органа центральнаго управленія въ самой Москвѣ—боярской думы. Самое названіе «четей» въ концѣ XVI в. пр. Ключевскій считаетъ особымъ обозначеніемъ четырехъ главныхъ приказовъ, во главѣ которыхъ стояли думные дьяки, докладчики думы (Разрядъ, Посольскій, Помѣстный и Казанскій Дворецъ); приказы эти, по его мнѣнію, не составляли въ то время отдѣльныхъ центральныхъ учрежденій (почему и управлялись дьяками), а продолжали входить въ составъ думы, составляя съ нею одно органически неразрывное цѣлое.

Пр. Лаппо-Данилевскій въ данномъ вопросѣ находится подъ вліяніемъ Градовскаго (его теоріи о трехъ періодахъ развитія московской централизаціи). Чети, по мнѣнію Лаппо-Данилевскаго, произошли вслѣдствіе «*механическаго*», а не органическаго роста московскаго государства; такъ какъ «малоокрѣпшее государство» не могло сразу опредѣлить своихъ отношеній ко вновь присоединенной области, оно учреждало для управленія ею новое центральное учрежденіе чисто территоріальнаго характера, но съ съ развитіемъ сословнаго раздѣленія этотъ характеръ четей сталъ сглаживаться, замѣнясь сословнымъ; четь стала вѣдать податное, тяглое сословіе, такъ какъ служилое было всецѣло изъято въ вѣдѣніе Разряда. Однако четь никогда не теряла окончательно тер-

---

[1]) Т. II, стр. 333.
[2]) „Б. Дума", стр. 406.
[3]) „Разр. дьяки", стр. 75.

риторіальнаго характера и, являясь по преимуществу финансовымъ учрежденіемъ, соотвѣтствовала, вообще говоря, «территоріально — сословному принципу распредѣленія поступленій»; но возникла она, во всякомъ случаѣ, подъ вліяніемъ территоріальнаго принципа, а принципъ сословный, привзошедшій въ нее позже, уже измѣнилъ ея значеніе и привелъ мало-помалу къ ея разложенію [1]).

Общимъ во взглядахъ всѣхъ упомянутыхъ ученыхъ на происхожденіе четей является то обстоятельство, что всѣ они связываютъ его съ присоединеніемъ удѣловъ къ Москвѣ и уже по одному этому относятъ его ко времени весьма раннему. Старѣйшіе изъ представителей этого взгляда говорятъ даже о «третяхъ», «*учрежденныхъ*», будто бы, еще Иваномъ III, какъ объ учрежденіяхъ, изъ которыхъ ко времени Ивана IV—возникли чети. Хотя большинство упомянутыхъ изслѣдователей и отмѣчаютъ по преимуществу *финансовый* характеръ функцій четей, однако никто изъ нихъ не ставитъ происхожденіе четей въ связь съ реформами Грознаго по внутреннему управленію, а самый яркій представитель этого взгляда—Градовскій—даже прямо утверждаетъ, что въ *первый* періодъ развитія Московской централизаціи, которому (по его словамъ) и соотвѣтствовали чети, «земская община и система кормленій»,—основа стараго управленія,—остались неприкосновенны». Слѣдовательно, онъ прямо отрицаетъ всякую связь четей съ реформой Ивана IV, уничтожившей кормленія и намѣстничества въ большей части государства, поставившей этимъ самымъ земскія общины въ новыя, невѣдомыя до той поры отношенія къ центральному правительству и тѣмъ измѣнившей весь смыслъ общиннаго земскаго начала (управленіе общинъ сдѣлалось теперь органомъ правительственной администраціи). Градовскій отрицаетъ, разумѣется, эту связь, такъ какъ считаетъ чети учрежденіями, возникшими подъ вліяніемъ иныхъ, гораздо болѣе *раннихъ* причинъ. Итакъ, общая во взглядахъ всѣхъ указанныхъ ученыхъ черта та, что образованіе четей является для нихъ слѣдствіемъ не внутренней, а *внѣшней* политики Москвы, внѣшняго роста Московскаго государства и притомъ роста не органическаго, а *механическаго*.

Особнякомъ въ этомъ отношеніи стоятъ только мнѣнія пр. Ключевскаго и г. Лихачева, впрочемъ, высказанныя вскользь; для нихъ чети—несомнѣнно—результатъ внутренней политики Москвы, продуктъ дифференціаціи ея управленія, но не областного, а центральнаго.

Отъ всѣхъ изложенныхъ взглядовъ существенно отличается

---

[1]) „Организація прямого обложенія", стр. 453—455.

новѣйшая теорія происхожденія четей, развитая г.г. Милюковымъ, Середонинымъ и пр. Платоновымъ. Не отрицая того несомнѣннаго факта, что вѣдомство каждой чети охватывало извѣстную, опредѣленную территорію, эти ученые настаиваютъ главнымъ образомъ на финансовомъ, *фискальномъ* характерѣ четей, которыя уже при *самомъ* своемъ *возникновеніи* являлись «центральными кассами» для сбора податей съ опредѣленной территоріи. Такое пониманіе характера функцій четей еще можно было бы согласить со старыми взглядами на ихъ значеніе; но существенно новой и несогласимой съ прежними теоріями является та связь, въ которую упомянутые ученые ставятъ образованіе четей со всей финансовой политикой московскаго правительства въ теченіе XVI в., слѣдовательно, и со всѣмъ центральнымъ управленіемъ,—связь, благодаря которой чети становятся въ ряду другихъ финансовыхъ приказовъ того времени—Большого Прихода и Большого Дворца [1]). Эта связь у г. Середонина и пр. Платонова естественно ведетъ къ сближенію появленія четей съ административными реформами Грознаго: оба они ищутъ причинъ появленія четей въ области внутренней, административно-финансовой политики Москвы середины XVI в. Поэтому имъ приходится признать чети учрежденіями *второй* половины (или даже—послѣдней трети) этого вѣка, и отрицать всякую ихъ связь съ «третями» Ивана III, которыя, если и существовали, то имѣли совсѣмъ иное значеніе.

Г. Милюковъ еще не указываетъ на связь четей съ реформами 50-хъ годовъ; онъ считаетъ чети продуктомъ естественной эволюціи центральнаго финасоваго управленія въ Москвѣ XVI вѣка. Сначала, по его мнѣнію, всѣ *государственные* доходы вѣдаетъ Большой Дворецъ наряду съ *дворцовыми* [2]); затѣмъ, «къ послѣдней четверти XVI вѣка» доходы государственные выдѣляются изъ дворцовыхъ и собираются въ новомъ учрежденіи—Большомъ Приходѣ—учрежденіи уже публичнаго характера. Въ теченіе же послѣдней четверти столѣтія и государственные доходы въ свою очередь дѣлятся на *спеціальные общегосударственные* сборы—продуктъ *новыхъ* государственныхъ потребностей (напр., полоняничныя, ямскія, кормовыя и пищальныя деньги) и на *мѣстные* сборы—«отчасти из-

---

[1]) Изъ старыхъ изслѣдователей одинъ Лохвицкій высказалъ нѣсколько аналогичные взгляды: онъ указываетъ на стремленіе московскаго правительства стать въ непосредственныя отношенія къ плательщикамъ налоговъ, устранивъ всякія промежуточныя инстанціи, и сосредоточить сборъ налоговъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. (См., „Губернія" стр. 25).

[2]) Здѣсь замѣтно вліяніе Лаппо-Данилевскаго („вотчинный принципъ распредѣленія поступленій") и пр. Ключевскаго (теорія вотчиннаго происхожденія власти московскихъ князей).

стари сложившіеся (старая «дань»,—«ордынскій выходъ» въ XVI в. впрочемъ, уже незначительная), отчасти вновь переведенные на деньги (оброчныя деньги за пользованіе казенной землей и угодіями и за разныя натуральныя повинности) или вновь обращенные на государственное управленіе [1]). Доходы перваго рода попрежнему шли въ Большой Приходъ, доходы второго рода собирали выдѣлившіяся изъ него новыя финансовыя учрежденія[2]). Чети однако, по мнѣнію г. Милюкова, долго еще сохраняли свою связь съ Большимъ Приходомъ, какъ этотъ послѣдній сохранялъ связь съ Большимъ Дворцомъ, изъ котораго онъ выдѣлился въ свое время. Г. Милюковъ первый сдѣлалъ попытку выяснить взаимное отношеніе позднѣйшихъ областныхъ четей и «Четвертного приказа», упоминаемаго документами 70-хъ и 80-хъ г. г. XVI столѣтія. Какъ указалъ впослѣдствіи пр. Платоновъ, этотъ указъ упоминается впервые еще въ *1569 г.*; но г. Милюковъ полагалъ еще, что самое раннее извѣстіе о немъ относится къ 1582 г. [3]), на шесть лѣтъ позже извѣстія объ одновременномъ существованіи нѣсколькихъ четвертей [4]). Считая чети учрежденіями, выдѣлившимися изъ Большого Прихода, г. Милюковъ естественно приходитъ къ выводу о тождествѣ Большого Прихода съ Четвертнымъ приказомъ: онъ полагаетъ, что названіе «Четвертного Прихода» Большой Приходъ «получилъ отъ своего раздѣленія на чети». Въ этомъ предположеніи его еще болѣе укрѣпляютъ — съ одной стороны—эпитеты «дворовый», «дворцовый», которые документы 80-хъ г. г. обыкновенно придаютъ четвертному приказу, а съ другой—упоминаніе тѣми-же документами какого-то «Двороваго Большаго Прихода» [5]). Совершенно правильно отождествляя эти два учрежденія [6]), г. Милюковъ дѣлаетъ затѣмъ неосновательно предположеніе о тождествѣ ихъ съ Большимъ Приходомъ. Строго говоря, онъ даже не возбуждаетъ вопроса—являются ли «Дворовый» Большой Приходъ и *просто* Большой Приходъ—однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ: для него это очевидно. Эпитетъ «дворовый», по его мнѣнію, указываетъ

---

[1]) Ту-же мысль о раздѣленіи доходовъ обще-государственныхъ и мѣстныхъ между Большимъ Приходомъ и Четями высказываетъ и г. Чечулинъ. („Города Моск. госуд.", стр. 187).

[2]) А. Л. Э., Т. I, № 312.

[3]) См. „Госуд. хоз." стр. 26—29.

[4]) „Госуд. хоз.", стр. 34.

[5]) Д. къ А. И., Т. I, № 225,—1581 г.

[6]) Доказательствомъ ихъ тождества можетъ служить уже то обстоятельство, что тѣже самые дьяки—Андрей Арцыбашевъ и Тим. Ѳедоровъ—которые въ 1581 г. сидѣли въ „Дворовомъ Большомъ Приходѣ", въ 1582 г. сидятъ въ „Дворовомъ Четвертномъ Приходѣ". (А. А. Э., № 312 и Д. А. И. I, № 225).

только на генетическую связь Большого Прихода съ вѣдомствомъ Большого Дворца.

Противъ такого пониманія вопроса основательно выступилъ г. Середонинъ въ своемъ изслѣдованіи о книгѣ Флетчера: «Of the Busse Commonwealth». Онъ указалъ, что «Дворовый» (а не Дворцовый) Большой Приходъ встрѣчается въ актахъ только съ 80-хъ г. г. XVI стол., когда названіе «дворъ» замѣнило терминъ «опричнина». Документы же 70-хъ г. г. говорятъ только о Большомъ Приходѣ, безъ эпитета «Дворовый». Послѣ изслѣдованій пр. Платонова можно прибавить, что эти же документы говорятъ о «Четвертномъ приказѣ», тоже безъ эпитета «дворовый», и притомъ говорятъ о Большомъ Приходѣ и о Четвертномъ приказѣ, какъ о двухъ другъ отъ друга независимыхъ учрежденіяхъ, собирающихъ одновременно доходы различнаго свойства съ одной и той же мѣстности. Если бы чети были только отдѣленіями Большого Прихода, то «откуда могло бы явиться—замѣчаетъ г. Середонинъ—такое искусственное распредѣленіе поступленій между главнымъ учрежденіемъ и его центральными отдѣленіями?»

Самъ г. Середонинъ выдвигаетъ другую теорію возникновенія четей. Обращаясь къ вопросу о *непосредственныхъ причинахъ* ихъ возникновенія (вопросъ этотъ почти не затронутъ г. Милюковымъ), онъ указываетъ на *двѣ* такихъ причины: введеніе самоуправленія общинъ и учрежденіе опричнины. Необходимо замѣтить, что г. Середонинъ не считаетъ чети *исключительно* финансовыми учрежденіями, центральными кассами для сбора податей (какъ это дѣлаютъ г. Милюковъ и пр. Платоновъ). Онъ прямо указываетъ, что чети—въ противоположность Большому Приходу—имѣли кромѣ финансовыхъ функцій также функціи судебныя и административныя.

Отсюда понятна та связь, въ которую онъ ставитъ возникновеніе четей съ административными реформами 50-хъ г. г.

Съ уничтоженіемъ намѣстниковъ исчезла средняя инстанція для сношеній населенія съ правительствомъ. Тогда, по мнѣнію г. Середонина, стало расширяться вѣдомство *казначеевъ*, въ помощь которымъ—для управленія областями (очевидно—преимущественно для сбора съ нихъ доходовъ) стали назначаться «дьяки» [1]). Въ вѣдомствѣ этихъ дьяковъ, оставшихся въ Москвѣ и *оттуда* управлявшихъ областями и собиравшихъ съ нихъ доходы, г. Середонинъ видитъ прототипъ, зародышъ будущихъ четей.

Но настоящее начало четей онъ связываетъ съ учрежденіемъ

---

[1]) См. А. А. Э., I, №№ 262, 263 и 269.

опричнины, почему и относитъ его не къ 50-мъ годамъ XVI вѣка, а къ 70-мъ годамъ,—послѣ *1567* г. (года учрежденія опричнины).

По его мнѣнію, дѣло происходило такъ: земли, взятыя въ опричнину, были изъяты изъ вѣдѣнія какъ Большого Дворца, такъ и казначеевъ,—и вотъ эти то земли и составили вѣдомство четей,—почему города, основанные послѣ 1567 г., и не попали въ чети. Сначала всѣ земли, взятыя въ опричнину, вѣдались въ Дворовомъ Четвертномъ Приказѣ, гдѣ сидѣли дьяки и куда шли «четвертные доходы», отличные отъ дворцовыхъ, шедшихъ въ Большой Дворецъ, и государственныхъ, собиравшихся казначеями, а позже шедшихъ въ Большой Приходъ; «четвертные» же доходы составляли какъ бы личную собственность царя, шли на удовлетвореніе нуждъ опричнины.

Но единство Четвертного Приказа скоро нарушается и вмѣсто одного приказа является нѣсколько четвертей, завѣдываніе которыми поручается отдѣльнымъ дьякамъ. Сначала четверти еще не имѣютъ постояннаго круга вѣдомства: онъ то расширяется, то сужается, смотря по личности дьяковъ, ими завѣдывавшихъ. И называются чети сначала по именамъ этихъ дьяковъ—своихъ начальниковъ, а не по городамъ, какъ впослѣдствіи.

Полагая, что чети вѣдали земли, взятыя въ опричнину, г. Середонинъ этимъ самымъ утверждаетъ, что управленіе ими находилось *внѣ* надзора боярской думы, вѣдавшей «земщину». Онъ естественно долженъ былъ возстать противъ обычнаго толкованія сообщенія Флетчера о четяхъ и особенно противъ того новаго освѣщенія, которое далъ этому извѣстію пр. Ключевскій своей гипотезой о развитіи четей изъ отдѣленій думской канцеляріи и о тождествѣ ихъ съ четырьмя важнѣйшими приказами того времени. Противъ этого толкованія еще раньше, впрочемъ, возсталъ г. Милюковъ, просто указавшій на невѣрность перевода, сдѣланнаго Бодянскимъ[1]).

Во всякомъ случаѣ, если и принять гипотезу пр. Ключевскаго о происхожденіи четей изъ отдѣленій думской канцеляріи, то предположеніе о тождествѣ ихъ съ четырьмя «главенствующими» приказами (высказанное еще Соловьевымъ[2])—и поддержанное пр. Загоскинымъ[3]) придется все-таки безусловно отвергнуть.

---

[1]) Op. cit., стр. 28, пр. 1.

[2]) „Исторія Россіи", Т. VII, гл. IV, стр. 633. (2-е изданіе).

[3]) Пр. Загоскинъ полагаетъ, что три важнѣйшіе и древнѣйшіе приказа — Разрядъ, Посольскій и Помѣстный—дѣлили между собой областное управленіе всѣмъ государствомъ, при чемъ первый вѣдалъ южныя окраины, второй—западныя, а третій—центръ.—Позже къ нимъ присоединился Казанскій Дворецъ. Эти три приказа, существо-

Гипотеза эта одинаково несостоятельна, признаемъ ли мы четь учрежденіями финансовыми или областными.

Тогда надо будетъ допустить, что послѣ введенія самоуправленія и централизаціи поступленій при думской канцеляріи (вѣрнѣе— подъ вѣдѣніемъ «думскихъ» или «думныхъ» дьяковъ) [1]) образовались центральныя кассы для *нѣкоторыхъ* изъ этихъ поступленій (другія шли въ В. Приходъ), откуда денежныя суммы выдавались по мѣрѣ надобности на различныя потребности (преимущ. военныя) подъ непосредственнымъ контролемъ думы. Но мы предпочли бы—вслѣдъ за пр. Платоновымъ—предположить, что четь являлись центральными кассами не при думѣ (а тѣмъ менѣе—при «четырехъ главныхъ приказахъ»), но при высшемъ военно-административномъ учрежденіи—при Разрядѣ. Это станетъ особенно яснымъ, если обратить вниманіе на спеціальное назначеніе «четвертныхъ сборовъ». Сборы эти, называвшіеся вообще также «оброчными деньгами» (что указываетъ на присущій имъ характеръ выкупа за какую-то подать или повинность) шли на содержаніе служилыхъ людей, денежные оклады которыхъ выплачивались изъ суммъ, собранныхъ въ четверти съ мѣстныхъ плательщиковъ.

Пр. Платоновъ совершенно ясно и просто объяснилъ [2]) причину такого спеціальнаго назначенія четвертныхъ денегъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — связь четей съ реформами 50-хъ г. г., подмѣченную уже г. Середонинымъ, указавшимъ на нее въ болѣе общихъ выраженіяхъ. Пр. Платоновъ отнесъ эту связь къ опредѣленному факту—къ уничтоженію кормленій въ 1555—56 г. Съ уничтоженіемъ различныхъ видовъ кормленія («намѣстничь, волостелинъ, посельничь доходъ», «присудъ» и т. п.), дававшихся раньше служилымъ людямъ, какъ награда за службу и какъ средства ея отправленія, общины, освобожденныя отъ обязанности непосредственно «кормить» служилыхъ людей, стали платить выкупъ или «оброкъ» за эти кормленія прямо въ Москву, центральному правительству, а это послѣднее само уже стало выдавать изъ получаемыхъ отъ нихъ суммъ жалованье служилымъ людямъ. Реформа эта ясно описана въ Никоновской лѣтописи: «на грады и на волости (велѣлъ в. князь) положити оброки... и тѣ оброки збирати къ царскимъ казнамъ своимъ діякомъ; бояръ же... и всѣхъ воиновъ устроилъ и кормленіемъ, праведными уроки... а городовыхъ въ *четвертной годъ*, а

завшіе съ очень давняго времени, назывались „третями", а съ учрежденіемъ Казанскаго Дворца стали называться четвертями.

[1]) Термина „думный дьякъ" въ XVI в. еще не существовало, но были уже дьяки, сестоявшіе при думѣ для дѣлопроизводства.

[2]) Ж. Мин. Нар. Просв., 1892 г., V кн., стр. 162—165.

иныхъ въ третей годъ *денежнымъ* жалованьемъ [1])». Такимъ образомъ, извѣстное выраженіе, что съ введеніемъ реформъ 50-хъ годовъ разрушилась стѣна, стоявшая между правительствомъ и общинами, можно перифразировать такъ: съ введеніемъ реформъ 50-хъ г. г. *создалась* стѣна между общинами и служилыми людьми—кормленщиками. Раньше общины непосредственно «кормили» ихъ: это была ихъ натуральная повинность; теперь между ними и кормленщиками сталъ московскій дьякъ, собиравшій съ общинъ оброкъ, замѣнившій старую натуральную повинность, и выдававшій его прежнимъ кормленщикамъ: дьякъ этотъ—съ теченіемъ времени—сталъ во главѣ новаго центральнаго учрежденія, *чети*, собиравшей «кормленый окупъ» съ областей, почему и сами кормленщики, получавшіе теперь денежный окладъ изъ четей, стали называться «четвертчиками». Чети возникли, вѣроятно, весьма скоро послѣ уничтоженія кормленій, т к. о Новгородской четя говорится уже въ 1558 г. [2]) (черезъ два года послѣ реформы 1556 г.), и создались онѣ самой силою вещей: въ Москвѣ стало скопляться огромное количество поступленій совершенно новаго, невиданнаго до тѣхъ поръ характера и происхожденія; ихъ нельзя было пріурочить ни къ одному изъ существующихъ финансовыхъ учрежденій; надо было, значитъ, для пріема и расхода ихъ по назначенію создать новыя центральныя учрежденія.

Но вѣдь по назначенію своему эти новыя поступленія шли на матеріальное обезпеченіе служилаго класса, на организацію военныхъ силъ страны, а этимъ дѣломъ, какъ извѣстно, непосредственно вѣдалъ Разрядъ. Ему же естественнѣе всего было вѣдать и распредѣленіемъ денежныхъ окладовъ между служилыми людьми. Поэтому, вмѣсто новыхъ центральныхъ учрежденій, одинаковыхъ по значенію съ другими приказами, для пріема и расхода четвертныхъ сборовъ создались простыя центральныя кассы, находившіяся въ вѣдомствѣ Разряда и прямо ему подчиненныя. Было ли съ самаго начала нѣсколько такихъ кассъ или только одна (Четвертной приказъ), какъ склоненъ думать пр. Платоновъ, не совсѣмъ ясно: мы думаемъ скорѣе, что кассъ съ самаго начала было нѣсколько и назывались онѣ по именамъ дьяковъ, ими непосредственно управлявшихъ (что бывало чаще) или по территоріи, имъ подвѣдомственной (Новгородская четь въ 1558 г.). Можетъ быть и такъ,

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 261.—Здѣсь, повидимому, кормленіе сохранено еще для лицъ болѣе знатныхъ.

[2]) Лихачевъ, „Разрядные дьяки" стр. 573, прим. 2.—Какъ уже сказано, мы не считаемъ—вопреки пр. Загоскину—указаніемъ на существованіе Новгородской четя въ 1545 г. жалованную грамоту 1631 г. (А. А. Э., III, № 194).

что Четвертной приказъ вѣдалъ большую часть государства, а наряду съ нимъ существовали для нѣкоторыхъ мѣстностей, стоявшихъ въ особыхъ условіяхъ (напр., для Новгорода), отдѣльныя чети.

Во всякомъ случаѣ—ни чети, ни Четвертной пр. не имѣютъ никакой генетической связи ни съ Дворовымъ четвертнымъ приказомъ, ни съ Дворовымъ Б. Приходомъ,—(а, слѣдовательно, и съ опричниной, вопреки г. Середонину)—уже потому, что оба «дворовыхъ учрежденія появляются въ актахъ только съ начала 80-хъ годовъ XVI столѣтія, тогда какъ *просто* «Четвертной приказъ» упоминается еще въ 60-хъ г. г. XVI стол. [1]), а Новгородская четь — даже въ 1558 г. Отрицая прямую генетическую связь опричнины съ четями [2]) мы уже по этому одному не находимъ основательнымъ утвержденіе г. Середонина, будто вѣдомство четей было изъято изъ подъ надзора думы. Наоборотъ, намъ кажется, что вѣдомство это находилось въ очень близкихъ отношеніяхъ къ думѣ, въ виду тѣсной связи думы съ Разрядомъ (что не даетъ, однако, права считать разрядъ простой канцеляріей думы) и потому еще, что дума вообще, какъ извѣстно, много занималась вопросами обороны государства и особенно—экономическаго обезпеченія служилаго сословія—какъ землей, такъ и деньгами (часто она сама разбирала помѣстныя дѣла).

Итакъ, вѣдомство четей первоначально было *чисто финансовымъ*: сборъ «кормленаго окупа» съ земель, освобожденныхъ отъ обязанности содержать кормленщиковъ, и доставленіе средствъ для содержанія служилыхъ людей—бывшихъ кормленщиковъ.

Но къ функціямъ чисто финансовымъ скоро присоединились разнообразныя функціи по областному управленію—точнѣе—по *контролю надъ земскимъ самоуправленіемъ общинъ*. Когда, вслѣдъ за управленіемъ намѣстниковъ, мѣстное управленіе было передано въ руки общинъ, земство стало въ прямыя, непосредственныя отношенія къ верховной власти—къ боярской думѣ съ царемъ во главѣ. Но тутъ сейчасъ же сказалась потребность въ посредствующей судебно-административной инстанціи, находящейся также въ столицѣ въ непосредственной близости къ верховной власти (чтобы не разрушать снова только что достигнутой централизаціи управленія и связи между правительствомъ и общинами). Такой посредствующей инстанціей сначала, по всей вѣроятности, явилось вѣдомство казначеевъ, но уже очень скоро оно стало замѣняться въ этомъ отношеніи вѣдомствомъ четей, въ которомъ къ тому времени уже

---

[1]) Рукопись Археографич. Коммиссіи, № 112.

[2]) На отсутствіе ея указалъ и доказалъ его документально—ссылкой на мѣстническое дѣло Вас. Зюзина съ Ѳ. Нагимъ—пр. Платоновъ.

сосредоточился сборъ областныхъ доходовъ, происшедшихъ именно отъ уничтоженія стараго намѣстническаго управленія. Къ четямъ перешли доходы упраздненныхъ намѣстниковъ и волостелей,— къ нимъ же мало-по-малу стали переходить ихъ функціи по мѣстному управленію. Расширеніе круга вѣдомства четей въ этомъ направленіи шло параллельно съ постепеннымъ суженіемъ компетенціи органовъ земства, компетенціи вначалѣ весьма широкой.

Сначала финансовыя чети только изъ соображеній административнаго удобства какъ для правительства, такъ и для земства выступаютъ въ качествѣ посредствующей инстанціи между думой и земствомъ по дѣламъ суда и управленія. Но уже очень скоро онѣ пріобрѣтаютъ право контроля надъ дѣйствіями выборныхъ земскихъ органовъ и этотъ контроль съ теченіемъ времени все расширяется и усиливается, а самостоятельное значеніе земства все падаетъ. Наконецъ, являются и мѣстные органы контроля надъ земствомъ, зависящіе отъ четей,—городовые воеводы начала XVII стол. Затѣмъ и вся власть въ мѣстномъ управленіи переходитъ въ руки воеводъ (а, слѣдов., и четей), а земскіе органы получаютъ—по большей части—чисто служебное значеніе и занимаютъ подчиненное положеніе орудій приказнаго управленія. Въ XVII вѣкѣ—еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ—въ рукахъ четей (которыя и называются съ этихъ поръ по важнѣйшимъ городамъ подчиненной имъ территоріи) сосредоточивается почти все *гражданское* (т.-е. съ изъятіемъ дѣлъ служилаго сословія) управленіе областями московскаго государства, за исключеніемъ Московскаго уѣзда и земель, изъятыхъ въ вѣдѣніе особыхъ территоріальныхъ приказовъ. Этотъ несомнѣнный для XVII в. фактъ важнаго значенія четей въ сферѣ областного управленія подалъ многимъ изслѣдователямъ поводъ предполагать, что и въ XVI в.—при самомъ возникновеніи своемъ—чети имѣли тотъ же кругъ вѣдомства, тѣ же самыя функціи, что и лѣтъ 50—60 спустя. Перенося позднѣйшее явленіе приблизительно на полвѣка назадъ, эти изслѣдователи (Неволинъ, Градовскій и др.) и причинъ для него стали искать въ отношеніяхъ еще болѣе ранняго періода: считая *областныя* чети существовавшими еще въ началѣ царствованія Грознаго, они видятъ непосредственную причину ихъ возникновенія въ присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ и доходятъ до того, что даже «трети» Ивана III принимаютъ за областныя раздѣленія Московскаго государства. Такъ, напр., пр. Загоскинъ отождествляетъ трети, которымъ онъ приписываетъ очень раннее происхожденіе, *) съ приказами Раз-

*) По его мнѣнію, приказы подобнаго рода возникли „ранѣе эпохи, принимаемой г. Лихачевымъ“, т.-е. *ранѣе начала XVI вѣка.*

ряднымъ, Посольскимъ и Помѣстнымъ, между которыми раздѣлялось, по его мнѣнію, все областное управленіе въ эпоху Ивана III [1]). Чтобы объяснить, какимъ образомъ присоединеніе удѣловъ вызвало образованіе четей, эти изслѣдователи обратили вниманіе на судьбу удѣльныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ и по аналогіи заключили, что такова же должна была быть и судьба общихъ удѣльныхъ «правительствъ»: они также, будто бы, были *цѣликомъ перенесены* въ Москву. Въ этомъ объясненіи происхожденія четей сказалась долго существовавшая въ нашей историко-юридической наукѣ тенденція—толковать явленія государственной жизни и публичнаго права и даже выводить самое ихъ существованіе по аналогіи съ явленіями въ области частнаго хозяйства и частныхъ правъ Московскихъ государей. Перенесеніе цѣликомъ въ Москву управленія удѣльными «дворцами», поступившими въ полную частную собственность московскихъ великихъ князей, вполнѣ естественно и понятно. Но очень трудно допустить, чтобы такая крайне искусственная и сопряженная съ огромными техническими неудобствами въ сферѣ общаго управленія мѣра могла быть такъ же легко, скоро и повсемѣстно примѣнена къ государственному управленію вновь присоединенныхъ къ Москвѣ *велико-русскихъ земель*. Да къ тому же и факты противорѣчатъ такому предположенію. Еще изслѣдованія Лохвицкаго [2]) и самого же Градовскаго [3]) разбили окончательно мнѣніе о существованіи въ XVI в. какой-то сплоченной, исторически образовавшейся территоріи въ вѣдомствѣ каждой четверти. Территоріи эти создавались мало-помалу, въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, путемъ приписки къ какой нибудь изъ центральныхъ кассъ для пріема мѣстныхъ сборовъ той или другой мѣстности, составлявшей одно цѣлое въ податномъ отношеніи (вотчинъ какого-нибудь монастыря или крупнаго землевладѣльца, волости черной или владѣльческой, земель, населенныхъ инородцами); правительство руководилось при этой припискѣ весьма разнообразными соображеніями чисто конкретнаго, казуистическаго свойства: многія изъ нихъ—именно благодаря этому своему свойству—и остались для насъ неизвѣстными, такъ что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы никакъ не можемъ сказать, *почему* та или другая мѣстность была приписана къ той, а не къ другой четверти [4]); одно несомнѣнно,—что при распредѣленіи во-

---

[1]) „Отчетъ о 32-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова", 1892 г. стр. 203—204.

[2]) op. cit., ср. 25—31.

[3]) op. cit, ср. 324—326.

[4]) Процессъ случайнаго дробленія территоріи въ финансовыхъ цѣляхъ прекрасно изображенъ Лохвицкимъ: op. c., 25—31.

лостей и городовъ между четями московское правительство нисколько не заботилось о цѣлости и единствѣ ихъ территорій. Наконецъ, самыя названія четей по городамъ (Новгородская, иначе—Нижегородская—«приказъ Новгородской чети Новгороду Нижнего»; Костромская, Устюжская, Владимірская, Галицкая, одно время также—Ярославская),—хотя эти названія даже приблизительно не указываютъ (за исключеніемъ развѣ Новгородской чети) территоріальныхъ предѣловъ вѣдомства чети, а только самый значительный городъ, находившійся въ ея вѣдѣніи,—самыя эти названія, прежде всего, конечно, подавшія поводъ къ мнѣнію объ областномъ характерѣ четей,—появляются только въ самомъ концѣ XVI-го и началѣ XVII вѣка: о *Нижегородской* чети впервые упоминается только въ 1601 г. [1]), о *Галицкой* въ 1606 г. [2]), объ *Устюжской* — въ 1611 г. [3]); еще позже появляются чети *Владимірская* и *Костромская*, не упомянутыя въ извѣстной запискѣ о Московскомъ государствѣ, составленной для королевича Владислава въ 1610 — 1613 г.г. [4]); по свидѣтельству Вивліоѳики, первая изъ нихъ значится въ записныхъ книгахъ съ 1629 г., а вторая—съ 1627 г.—Исключеніе надо сдѣлать только для *Новгородской* четверти, которая—попеременно съ *Новгородскимъ приказомъ*—неоднократно встрѣчается въ документахъ конца XVI в., начиная съ 1558 г. [5]). Но здѣсь дѣло идетъ, очевидно, не о финансовой чети, а о территоріальномъ учрежденіи по областному управленію, принадлежащемъ къ тому же типу окраинныхъ территоріальныхъ приказовъ, къ которымъ принадлежали, напр., Сибирскій приказъ и Казанскій Дворецъ и которые возникали *только* въ земляхъ, присоединенныхъ къ Москвѣ открытымъ завоеваніемъ (какъ это было и съ Новгородомъ).

Однако, если оставить въ сторонѣ свидѣтельство 1558 г. и всѣ упоминанія о Новгородскомъ *приказѣ*, начинающіяся съ 1575 г.), то увидимъ, что и Новгородская четь упоминается впервые въ самомъ концѣ XVI столѣтія—въ 1597 г. [6]) всего четырьмя годами раньше перваго упоминанія Нижегородской чети.

Указанія же на существованіе Новгородской чети къ 1558 г., равно какъ и указанія на существованіе Галицкой чети въ 1576 г. [7])

---

[1]) А. А. Э., II, № 18.

[2]) А. А. Э., II, № 39.

[3]) С. Г. Гр. и Д., II, № 219 и Успенскій, ор. с., стр. 315;

[4]) А. И., II, № 355.

[5]) Лихачевъ, ор. cit, стр. 273, прим. 2.

[6]) Когда ею управляли думный дьякъ Ив. Алекс. Нормацкій да дьякъ Посникъ Дмитріевъ (см. Милюкова, ор. с., стр. 33, пр. 1).

[7]) Лихачевъ, ор. с., стр. 147, пр. 1.

мы не можемъ считать достовѣрными доказательствами существованія этихъ учрежденій въ указанные годы, т. к. оба извѣстія почерпнуты изъ частныхъ рукописныхъ родословно-разрядныхъ сборниковъ гораздо болѣе *поздняго* происхожденія [1]: такіе сборники легко могли придать современныя имъ и обычныя для нихъ названія старымъ четямъ, не имѣвшимъ еще въ то время, къ которому относится данное извѣстіе, такого названія, а называвшимся просто по именамъ дьяковъ, по вѣдавшимъ еще въ XVI в. тѣ самыя земли, которыя потомъ вѣдались въ Новгородской и Галицкой чети. Такъ, напр., четь Андрея Щелкалова обыкновенно отождествляется съ позднѣйшей Новгородской четью, а четь Дружины Петелина—съ Устюжской.

Итакъ, областныя названія четей появляются только при Борисѣ Годуновѣ; въ XVI-мъ же вѣкѣ онѣ назывались только по именамъ управлявшихъ ими дьяковъ. Это показываетъ, что онѣ еще не имѣли тогда характера центральныхъ учрежденій съ административными функціями, болѣе или менѣе опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства и коллегіальнымъ (или приближающимся къ нему) устройствомъ, почему и не назывались приказами. Четью называлась въ XVI в. центральная касса для пріема податныхъ сборовъ извѣстнаго характера (преимущ. оброчного, выкупного за старые кормленщиковы доходы) съ опредѣленныхъ мѣстностей, порученная одному какому нибудь лицу, облеченному довѣріемъ царя, — обыкновенно дьяку, уже завѣдывавшему какимъ нибудь другимъ центральнымъ учрежденіемъ. Лицамъ служилаго класса—боярамъ и дѣтямъ боярскимъ—чети въ XVI в. никогда не поручались; какихъ либо признаковъ коллегіальнаго рѣшенія, «одиначества» товарищей, въ четяхъ XVI в. тоже не замѣчается—это были чисто личныя порученія.

Нисколько не отрицая того обстоятельства, что съ развитіемъ воеводскаго управленія и съ упадкомъ самоуправленія общинъ чети пріобрѣтаютъ постепенно характеръ центральныхъ учрежденій по областному управленію (но все еще съ преобладающимъ финансовымъ характеромъ и съ крайне черезполосной территоріей) и входятъ такимъ образомъ въ общую семью приказовъ, пріобрѣтая всѣ ихъ характерныя черты,—признавая все это, мы однако отказываемся видѣть въ областномъ характерѣ четей какую бы то ни было связь съ присоединеніемъ удѣловъ къ Москвѣ, со старымъ историческимъ дѣленіемъ сѣверо-восточной Руси

[1]) Первое — изъ собранія кн. Вяземскаго въ И. Общ. Люб. Др. Письменности, № XXI, а второе—изъ рукописи гр. Уварова, № 800.—Въ Галицкой чети въ 1576 г. сидѣли дьяки Терентій Лихачевъ и Иванъ Савинъ, а въ „Нижегородской"—въ 1558 г.—подъячій Ѳедка Низовцевъ сынъ Языковъ.

XIV—XV в.в. Самъ же Лохвицкій (сторонникъ территоріальнаго происхожденія четей) [1]) указываетъ, что это старое историческое дѣленіе—по крайней мѣрѣ—въ центрѣ московскаго государства—къ концу XVI в. было безъ остатка сметено финансовой политикой московскаго правительства, системой пожалованья земель и раздачи жалованныхъ и тарханныхъ грамотъ общинамъ, монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ и замѣнилось новымъ, механическимъ дѣленіемъ. Признаетъ это и Градовскій, приписывающій даже это разрушеніе областного единства сознательной борьбѣ московскаго правительства съ областнымъ сепаратизмомъ. Странно было бы предполагать, что старое историческое дѣленіе Московскаго государства, не существовавшее уже почти сто лѣтъ, вдругъ оживаетъ во всей своей неприкосновенности въ концѣ XVI стол. и даже создаетъ особые центральные органы для управленія этими историческими областями.

Финансовыя чети существовали ранѣе территоріальныхъ приблизительно *на полвѣка:* таково наше положеніе. Онѣ возникли подъ вліяніемъ развитія земскаго самоуправленія, въ виду необходимости обезпечить содержаніе служилыхъ людей, которое тѣ перестали получать—съ введеніемъ самоуправленія общинъ—изъ непосредственнаго источника. Подъ вліяніемъ упадка того же самоуправленія, подчиненія его сильной опекѣ правительства, чети получаютъ значеніе центральныхъ учрежденій по областному управленію, «областныхъ приказовъ», по выраженію Градовскаго.

Вся исторія развитія четей стоитъ въ тѣсной органической связи съ судьбами земскаго самоуправленія: онѣ являлись органами, посредствомъ которыхъ центральное правительство сносилось съ общинами, получало съ нихъ публичные доходы, направляло и регулировало ихъ дѣятельность.

Хронологическія данныя о четяхъ XVI столѣтія.

Укажемъ теперь нѣкоторыя хронологическія данныя относительно четвертного приказа и четей XVI стол., называвшихся по именамъ дьяковъ. Древнѣйшимъ указаніемъ на четвертной приказъ является пока указаніе жалованной грамоты Кириллову монастырю 1569 г., извлеченное пр. Платоновымъ изъ рукописи Археографич. Комиссіи [1]). Въ виду того, что еще въ 1562 г. въ вотчины Кириллова монастыря былъ посланъ писецъ Никита Яхонтовъ, писавшій исключительно однѣ оброчныя статьи «за намѣст-

[1]) op. cit., стр. 23—25.

ничъ доходъ и за присудъ»,—пр. Платоновъ вполнѣ основательно полагаетъ, что уже въ этомъ году Кирилловъ монастырь платилъ «четвертныя деньги» (т.-е. именно оброкъ за доходы кормленщиковъ — «кормленый окупъ») въ четвертной приказъ или соотвѣтствующее ему по характеру центральное финансовое учрежденіе. Дѣятельность четвертного прик. можно прослѣдить и въ 70-хъ гг.,— такъ въ 1574 г. власти того-же Кириллова монастыря просятъ о дозволеніи «платить имъ самимъ оброчныя деньги) въ Москвѣ въ четвертной приказъ» [2]). Но уже въ началѣ 80-хъ годовъ вмѣсто просто четвертного пр. появляется *Дворовый четвертной приказъ*— впервые упомянутый въ 1582 г. [3]); появленіе это, повидимому, стоитъ въ связи съ реформой, происшедшей около этого времени въ опричнинѣ. Но одновременно нѣкоторые акты упоминаютъ и просто четвертной приказъ,—такова, напр., платежная 1596 г. (7104 г.)[4]).

Въ *дворцовомъ* четвертномъ приказѣ сидятъ въ 1582 г. дьяки Арцыбашевъ и Тимофей Федоровъ, а въ четвертномъ пр. въ 1596 г.—дьяки Семенъ Сумароковъ и Емельяновъ. О «четвертномъ» приказѣ—безъ эпитета дворцовый упоминается еще въ царствованіе Годунова въ 1601 г. [5]) и при Лжедимитріи — въ 1606 г. [6]), но послѣ смутнаго времени онъ окончательно исчезаетъ. Интересенъ документъ 1606 г. (уставная грамота посадскимъ людямъ города Шуи о судѣ и расправѣ и о сборѣ пошлинъ): изъ него мы видимъ, что терминъ «четвертной приказъ» былъ въ это время равнозначущъ съ терминомъ «четверть»: въ одномъ мѣстѣ грамоты говорится: «а выборы тѣхъ земскихъ людей посадскіе люди посылаютъ къ намъ, въ Москву, въ *четвертной приказъ*»; въ другомъ же мѣстѣ говорится: «а въ которыхъ дѣлѣхъ излюбленнымъ судьямъ крестьяномъ управы учинити не можно, и они суда своего списки и обоихъ истцовъ присылаютъ къ намъ, къ Москвѣ, къ докладу, въ *четверть, гдѣ будетъ въ приказѣ*»... Очевидно, здѣсь четвертной пр.—все равно, что четверть, «въ приказѣ», т.-е. *въ вѣдомствѣ* которой находится данный городъ. Отсюда вытекаетъ, что нѣтъ надобности предполагать, будто первоначально существовало единое для большей части государства финансовое учрежденіе—четвертной приказъ, изъ котораго потомъ *выдѣлились* отдѣльныя чети. Никакого особаго, отличнаго отъ позднѣйшихъ (якобы) четей четвертного приказа, вѣроятно, и не существовало: любая четь, не

[1]) Рукопись № 112; Ж. М. Н. Пр., 1892, V, стр. 164.
[2]) Ib., стр. 165.
[3]) А. А. Э., Т. I, № 312.
[4]) А. Юр., I, № 216, II.
[5]) А. А. Э., II, № 215.
[6]) А. А. Э., II, № 52.

имѣвшая еще въ XVI вѣкѣ никакого особаго названія, могла именоваться четвертнымъ приказомъ по отношенію къ мѣстности, которую она вѣдала. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго: называлась же въ XVII в. Нижегородская четь также: «приказомъ Новгородской чети Новгороду Нижнего». Перейдемъ теперь къ хронологическимъ даннымъ о четяхъ XVI столѣтія, называвшихся *по именамъ дьяковъ*, ими управлявшихъ.

Раньше всего встрѣчаемъ въ актахъ четь знаменитаго Андрея Щелкалова. По предѣламъ своего территоріальнаго вѣдомства эта четь отождествляется обыкновенно съ позднѣйшей Новгородской или Нижегородской четью; но въ XVI в. она всюду встрѣчается *наряду* съ территоріальнымъ Новгородскимъ приказомъ, какъ отдѣльное отъ него учрежденіе, и нигдѣ съ нимъ не смѣшивается. Территоріальный приказъ, по всей вѣроятности, развился изъ вѣдомства Новгородскихъ намѣстниковъ, которые—въ виду особыхъ политическихъ и бытовыхъ условій Новгорода—были надѣлены очень широкими полномочіями. Въ рукахъ ихъ было сосредоточено множество самыхъ разнородныхъ функцій—военныхъ, дипломатическихъ (сношенія со Швеціей) и по мѣстному управленію; поэтому весьма естественно, что въ Москвѣ довольно рано должна была появиться особая канцелярія для сношеній центральнаго правительства съ этими намѣстниками. Эта-то канцелярія—возникшая, вѣрно, скоро вслѣдъ за присоединеніемъ Новгорода въ 1478 г.—и преобразилась со временемъ въ территоріальный приказъ, вѣдавшій самый Новгородъ съ его окрестностями. По этому приказу никогда не были подчинены всѣ бывшія Новгородскія «земли», т. к. Москвѣ не было никакого разсчета поддерживать территоріальное и административное единство этихъ земель, и безъ того объединенныхъ особыми бытовыми условіями, общимъ политическимъ прошлымъ, столь рѣзко отличавшимся отъ политическаго прошлаго остальной Московской Руси. Впрочемъ, этотъ территоріальный Новгородскій приказъ могъ вѣдать—въ виду своей давнишней административной связи съ Посольскимъ приказомъ—сношенія не только съ намѣстниками Вел. Новгорода, но и съ намѣстниками другихъ городовъ сѣверо-западной окраины. На этотъ именно приказъ, а не на финансовую четь указываетъ, безъ сомнѣнія, одно мѣсто въ «Описи царскаго архива»: «ящикъ 108, а въ немъ разныя грамоты присылные изъ Наугородского приказу Новагорода Нижнего, изъ Смоленска, и изъ Новагорода изъ Великаго, и изъ Пскова, и изъ иныхъ многихъ городовъ» (извѣстіе это относится, приблизительно, къ 1575 г. [1]). Однако, здѣсь

[1]) А. А. Э., Т. I, № 289.

уже замѣтна административная связь, существовавшая позже между обоими Новгородами: Нижнимъ и Великимъ и выразилась въ самомъ наименованіи соотвѣтствующей чети. Какъ мы уже сказали, функціи новгородскихъ намѣстниковъ были весьма широки и разнообразны; вначалѣ онѣ обнимали и финансовое управленіе областью, сборъ доходовъ. Но московское правительство, одновременно съ проведеніемъ реформы 1555-56 г.г., уничтожившей кормленія и передавшей сборъ доходовъ самимъ общинамъ, сдѣлало попытку и въ Новгородѣ ограничить финансовыя функціи намѣстниковъ, изъять изъ ихъ вѣдѣнія хотя бы часть денежныхъ сборовъ и передать ихъ непосредственнымъ представителямъ центральнаго правительства (т. к. передача ихъ земству являлась, по мѣстнымъ условіямъ, неудобною). Попытка эта была сдѣлана въ 1554—1556 г.г. [1]), когда при Новгородскомъ намѣстникѣ кн. Палецкомъ, а затѣмъ—при смѣнившемъ его кн. М. В. Глинскомъ—состояли дьяки Казаринъ Дубровскій и Ѳедоръ Сырковъ (а потомъ—Дубровскій и Ѳедоръ Еремѣевъ) [2]).

Здѣсь мы уже имѣемъ дѣло съ зарождающейся финансовой четью: вѣдомство дьяковъ Сыркова и Дубровскаго почти тождественно съ вѣдомствомъ позднѣйшей чети Андрея Щелкалова. Для образованія чети надо было только *перенести* это вѣдомство дьяковъ, собиравшихъ различные мѣстные доходы, изъ области въ центръ, изъ Новгорода въ Москву. Перенесена была, собственно, только касса для пріема поступленій: учрежденія—въ строгомъ смыслѣ слова—не было ни въ Новгородѣ, ни въ Москвѣ—до самаго конца XVI столѣтія (приблизительно—до 1597 г.). По перенесеніи этой финансовой кассы въ Москву мы даже видимъ упрощеніе въ управленіи ею: въ Новгородѣ ее вѣдали *два* дьяка, чѣмъ—до извѣстной степени—ей сообщался характеръ коллегіальнаго учрежденія, въ Москвѣ же она прямо подчинена дьяку Посольскаго приказа (съ 1 января 1571 г.)—Андрею Щелкалову. Этотъ же самый дьякъ—въ продолженіе своей дѣятельности въ Посольскомъ приказѣ—не разъ завѣдывалъ и приказомъ Б. Прихода (напр., въ 1575 г. [3]) и въ 1587 г.). Такъ какъ онъ былъ въ то-же время казначеемъ, то очевидно, что управленіе Новгородской областью какъ въ финансовомъ, такъ и въ административномъ отношеніи могло сосредоточиться въ его рукахъ двумя путями: во-первыхъ—по должности *посольскаго дьяка* онъ долженъ былъ вѣдать террито-

---

[1]) См. Д. къ А. И., Т. I, стр. 65—157, а также Сергѣевича, „Юридич. Древности", I. стр. 493—498, и Лихачева „Разрядные дьяки", стр. 246—284.

[2]) Упоминается еще дворцовый дьякъ Аѳанасій Бабкинъ, состоявшій, вѣроятно, при дворецкомъ С. В. Шереметевѣ.

[3]) А. И., I, № 191.

ріальный Новгородскій приказъ и, дѣйствительно, кажется, вѣдалъ его съ середины 70-хъ годовъ; во-вторыхъ—по должности *казначея* онъ вѣдалъ нѣкоторые доходы, собираемые на мѣстѣ, когда сборъ этихъ доходовъ сосредоточился въ центральной московской кассѣ. Но переносъ этотъ совершился гораздо позднѣе, только въ 80-хъ годахъ. Мы не знаемъ, что сдѣлалось съ дьячьимъ управленіемъ въ Новгородѣ послѣ 1556 г.; но видимъ, что въ 1571 г. таможенную уставную грамоту даетъ намѣстникъ [1]). Однако, въ 1576 г. доходы въ Новгородѣ собираетъ опять дьякъ—Посникъ Дмитріевъ Хворощинъ, впослѣдствіи дьякъ Новгородской четверти. Вообще мы думаемъ, что съ середины 50-хъ г г. до конца 80-хъ XVI в. финансовое управленіе въ самомъ Новгородѣ и его уѣздахъ было подчинено одному или нѣсколькимъ дьякамъ, находившимся на мѣстѣ, въ Новгородѣ, и отсылавшимъ собранныя суммы въ Москву. Такой порядокъ не исключаетъ, однако, возможности отправленія нѣкоторыхъ функцій финансоваго управленія намѣстникомъ. Что же касается бывшихъ Новгородскихъ земель, то въ 50-хъ годахъ нѣкоторыя изъ нихъ—ближайшія къ Новгороду (Ивангородъ, Невель, Старая Русса, Ладога—вообще область Новгородскихъ пятинъ) [2]) вѣдались въ финансовомъ отношеніи тѣми же дьяками, которые сидѣли въ самомъ Новгородѣ. Въ 80-хъ же годахъ бывшія Новгородскія земли—правда, болѣе отдаленныя отъ Новгорода, не входившія въ составъ пятинъ—сносятся по дѣламъ финансоваго управленія непосредственно съ Москвой, съ четью Андрея Щелкалова. Въ 1580 г. четь эта сносится съ Хлыновымъ (Вяткой) [3]), въ 1588 г.—съ Двиной [4]), въ 1591 г.—съ Соловецкимъ монастыремъ [5]). Наконецъ, въ 1590 году эта четь сносится съ Новгородскимъ уѣздомъ [6]). Къ концу 80-хъ г.г. эта четь замѣнила собой разнообразныя финансовыя управленія, дѣйствовавшія въ Новгородѣ съ середины 50-хъ г.г. и собиравшихъ «четвертные доходы»; между ними было и отдѣленіе Б. Дворца—Новгородскій Дворецъ—съ дьякомъ Арцыбашевымъ, который въ 1588 г. распоряжается дѣломъ объ освобожденіи отъ податей деревни, находящейся въ вѣдомствѣ Б. Дворца [7]); вмѣстѣ съ нимъ распоряжается дворецкій и воевода Новгородскій—князь Хворостининъ, а

---

[1]) См. Милюкова, „Народное Хозяйство", стр. 31.

[2]) Д. къ А. И., I, № 93.

[3]) А. А. Э., I, № 305.—А. Юридич., I, стр. 362.

[4]) А. А. Э., I, № 338.

[5]) Ibid., №№ 352 и 353.

[6]) Милюковъ, op. cit., стр. 32. — Ивановъ, Описаніе архива старыхъ дѣлъ, стр. 240.

[7]) А. Ист., I, № 222.—Милюковъ, стр. 31, пр. 3.

изъ Москвы—дворцовый дьякъ Семейка Емельяновъ (этотъ Емельяновъ вмѣстѣ съ дьякомъ Сумароковымъ служилъ въ 1596—97 г. въ четвертномъ приказѣ) [1]). Въ періодъ отъ 1591 г. до 1597 г. четь Андрея Щелкалова постепенно преобразуется въ постоянное центральное учрежденіе—кассу для сбора доходовъ съ опредѣленной территоріи. Учрежденіе это скоро получаетъ названіе Новгородской или Нижегородской четверти, первыми дьяками которой являются:—Посникъ Дмитріевъ Хворощинъ и Иванъ Нормацкій. Оброкъ, который въ 1599 г. платился въ четь Андрея Щелкалова, въ 1598 г. идетъ въ «четверть дьяковъ Ивана Нормацкова да Посника Дмитріева «(Хворощина) [2]). Грамоты, подписанныя въ 1580 г. и 1585 г. Андреемъ Щелкаловымъ [3]), подтверждены въ 1599 г.—первая:—дьякомъ Нормацкимъ, а вторая—Нормацкимъ и Хворощинымъ. Точное свидѣтельство о существованіи Нижегородской чети съ дьяками Нормацкимъ и Хворощинымъ относится еще къ 1597 г.—Припись этихъ дьяковъ, по словамъ г. Милюкова, находится на древнѣйшихъ документахъ Новгородскаго приказа, сохранившихся послѣ пожара 1626 г.—приходо расходной книгѣ 1597 и смѣтномъ спискѣ 1599 г.—Въ 1597 г. въ Новгородъ пишутъ (о приготовленіи питья для царскаго гонца) «изъ приказу дьяковъ Ивана Нормацкова да Посника Дмитріева» [4]). Около этого времени Андрей Щелкаловъ передалъ управленіе Посольскимъ приказомъ брату своему—Василію (по Вивліоѳикѣ это произошло въ 1595 г.—Василій Щелкаловъ уже въ 1587 г. управлялъ Посольскимъ приказомъ вмѣстѣ съ братомъ): вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставилъ Новгородскій приказъ и свою финансовую четь, предѣлы вѣдомства которой обнимали область старыхъ новгородскихъ пятинъ и «земель». (Заволочье, Двину, Вагу [5]), Вятку и другія мѣстности). Оба эти учрежденія, соединеніе которыхъ подъ управленіемъ одного лица вначалѣ было чисто личнымъ и случайнымъ, за время управленія ими Андрея Щелкалова настолько слились другъ съ другомъ, что по уходѣ его (между 1595 и 1597 г.г.) составляли уже одно органическое цѣлое, одно учрежденіе территоріально-финансоваго характера, управлять которымъ были призваны *два* дьяка—Ив. Нормацкій и П. Д. Хворощинъ; уже одно это обстоятельство говоритъ намъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ вполнѣ сложившимся учрежденіемъ, вылившимся въ опредѣленныя, за-

---

[1]) А. Юр., № 216, II и III.

[2]) Милюковъ, op. cit., стр. 32, пр. 3.

[3]) А. А. Э. I, № 305 и А. И., I, № 141 и 156.

[4]) Пам. Дипл. Сноп. т. II, стр. 393 и 421.

[5]) Вага вѣдалась четью А. Щелкалова, затѣмъ—Казанскимъ Дворцомъ (А. Юр. № 337—отъ 1607 г.), въ XVII в.—Б. Дворцомъ. (А. Э., IV, № 250).

конченныя формы. И дѣйствительно—уже въ 1601 г. мы встрѣчаемъ въ документахъ названіе «Нижегородской чети» съ дьяками Салмановымъ и Матюшкинымъ [1]). Эти дьяки замѣнили, вѣроятно, въ Новгородской четверти Нормацкаго и Хворощина въ 1599 г., т. к. въ этомъ году послѣдніе два дьяка подписали смѣтный списокъ чети и въ этомъ же году Нормацкій уже является дьякомъ Б. Дворца [2]). По нашему мнѣнію, это *первое* достовѣрное извѣстіе о существованіи чети съ областнымъ наименованіемъ, т. к. приведенныя г. Лихачевымъ изъ родословно — разрядныхъ книгъ извѣстія о Нижегородской чети—1558 г.—и о Галицкой—1576 г. [3])—мы отказываемся признать достовѣрными, въ виду ихъ несовременности: къ тому же областныя наименованія четей, упомянутыя въ этихъ документахъ, исчезаютъ потомъ безслѣдно приблизительно лѣтъ на сорокъ и даже первыя извѣстія о «*дьячьихъ*» четяхъ появляются лишь 18 лѣтъ спустя послѣ извѣстія 1558 г. о Нижегородской чети. Способно возбудить сомнѣніе и самое названіе «Нижегородская» (а *не* «Новгородская») четь; оно слишкомъ явно указываетъ на несравненно позднѣйшее происхожденіе этого извѣстія, такъ какъ въ 50 г.г. XVI стол., насколько извѣстно, не существовало еще никакой административно-финансовой связи между Нижнимъ Новгородомъ и старыми Новгородскими землями (Новгорода Великаго).

Предѣлы территоріальной компетенціи новаго учрежденія были очень обширны: оно обнимало и Новгородъ со Псковомъ, и бывшія Новгородскія «земли» и «пятины»—до Вятки и Перми включительно—и многіе низовые города (Нижній, Арзамасъ и другіе). Называлось это новое учрежденіе безразлично—то Новгородской [4]), то Нижегородской [5]) — четвертью, но съ 1618 г. второе наименованіе исчезаетъ, уступая мѣсто первому, несомнѣнно древнѣйшему. Въ 1657 г. эта четь была прямо подчинена Посольскому приказу, въ тѣсной связи съ которымъ находился еще въ XVI в. старый территоріальный Новгородскій приказъ [6]). Связь эта, какъ кажется, нѣсколько ослабѣла къ концу XVI в., когда территоріальный приказъ слился съ финансовой четью; въ серединѣ же XVII-го столѣтія она возобновилась, что указываетъ на усиленіе областного, територіальнаго значенія Новгородской чети въ ущербъ чисто-

---

[1]) А. А. Э., Т. II, № 18—отъ 29 сентября 1601 г.

[2]) А. А. Э. I, № 300—подтвержденіе 7106 г.

[3]) Лихачевъ, op. cit., стр. 147, прим. 1 и стр. 273. пр. 2.

[4]) А. А. Э., Т. II, №№ 101 и 135 (1609 г.).

[5]) А. А. Э., II, № 18 (1602 г.) и 22 (1602 г.); А. А. Э., III, № 18 (1613 г.), 42 (1614 г.), 72 (1615 г.), 100 (1618) и др.

[6]) А. А. Э, I, № 289, ящикъ 108.

финансовому, фискальному.—Наконецъ, въ 1670 г. эта четь получила старинное названіе «Новгородскаго приказа».

Кромѣ чети Андрея Щелкалова—даже нѣсколько раньше ея—встрѣчаемъ мы чети: брата его, Василія Щелкалова—въ 1578—79 г. [1]) и затѣмъ—въ 1585 г. [2])—и «четь дьяковъ Андрея Арцыбашева и Алексѣя Исакова»—тоже въ 1578 г. [3]).

Четь Василія Щелкалова (существовавшая еще въ 1573 г., когда Вас. Щелкаловъ еще не служилъ въ Разрядѣ) [4]) по этимъ извѣстіямъ собирала доходы съ Каширы (въ 1578 г.) и съ Галича (въ 1585 г.), а отъ 1578 г. до 1586 г.—съ Бѣлаозера [5]): всѣ эти города вошли впослѣдствіи въ составъ Галицкой чети [6]). Но кромѣ этихъ городовъ та же четь вѣдала въ 1599 г. Вологду, принадлежавшую позже къ Новгородской чети [7]), а въ 1595 г. — Сибирь [8]) вѣдалась Василіемъ Щелкаловымъ въ качествѣ дьяка «Посольскаго и четвертного приказа». Вас. Щелкаловъ управлялъ своей четвертью, по всей вѣроятности, до тѣхъ поръ, пока сидѣлъ въ Разрядѣ, т.-е. до 1594 г. (впрочемъ, Флетчеръ говоритъ, что уже въ 1585 г. четвертью Вас. Щелкалова управлялъ Сапунъ Аврамовъ, его помощникъ въ Разрядѣ). Въ 1601 г. грамота на Бѣлоозеро объ устройствѣ ямовъ идетъ уже изъ «чети окольничьяго Мих. Мих. Салтыкова», за приписью дьяка Ивана Вахромѣева [9]). Наконецъ, въ 1606 году встрѣчаемъ впервые названіе Галицкой чети (съ дьякомъ Андреемъ Алябьевымъ [10]); къ ея вѣдомству отходятъ Бѣлоозеро и Кашира. Сибирь также изъ чети Вас. Щелкалова перешла въ четь Ивана Вахромѣева, которую Кавелинъ [11]) неправильно называетъ, основываясь на показаніи Виблioѳики, четью Варѳоломея Иванова: эта четь правила Сибирью отъ 1596 г. до 1599 г., когда Сибирь перешла въ вѣдомство Казанскаго Дворца [12]).

Возвращаясь къ чети Вас. Щелкалова, мы видимъ, что ея существованіе совпадаетъ по времени съ управленіемъ Вас. Щел-

---

[1]) Писцовыя книги Калачова, II, стр. 1306.

[2]) А. А. Э.. I, № 326.

[3]) Рукопись Археограф. Комиссіи, стр. 645. — см. пр. Платонова, „Какъ возникли чети?“, стр. 168.

[4]) См. Лихачева, „Библіотека и Архивъ“, стр. 128, пр. 1.

[5]) А. И., I, № 217.

[6]) Лаппо-Данилевскій, „Организація прямого обложенія“, стр. 546.

[7]) Лихачевъ, „Разр. Дьяки“, стр. 194.

[8]) Лихачевъ, op. cit., приложенія, стр. 97.

[9]) А. А. Э., II, № 18.

[10]) А. А. Э., II. № 39.

[11]) П. С. Соч., Т. I, стр. 68.

[12]) Лихачевъ, op. c., прил., стр. 97.

каловымъ Разрядомъ (отъ 1577 г. до 1594 г.). Сибирью же В. Щелкаловъ правитъ и позже, въ качествѣ дьяка Посольскаго приказа; точно также и Вологдой (принадлежавшей обыкновенно къ Новгородской чети) онъ правитъ еще въ 1599 г. Это обстоятельство— въ связи съ данными, почерпнутыми изъ одного мѣстническаго дѣла (Вас. Зюзина съ Ѳеод. Нагимъ) 1576 года [1]), — побудило проф. Платонова высказать предположеніе, что чети 70-хъ—80-хъ г.г. были связаны не съ *лицами* управлявшихъ ими дьяковъ (Андрея и Василія Щелкаловыхъ), а съ *учрежденіемъ*, въ которомъ эти дьяки сидѣли - съ Разрядомъ.

Чети или, вѣрнѣе, четвертной приказъ (т. к. пр. Платоновъ стоитъ за первоначальное существованіе единаго четвертного приказа или «четверти», цѣлость котораго нарушилась только въ 80-хъ г.г., хотя онъ и раньше распадался на чети)—по мнѣнію пр. Платонова—былъ подчиненъ Разряду въ качествѣ центральной кассы, собиравшей поступленія, шедшія на уплату жалованья бывшимъ кормленщикамъ; поэтому четвертной приказъ всегда находился въ вѣдѣніи старшаго разряднаго дьяка, ex officio являвшагося его начальникомъ.

Вполнѣ примыкая къ данному пр. Платоновымъ объясненію характера четей и ихъ первоначальнаго значенія въ виду другихъ приказовъ, мы однако не видимъ основанія считать ихъ *единымъ* учрежденіемъ, при самомъ основаніи своемъ органически связаннымъ съ Разрядомъ въ качествѣ непосредственно подчиненной ему кассы.

Гипотеза эта представляется намъ искусственной: она предполагаетъ такую утонченную выработанность взаимныхъ отношеній между центральными учрежденіями, какая врядъ ли могла существовать въ Москвѣ XVI вѣка, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ извѣстную гипотезу, считающую Разрядъ—канцеляріей думы. Невѣрнымъ кажется намъ и предположеніе о первоначальномъ единствѣ четвертного приказа: въ исторіи Московской центральной администраціи гораздо чаще встрѣчаются случаи *соединенія* нѣсколькихъ независимыхъ учрежденій съ одинаковой (или прибли-

---

[1]) Данныя эти таковы: разрядный дьякъ Андрей Щелкаловъ долженъ навести справку объ одной жалованной грамотѣ „въ своемъ приказѣ" (слова пр. Платонова) и „за своей приписью" прислать эту справку ко двору, въ Старицу; на это онъ отвѣчаетъ, что „*четвертные дьяки*" ищутъ грамоту „*во всѣхъ четвертяхъ*" и, что сыщутъ, онъ пришлетъ. Но въ подлинникѣ не сказано: „въ своемъ приказѣ", а сказано просто: „да чтобъ еси велѣлъ сыскать изъ книгъ грамоты... да за своей приписью и печатью къ намъ прислалъ". Прямого указанія на подчиненіе четей Разряду здѣсь нѣтъ. Щелкаловъ долженъ „велѣть" искать грамоту въ четвертяхъ совершенно такъ-же, какъ онъ долженъ „велѣть искать явокъ по приказамъ", ему вовсе не подчиненнымъ.

зительно одинаковой) компетенціей, но съ предѣлами вѣдомства ограниченными извѣстной территоріей, въ *одно* учрежденіе, обнимающее въ извѣстномъ отношеніи своимъ вѣдѣніемъ *все* государство (или большую часть его [1]), чѣмъ случаи дифференціаціи какого нибудь центральнаго учрежденія, выдѣленія изъ учрежденія, вѣдающаго *все* государство, нѣсколькихъ учрежденій, подѣлившихъ между собой область его компетенціи—все равно, по принципу реальнаго или территоріальнаго раздѣленія: поэтому одинаково искусственными кажутся намъ предположенія г. Милюкова—о выдѣленіи Б. Прихода изъ Б. Дворца и четвертного приказа—изъ Б. Прихода,—и пр. Платонова—о выдѣленіи четей изъ единаго четвертного приказа.—Наконецъ разсматриваемая теорія противорѣчитъ извѣстнымъ фактамъ: прежде всего—на ряду съ четями *разрядныхъ* дьяковъ—братьевъ Щелкаловыхъ, намъ уже въ 70-хъ г.г. (1578) извѣстна четь дьяковъ Арцыбашева и Исакова, собиравшая оброкъ съ Каргопольскихъ рыбныхъ ловель [2]): Арцыбашевъ былъ вторымъ разряднымъ дьякомъ только одинъ годъ — въ 1577 г. [3]), о службѣ же въ Разрядѣ Исакова мы ничего не знаемъ; въ 1581 г. встрѣчаемъ «дворцовую четь» того же дьяка А. Арцыбашева и Тим. Ѳедорова [4]), вѣдающую откупъ сбора съ рыбныхъ ловель въ Двинскомъ уѣздѣ, затѣмъ въ 80-хъ и 90-хъ г.г. встрѣчаемъ нѣсколько четвертей, управляемыхъ дьяками, не состоявшими въ то время въ числѣ разрядныхъ (четь Дружины Петелина, Ив. Вахромѣева, Ив. Нормацкаго). Далѣе, мы видимъ, что четь Андрея Щелкалова продолжаетъ дѣйствовать попрежнему и, по уходѣ его изъ Разряда въ Посольскій приказъ (въ 1576 г.), даже расширяетъ предѣлы своей территоріи; то же повторяется и съ Вас. Щелкаловымъ, оставившимъ Разрядъ въ 1594 г., но продолжающимъ вѣдать Сибирь—въ 1595 г. и Вологду въ 1599 г. Поэтому надо думать, что фактъ существованія четей А. и В. Щелкаловыхъ не обусловленъ прямо ихъ дѣятельностью въ качествѣ разрядныхъ дьяковъ. Имъ просто было поручено завѣдываніе четвертными сборами съ извѣстныхъ областей: это было личное порученіе, обусловленное довѣріемъ Государя и высокимъ служебнымъ положеніемъ Щелкаловыхъ. Но одновременно съ ними такія же порученія получали и другіе дьяки, также дававшіе свои имена

---

[1]) Такъ было съ областными дворцами, разрядами и *самими четями*—въ концѣ XVII стол. (соединеніе Б. Прихода, Новгородскаго приказа, Владимірской и Галицкой четвертей въ 1680 г.).

[2]) Царская грамота 7086 г. — см. Ж. М. Н. Пр., 1892 г., кн. V, стр. 168. — Каргополь вѣдался потомъ въ Нижегородской чети.

[3]) Лихачевъ, ор. с., стр. 554.

[4]) А. А. Э., Т. I, № 312.

четямъ; только имъ доставались области менѣе важныя. По уходѣ Щелкаловыхъ со служебной арены, ихъ чети достались другимъ дьякамъ: четь Вас. Щелкалова - Сапуну Аврамову, четь А. Щелкалова—Ив. Норкацкому. Первая изъ этихъ четей (впослѣдствіи Галицкая)—дѣйствительно была какъ будто связана съ Разрядомъ до начала XVII стол. Вас. Щелкаловъ управляетъ ею *только* до тѣхъ поръ, пока сидитъ въ Разрядѣ [1]), хотя Вологдою и Сибирью правитъ и позже, такъ какъ эти земли не входили въ составъ чети. Затѣмъ эту четь получаетъ Сапунъ Аврамовъ, преемникъ Вас. Щелкалова въ Разрядѣ. Но въ 1601 г. Бѣлоозеро уже вѣдается въ чети окольничьяго Салтыкова и дьяка Ив. Вахромѣева,—лицъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ Разрядомъ. Что же касается до чети Андрея Щелкалова, то въ ней замѣтна связь не съ Разрядомъ, а съ Посольскимъ приказомъ: А. Щелкаловъ по уходѣ изъ Разряда дѣлается посольскимъ дьякомъ и именно съ этихъ поръ мы получаемъ опредѣленное представленіе о его чети и о предѣлахъ ея вѣдомства; послѣ него, четь эта достается Ив. Норкацкому, который никогда въ Разрядѣ и не служилъ. Итакъ, если можно еще говорить объ органической связи съ Разрядомъ будущей Галицкой чети (и то только до 1601 г.), то никакъ нельзя сказать того же про другія чети конца XVI ст. Къ этимъ четямъ больше всего подходитъ названіе «дьячьихъ канцелярій», примѣняемое нѣкоторыми изслѣдователями ко всѣмъ вообще приказамъ. Конечно, сказанное вовсе не заставляетъ насъ отрицать тотъ несомнѣнный, по нашему мнѣнію, фактъ, что чети были учреждены именно для сбора выкупныхъ и оброчныхъ денегъ за старыя кормленія и для уплаты изъ этихъ денегъ жалованья служилымъ людямъ—бывшимъ кормленщикамъ,—при чемъ частью онѣ сами выплачивали эти деньги служилымъ людямъ (иногда даже прямо на мѣстѣ—безъ доставки ихъ въ Москву—такъ бывало въ Новгородской чети), частью доставляли ихъ въ Разрядъ; это однако еще не подчиняло ихъ Разряду, не исключало возможности ихъ самобытнаго существованія и развитія, совершенно независимаго отъ судебъ Разряда.

Кромѣ упомянутыхъ четей въ концѣ XVI в. существовала еще четь Дружины Петелина, вѣдавшая въ 1589 г. Сольвычегодскъ [2]); Петелинъ управлялъ Казанскимъ и Мещерскимъ дворцомъ отъ 1587 г. до 1595 г., четью же онъ завѣдывалъ, какъ кажется, съ

---

[1]) Но появляется эта четь тремя годами *раньше* начала службы Вас. Щелкалова въ Разрядѣ—въ 1573 г. (Лихачева „Библ. и Арх.", стр. 198, пр. 1).

[2]) А. А. Э., Т. I, № 343;—потомъ Сольвычегодскъ вѣдался въ Устюжской чети.

1587 г. [1]) по 1590 г., такъ какъ въ 1590 г. встрѣчаемъ грамоту въ Усольскій уѣздъ, въ Коряжемскій монастырь, за приписью дьяка Елизарія Вылузгина [2]). Значитъ, въ этомъ году Петелинъ пересталъ завѣдывать четью (въ кот. видятъ обыкновенно Устюжскую четь), хотя еще нѣсколько лѣтъ продолжалъ вѣдать Казанскій Дворецъ. Это совершенно разрушаетъ предположеніе объ органической связи этихъ двухъ учрежденій, которое дѣлалось на основаніи неправильно понятаго сообщенія Флетчера. Въ 1590 г. Усольскій уѣздъ, какъ мы сказали, вѣдался въ чети Елизарія Вылузгина, бывшаго, по словамъ Флетчера, въ 1589 г. дьякомъ Помѣстнаго приказа (онъ управлялъ имъ съ 1587 г. по 1601-1602 г.) [3]). Въ 1589 г. Вылузгинъ, по Флетчеру, также управлялъ четью; нѣкоторые изслѣдователи думаютъ—по нашему мнѣнію—безъ всякихъ основаній, что вѣдомство этой чети совпадало по территоріи съ вѣдомствомъ Костромской чети. Единственнымъ объясненіемъ такого сближенія можно считать то обстоятельство, что удалось подмѣтить близость между территоріями трехъ указанныхъ Флетчеромъ четей—Андр. и Вас. Щелкаловыхъ и Дружины Петелина—и трехъ позднѣйшихъ областныхъ четей—Новгородской, Галицкой и Устюжской. Отсюда явилось стремленіе—по аналогіи найти между областными четями такую, которая бы соотвѣтствовала четвертой изъ указанныхъ Флетчеромъ—чети Елиз. Вылузгина. Но, во первыхъ, намъ извѣстно, что Вылузгинъ въ 1590 г. вѣдалъ Усольскій уѣздъ, который принадлежалъ потомъ къ Устюжской чети и никогда не входилъ въ составъ Костромской; а, во-вторыхъ, Костромская четь и въ XVII в. появляется значительно *позже* всѣхъ другихъ, почему и называется «Новоприбылой»; она не упомянута въ запискѣ «о порядкѣ всякихъ людей Московскаго государства», 1610—1613 г.г. [4]), въ которой говорится о четяхъ Нижегородской, Галицкой, Устюжской, Ярославской [5]) и Владимірской,—а въ записныхъ книгахъ значится только съ 1627 г.—Скорѣе можно предположить, что Вылузгинъ управлялъ послѣ Петелина Устюжской четвертью. Въ 1569 г. этой четвертью управляетъ уже дьякъ Ив. Вахромеевъ: въ его четь идетъ перевозная пошлина съ Устюжны—Желѣзнопольской [6]).

---

[1]) Усольскій уѣздъ онъ вѣдалъ также въ 1587 г.—Лихачева „Разр. дьяки", указатель, стр. 61.

[2]) А. А. Э., Т. I, № 349, № 343—тоже въ Коряжемскій мон.—подписанъ еще Петелинымъ.

[3]) Лихачевъ, op. cit., стр. 183, пр. 2.

[4]) А. И., Т. II, № 355.

[5]) Нѣкоторые ученые отождествляютъ эту Ярославскую четь съ Костромской—въ виду того, что потомъ она уже нигдѣ не упоминается.

[6]) А. А. Э., I, № 367.

Относительно чети дьяка Вахромеева существуютъ различныя мнѣнія. Г. Середонинъ думаетъ, что Вахромеевъ принялъ четь Андрея Щелкалова послѣ ухода этого послѣдняго изъ Посольскаго приказа въ 1594 г. и сдѣлался такимъ образомъ дьякомъ будущей Новгородской четверти; Новгородскій же территоріальный приказъ достался дьяку Нормацкому и оба учрежденія имѣли отдѣльное управленіе до 1597 г., когда и четь досталась Нормацкому [1]). Но г. Милюковъ указалъ, что въ 1597 г. [2]) четь Ив. Вахромеева упоминается въ источникахъ [3]), какъ *отдѣльная* отъ Новгородской, и вѣдаетъ Тверь и Торжокъ, принадлежавшія прежде къ Владимірской чети,—но въ томъ же 1597 г. онъ (Вахромеевъ) вѣдалъ и Соловецкій монастырь [4]), бывшій раньше въ чети Андрея Щелкалова [5]), въ 1596 г.—Устюжну, принадлежавшую позже къ Устюжской чети [6]), а въ 1598 г.—Верхотурье, вѣдавшееся потомъ въ Сибирскомъ приказѣ [7]). Онъ же — по документамъ Сибирскаго приказа — вѣдалъ Сибирь въ 7104 г. и 7105 г. [8]), т.-е. въ 1596—1597 г.г. [9]), принялъ онъ управленіе Сибирью отъ Вас. Щелкалова.

Всѣ приведенные факты заставляютъ насъ думать, что четь Ив. Вахромеева не совпадала своей территоріей ни съ одной изъ позднѣйшихъ четей и поэтому не можетъ быть отождествлена ни съ Устюжской четью,—какъ это дѣлаетъ Неволинъ [10]), ни съ Новгородской, какъ это дѣлаютъ г.г. Середонинъ и Лихачевъ.—Этому не противорѣчитъ упоминаніе въ 1604 г. Вахромеева въ качествѣ дьяка «Новгородской чети»,—вмѣстѣ съ окольничьимъ Мих.

---

[1]) Взглядъ г. Середонина на новгородскую область и четь А. Щелкалова вкратцѣ таковъ: Новгородъ сначала не былъ въ вѣдомствѣ четей, но управлялся особымъ Дворцомъ, а потомъ Разрядомъ, подчиненнымъ Посольскому Приказу. Въ качествѣ начальника этого учрежденія А. Щелкаловъ и управлялъ Новгородомъ, подъ надзоромъ Думы. Четь же онъ вѣдалъ помимо Думы и другихъ приказовъ; въ нее входили земли, взятыя въ опричнину—Вага, Двина и др. Съ уничтоженіемъ опричнины не зачѣмъ было обходить думы въ управленіи нѣкоторыхъ областей и всѣ земли, бывшія подъ управленіемъ одного лица—въ качествѣ ли чети, или территоріальнаго приказа—стали сливаться въ вѣдѣніе одного учрежденія. Такъ и четь Андрея Щелкалова составила вмѣстѣ съ Новгородскимъ приказомъ одно учрежденіе—Нижегородскую четверть. Но произошло это не сразу: оба учрежденія совсѣмъ было раздѣлились въ 1595 г., съ уходомъ Щелкалова изъ Посольскаго приказа, но зато вновь и окончательно соединились и слились въ 1597 г. подъ управленіемъ Нормацкаго.

[2]) Op. cit., стр. 33, пр.

[3]) Пам. Дипл. Снош., Т. II, 393.

[4]) Д. А. И. I, № 140.

[5]) Въ 1591 г.—А. А. Э. I, №№ 352 и 353.

[6]) А. А. Э., I, № 367.

[7]) А. И., II, № 3.

[8]) Четверть дьяка Ив. Вахромеева.

[9]) Лихачевъ „Разр. дьяки", стр. 97, прим.

[10]) Ссылаясь на А. А. Э., I, № 367—см. Т. II, стр. 175.

Мих. Салтыковымъ [1]). Вахромеевъ могъ попасть въ эту четь позже, именно около 1604 г., такъ какъ еще въ 1601 г. онъ— вмѣстѣ съ Салтыковымъ и съ дьякомъ Богданомъ Ивановымъ — сидитъ въ особой чети и сносится по поводу устройства Бѣлозерскихъ ямовъ съ дьяками Нижегородской чети Салтыковымъ и Матюшкинымъ [2]). Въ 1602 г. въ Нижегородской чети сидятъ кн. Туренинъ и тѣ же дьяки Салмановъ и Матюшкинъ [3]), а въ 1606—1607 г.г. — дьяки Нечай Ѳедоровъ и Григ. Елизаровъ [4]). Дьяки Вахромеевъ и Б. Ивановъ, очевидно, сидѣли въ этой чети въ промежутокъ времени отъ 1602 до 1606 года. Но какъ случилось, что та же самая четь окольничьяго Салтыкова и дьяка Вахромеева, которая въ 1601 году вѣдала Бѣлоозеро, принадлежавшее потомъ (1614 г.) къ Галицкой чети, и которую документы прямо различаютъ отъ Нижегородской,—въ 1604 г.—т.-е. всего три года спустя—отождествляется документами съ этой самой Нижегородской четью [5])? Мы не беремся рѣшить это затрудненіе, хотя ключъ къ нему лежитъ, быть можетъ, въ томъ обстоятельствѣ, что въ указанную эпоху термины: «Новгородская» и «Нижегородская» четь еще не сдѣлались синонимами. Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что дьякъ Вахромеевъ не былъ дьякомъ Новгородской чети послѣ Андр. Щелкалова, въ 1595 г., а сдѣлался имъ только въ 1604 г., когда четью этой сталъ управлять окольничій М. М. Салтыковъ. Впрочемъ, то обстоятельство, что четь окольничьяго Салтыкова и дьяка Вахромеева въ 1601 г. вѣдала Бѣлоозеро, а въ 1604 г. отождествляется съ Новгородской четью, можно объяснить еще и тѣмъ, что чети [6]), какъ канцеляріи [7]), были связаны только съ лицомъ, ими управлявшимъ, а не съ той или другой областью, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что когда окольничій Салтыковъ получилъ въ управленіе другую область, то лица его канцеляріи—его секретари—дьяки Вахромеевъ и Б. Ивановъ—остались попрежнему въ *«его»* чети, его канцеляріи, и стали вмѣстѣ съ нимъ править новою областью, ему порученной. Такимъ образомъ и вышло, что въ 1601 году «четью окольничьяго Салтыкова»

---

[1]) Грамота отпечатана Лихачевымъ, „Разр. дьяки", прим., стр. 99—100.

[2]) А. А. Э., II, № 18.

[3]) А. А. Э., II, № 22.

[4]) Лихачевъ, op. cit., 514, пр. 1.

[5]) Собственно, въ грамотѣ 1604 г. она названа *Новгородской*, но обыкновенно принимаютъ, что для начала XVII вѣка оба эти названія равнозначущи.

[6]) Мы говоримъ, конечно, о четяхъ конца XVI и самаго начала XVII вѣка.

[7]) А не центральныя учрежденія, съ постоянно и строго опредѣленнымъ вѣдомствомъ.

называлась Галицкая четь, а въ 1604 г.—Новгородская и составъ дьяковъ въ ней остался тотъ же самый.

Наконецъ, въ началѣ XVII в.—въ 1615 г.—встрѣчаемъ еще «четь думнаго дьяка Петра Третьякова», изъ которой идутъ грамоты въ Бѣжецкій Верхъ [1]); впослѣдствіи эта мѣстность вѣдалась въ Устюжской чети — въ 1637 г. [2]); первое упоминаніе Устюжской чети встрѣчается уже въ 1611 г. [3]), слѣдовательно, за четыре года до извѣстія о чети думнаго дьяка Третьякова; г. Лихачевъ думаетъ [4]), что Третьяковъ именно и управлялъ Устюжской четью въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича; будучи въ то же время дьякомъ Казанскаго Дворца и Посольскаго приказа. Въ такомъ случаѣ мы видимъ, что хотя во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка предѣлы вѣдомства четей уже обозначились и стали входить въ употребленіе областныя названія четей, однако продолжали употребляться и старыя обозначенія по именамъ дьяковъ,—значитъ чети еще и въ это время не потеряли вполнѣ своего первоначальнаго характера личныхъ канцелярій—кассъ для пріема сборовъ съ извѣстной мѣстности—и не вполнѣ еще пріобрѣли характеръ финансовыхъ административно-судебно-сословныхъ приказовъ, какой онѣ получили впослѣдствіи.

Новая четь.

Иной характеръ, чѣмъ четверти съ областными названіями, имѣла *Новая четь*, впервые упоминаемая въ *1597 г.* [5]). Въ 1602 г. встрѣчаемъ дьяка *Новой чети*,—Ивана Салманова,—того самаго, который въ 1601 г. сидѣлъ въ Новгородской чети [6]). Четь эта спеціально вѣдала извѣстный родъ косвенныхъ сборовъ,—именно кабацкія деньги; она же отдавала на откупъ кружечные дворы, завѣдывала «вѣрной» продажей вина (выборомъ кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ) и вообще вѣдала дѣла о продажѣ вина и корчемствѣ (а также—о запрещенной торговлѣ табакомъ). Сначала Новая четь вѣдала всѣ эти дѣла и доходы только въ самой Москвѣ и ближайшихъ къ ней мѣстностямъ. По характеру своему эта четь больше всего подходила къ Большому приходу въ его *позднѣйшемъ* значеніи, когда онъ вѣдалъ преимущественно косвен-

---

[1]) А. А. Э., Т. III, №№ 65 и 74.

[2]) Напр. Лаппо Данилевскій, op. cit., стр. 546.

[3]) С. Г. Гр. и Д., Т. II, № 219.

[4]) Op. cit., стр. 526, пр.

[5]) Гавр. Успенскій, op. cit., стр. 308, 316

[6]) См. Лихачева, op. cit., стр. 520.

ные доходы на пространствѣ всего государства. Эти два учрежденія—Большой Приходъ и Новая четь—раздѣлили между собой въ серединѣ XVII в. два важнѣйшихъ вида косвенныхъ сборовъ—кабацкія и таможенныя деньги [1]).

Приказы Счетныхъ дѣлъ и Доимочный.

Въ XVII в. возникло еще нѣсколько финансовыхъ приказовъ съ общимъ характеромъ. Въ половинѣ XVII в.—по справкѣ Разряднаго и Сенатскаго архивовъ — въ 1656 г. [2]), а по указанію Виблiоѳики — въ 1657 г. [3]) — былъ учрежденъ приказъ *Счетныхъ дѣлъ* [4]), какъ центральное контрольное учрежденіе. Онъ ревизовалъ счетоводство всѣхъ приказовъ, но не регулярно—каждый годъ,—а всякій разъ по особому царскому повелѣнію, такъ что ревизовать обыкновенно приходилось за нѣсколько (иногда за много) лѣтъ подъ рядъ.

Онъ же собиралъ недоимки и остатки за прошлые года, пока не былъ учрежденъ особый *Доимочный* приказъ, въ 70-хъ г.г. XVII стол. [5]) Приказъ Счетныхъ дѣлъ замѣнилъ собою прежнія счетныя (ревизіонныя) комиссіи, назначавшіяся ad hoc для провѣрки счетоводства какого-нибудь учрежденія,—обыкновенно изъ подъячихъ того же учрежденія. Приказъ *Сбору ратныхъ людей и доимки* значится по дѣламъ Арх. Мин. Юстиціи между 1639 (7147) и 1650 (7158) г.г. Въ государственной росписи приходовъ и расходовъ на 1680 г. *Доимочный приказъ* стоитъ въ ряду другихъ центральныхъ учрежденій съ указаніемъ ихъ доходовъ и расходовъ [6]).

Военно-финансовые приказы.

Къ финансовымъ же приказамъ надо отнести нѣкоторыя центральныя учрежденія для сбора *спеціальныхъ* доходовъ на военныя потребности — учрежденія, возникшія частью во время войны съ Польшей 1632—1634 г.г., частью во время войны 1654—56 г.г. Объ этихъ учрежденіяхъ мы говорили уже раньше, относя ихъ къ военно-финансовымъ (или интендантскимъ) приказамъ. Къ нимъ принадлежатъ: приказъ Сбору пятинныхъ денегъ, упоминаемый

---

[1]) О Новой чети см. Котошихинъ гл. VII, стр. 20.

[2]) См. Лаппо-Данил., op. cit., 491, пр. 2.

[3]) Вибл., гл. XX, стр. 412.

[4]) Котошихинъ, гл. XII, ст. 36

[5]) Виблiоѳика говоритъ еще о приказѣ *столовыхъ и счетныхъ дѣлъ*, значащемся въ записныхъ книгахъ съ 1656 по 1667 г.

[6]) См. Милюкова, „Госуд. Хоз.", приложеніе, стр. 17—18.

въ актахъ между 1632 и 1635 г.г. [1]). Этотъ приказъ назывался также «приказомъ сбору пятинныхъ и запросныхъ денегъ»; онъ, вѣроятно, являлся учрежденіемъ временнымъ, дѣйствовавшимъ только, пока продолжался сборъ пятинныхъ денегъ—подати экстренной, вызванной лишь чрезвычайными потребностями военнаго времени [2]). Олеарій говоритъ еще о приказѣ «Сбору десятой денги». Во время войны 1654 г. мѣсто приказа «Сбору пятинныхъ денегъ» занялъ приказъ «Денежнаго Сбору» [3]), существовавшій до 80-хъ г.г. XVII стол. (упоминается еще въ 1680 г.) [4]). Сюда же надо отнести и приказъ «Денежной раздачи», упомянутый въ записныхъ книгахъ, по свидѣтельству Вивліоѳики, въ 1662—1663 г.г.

Денежный дворъ.

Наконецъ, къ финансовымъ надо отнести приказы, занимавшіеся чеканкой монеты и выпускомъ ея въ обращеніе: приказъ «*Денежнаго дѣла*», упомянутый—по Вивліоѳикѣ въ записныхъ книгахъ 1663 г., и «*Денежный дворъ*» [5]), находившійся въ вѣдомствѣ Большой Казны и упомянутый въ 1665 г. По свидѣтельству Котошихина, въ немъ сидѣли дворянинъ и дьякъ, наблюдавшіе за чеканомъ монеты, вѣдавшіе мастеровъ денежнаго дѣла и преслѣдовавшіе за поддѣлку; изъ этого видно, что вполнѣ справедливо мнѣніе Неволина, полагавшаго, что при Денежномъ дворѣ состоялъ особый приказъ, особое административное учрежденіе, только подчиненное, «присудное» приказу Большой Казны.

Приказы судебные.

Общія причины ихъ возникновенія.

Переходя къ вопросу о времени возникновенія *судебныхъ приказовъ*, мы прежде всего замѣтимъ, что ихъ вѣдомство начало складываться задолго до реформъ 50-хъ г.г., хотя опредѣлилось оно окончательно только подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Особенно это относится къ *Разбойному приказу*. По мнѣнію Градов-

---

[1]) А. А. Э., Т. III, № 211; А. Юр., № 215, XI.

[2]) Лаппо-Данилевск. op. cit., стр. 481.

[3]) А. И., IV, № 93. По Вивл. (Т. XX стр., 305) этотъ приказъ значится въ книгахъ съ 1656 г.

[4]) См. П. С. З., Т. II, № 799.

[5]) Котошихинъ, гл. VII, ст. 9.

скаго [1]), централизація московскаго управленія нигдѣ не выразилась такъ *рано* и такъ полно, какъ въ судебномъ вѣдомствѣ, такъ какъ княжеское право суда, лучше всѣхъ другихъ правъ князя выяснившееся въ удѣльный періодъ, легче всего было сосредоточить въ Москвѣ, перенести его осуществленіе изъ области въ центръ. Самое возникновеніе судебныхъ московскихъ приказовъ онъ объясняетъ такъ: «московскіе великіе князья, соединивъ въ своихъ рукахъ власть удѣльныхъ князей и высшаго правительства, не могли производить личный судъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ производили его князья удѣльные». Великій князь и боярская дума остались высшей инстанціей, а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ—и первою. «Но другія дѣла должны были перейти, *на основаніи порученія*, въ подчиненныя учрежденія». Но не одно только объединеніе удѣловъ подъ властью московскаго государя способствовало образованію центральныхъ учрежденій, являвшихся (по нѣкоторымъ дѣламъ) посредствующей инстанціей между областнымъ судомъ и судомъ великаго князя и его думы. Болѣе непосредственной причиной этого образованія было стремленіе центральной власти такъ или иначе ограничить власть областныхъ правителей и лицъ, пользовавшихся кормленіями. Судебная власть областныхъ органовъ ограничивалась двумя главными способами: во-первыхъ—установленіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ *обязательнаго доклада* высшей инстанціи, находившейся въ центрѣ,—и во-вторыхъ,—совершеннымъ *изъятіемъ* нѣкоторыхъ дѣлъ отъ суда областныхъ правителей, при чемъ мотивы его коренились или въ свойствѣ самихъ дѣлъ (разбойныя, помѣстныя, холопія), или въ особомъ положеніи судящихся лицъ: въ принадлежности ихъ къ классу лицъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія намѣстниковъ (т.-е. къ классу служилыхъ людей—наслѣдниковъ стараго правительственнаго класса), или въ подсудности ихъ двумъ различнымъ областнымъ органамъ (въ случаѣ проживанія истца и отвѣтчика въ различныхъ судебныхъ округахъ).

Первый способъ ограниченія судебной власти намѣстниковъ и волостелей—установленіе обязательнаго доклада—повелъ только къ расширенію компетенціи уже существовавшихъ приказовъ и личныхъ органовъ центральнаго управленія, дворецкихъ и особенно—казначеевъ, но не могъ вызвать учрежденія *новыхъ* приказовъ съ спеціально судебными функціями. Постепенное расширеніе случаевъ обязательнаго доклада можно замѣтить, сравнивая статьи обоихъ судебниковъ о «боярскомъ судѣ». Тѣ дѣла, по коимъ на основаніи перваго судебника докладъ былъ обязателенъ

[1]) Т. II, ст. 340.

только для правителей, не имѣвшихъ права «боярскаго суда» [1]), по судебнику 1550 г. требуютъ доклада во всякомъ случаѣ, хотя бы органъ, разбиравшій дѣло, имѣлъ право «боярскаго суда». Докладъ по дѣламъ о холопствѣ производился казначеямъ [2]) — и только впослѣдствіи, послѣ того, какъ дѣла о холопствѣ были окончательно изъяты изъ вѣдѣнія намѣстниковъ, они были сосредоточены въ особомъ центральномъ учрежденіи—приказѣ Холопья Суда. По другимъ дѣламъ докладъ производился прямо думѣ [3]) или—по терминологіи того времени—«великому князю» («судити судъ бояромъ и окольничьимъ... а котораго жалобника а непригоже управити,—и то сказать великому князю»—«на самомъ дѣлѣ великій князь судилъ эти дѣла всегда съ боярами; иногда судили даже одни бояре). Наконецъ докладъ производился и начальникамъ различныхъ центральныхъ учрежденій, особенно такихъ, которые вѣдали извѣстный классъ населенія (...«или къ тому его послати, которому которые люди приказаны вѣдать»).

Изъятіе изъ-подъ судебной власти намѣстниковъ извѣстныхъ разрядовъ *лицъ* также не вызывало появленія новыхъ спеціально судебныхъ приказовъ. Иски между «иногородцами», т.-е. лицами, подсудными различнымъ судебнымъ органамъ, вѣдались казначеями [4]). Различные разряды служилыхъ лицъ вѣдались судомъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, которымъ они вообще были подвѣдомственны (въ Разрядѣ, Стрѣлецкомъ, Пушкарскомъ и др. приказахъ). Лица, получившія жалованныя несудимыя грамоты, а также лица, стоявшія въ зависимости отъ церкви, судились дворецкимъ, а потомъ вѣдались судомъ въ приказѣ Большого Дворца.

Такимъ образомъ совершенно *новыя* центральныя учрежденія съ *спеціально* (или преимущественно) *судебными* функціями возникли только для рѣшенія дѣлъ, *совсѣмъ* изъятыхъ изъ вѣдѣнія областныхъ органовъ управленія и отчасти переданныхъ выборнымъ земскимъ органамъ, отчасти вполнѣ перенесенныхъ въ центральныя учрежденія. Такими дѣлами были дѣла разбойныя, помѣстныя и холопія, изъятіе которыхъ изъ вѣдѣнія намѣстниковъ вмѣстѣ съ передачей разбойныхъ дѣлъ губнымъ старостамъ и сосредоточеніемъ холопьихъ и помѣстныхъ въ рукахъ думы—непосредственно вы-

---

[1]) А именно выдача правыхъ и бѣглыхъ грамотъ по дѣламъ о холопствѣ. I Суд.—ст. 20 и 43; II Суд., ст. 63 и 66. Проф. Ключевскій вообще отождествляетъ „боярскій судъ“ съ судомъ по дѣламъ о холопствѣ. „Б. Дума“, стр. 120—123.

[2]) Указная книга вѣдомства казначеевъ, ст. ст. IV; VIII, XII—XIV; а, б, XVI, а. Кромѣ дѣлъ о холопствѣ казначеямъ производился докладъ по дѣламъ о долгахъ. (ст. VII. IX, XXI,) о правежѣ (ст. III), по искамъ о сносѣ (ст. IV).

[3]) ст. 2. Суд. 1497 г.

[4]) Ук. книга вѣд. казначеевъ, ст. XIV, в.—указъ 30 ноября 1559 г.

звало учрежденіе Разбойнаго и Помѣстнаго приказовъ и Холопья суда.

Этому нашему утвержденію не противорѣчитъ появленіе въ концѣ XVI стол. четырехъ судныхъ приказовъ,—учрежденій несомнѣнно новыхъ, съ спеціально судебными функціями—и въ тоже время возникшими какъ будто въ силу *изъятія служилаго класса* изъ вѣдѣнія областныхъ органовъ. Но, во-первыхъ, эти приказы возникли значительно позже другихъ судебныхъ приказовъ,—въ такую эпоху, когда намѣстниковъ съ прежними широкими функціями почти не существовало въ Московскомъ государствѣ, а—во-вторыхъ—и въ этихъ приказахъ сословный принципъ подсудности господствовалъ далеко не безраздѣльно, но совмѣщался съ принципомъ реальнаго раздѣленія дѣлъ. Какъ указали уже Кавелинъ [1]) и Градовскій [2]), областные судные приказы судили служилыхъ людей только въ тяжбахъ, возникшихъ изъ гражданскихъ правонарушеній, т.-е. въ дѣлахъ, касающихся устройства экономическаго быта служилаго сословія,—а это устройство (къ которому относились также дѣла помѣстныя и холопія) давно уже было изъято изъ вѣдѣнія органовъ областного управленія и сосредоточено въ рукахъ центральнаго правительства.

1. Разбойный приказъ.

Въ постановленіяхъ Судебника 1497 г. мы не встрѣчаемъ еще указаній на выдѣленіе разбойныхъ дѣлъ изъ вѣдомства намѣстниковъ съ «судомъ боярскимъ» и вообще на какое-либо ограниченіе ихъ власти по отношенію къ этому роду судебныхъ дѣлъ [3]).

Разбой не выдѣляется еще здѣсь изъ общей группы «лихихъ дѣлъ». Всѣ эти дѣла въ Москвѣ подлежатъ суду «боярина», т.-е. лица, которому какіе нибудь люди «приказаны вѣдать» [4]), а въ области—суду «бояръ или дѣтей боярскихъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ» [5]). Наказываются лихія дѣла смертью, причемъ въ судѣ центральномъ приговоръ приводится въ исполненіе «тіуномъ великаго князя и дворскимъ»; а въ областномъ судѣ—

---

[1]) Т. I, стр. 72.

[2]) Т. I, стр. 348.

[3]) См. ст. VIII и XXXIX Суд. 1497 г.—здѣсь разбой еще поставленъ въ одной группѣ съ другими преступленіями: „татьбой, душегубствомъ, ябедничествомъ и инымъ какимъ лихимъ дѣломъ".

[4]) Ст. VIII, Суд.

[5]) Ст. 39. Суд. 1497

тіуномъ намѣстника. Намѣстники же и волостели, «которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда» (ст. 44—«а татя и душегубца не пустити и всякаго лихого человѣка безъ докладу не продати, ни купити, ни отпустити») не имѣютъ права безъ доклада рѣшать «лихихъ дѣлъ». Кому именно дѣлался докладъ объ лихихъ дѣлахъ въ эпоху перваго Судебника—самому великому князю или особой боярской коллегіи, спеціально составленной для разбора этихъ дѣлъ во второй инстанціи [1], сказать трудно. Вѣрнѣе, что особой *постоянной* коллегіи еще не существовало, но возможно, что различныя дѣла по докладу областныхъ судей разбирались не всей думой in corpore, а лишь нѣкоторыми ея членами,—преимущественно, вѣроятно, начальниками приказовъ и казначеями, вообще—органами центральнаго управленія.

Однако, спеціальная боярская коллегія для разбора нѣкоторыхъ «лихихъ» дѣлъ, а именно дѣлъ о «вѣдомыхъ разбойникахъ» по докладу областныхъ судей, возникла немедленно вслѣдъ за появленіемъ въ области спеціальныхъ судебно - полицейскихъ органовъ по этимъ дѣламъ; иными словами—начало Разбойнаго приказа стоитъ въ непосредственной связи съ учрежденіемъ должности губныхъ старостъ. Первая изъ извѣстныхъ намъ губныхъ грамотъ—Бѣлозерская, 23 октября 1539 г. [2], говоритъ о «боярахъ въ Москвѣ, которымъ разбойныя дѣла приказаны», князѣ Ив. Дан. Пѣнковѣ съ товарищи. Бѣлозерцы должны прислать этимъ боярамъ списокъ избранныхъ ими «губныхъ головъ»; губные же головы отсылаютъ въ Москву тѣмъ-же боярамъ списокъ, «что будетъ у исцовыхъ исковъ останется разбойничьихъ животовъ», т.-е. списокъ имущества казненныхъ разбойниковъ, оставшагося въ наличности по удовлетвореніи изъ него всѣхъ потерпѣвшихъ («исцовъ»). Первая Бѣлозерская грамота 1539 г. еще ничего не говоритъ о *докладѣ* губныхъ органовъ боярамъ, «которымъ разбойныя дѣла приказаны», въ случаѣ невозможности почему-либо самимъ рѣшить дѣло. Но губная грамота селамъ Кириллова монастыря въ томъ же Бѣлозерскомъ уѣздѣ отъ 27 сентября 1549 г. [3]) уже прямо упоминаетъ о случаѣ невозможности «управы чинити», и велитъ въ этомъ случаѣ отписывать «къ бояромъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла», а бояре (являющіеся второй инстанціей)

---

[1]) Другими словами—существовали ли уже тогда *три* инстанціи по разбойнымъ дѣламъ (одна въ области и двѣ въ центрѣ) или только *двѣ* (намѣстникъ и великій князь съ думой).

[2]) А. А. Э., т. I, № 187. Дословно сходна съ нею и издана того-же года, мѣсяца и числа Каргопольская губная грамота,—Д. А. И. I, № 31.

[3]) А. А. Э., т. I, № 224.

докладываютъ объ этихъ дѣлахъ великаго князя и сообщаютъ губнымъ органамъ рѣшеніе по этимъ дѣламъ [1]).

Самое названіе «Разбойной избы» встрѣчается только въ 1571 г. въ «царскомъ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ и цѣловальникамъ» [2]), обыкновенно извѣстномъ подъ именемъ «второй Бѣлозерской губной грамоты».

Однако, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что уже въ 40-хъ и 50 хъ годахъ XVI стол. существовало въ Москвѣ вполнѣ сложившееся учрежденіе [3])—боярская коллегія съ прикомандированными къ ней нѣсколькими дьяками,—вѣдавшее въ качествѣ второй инстанціи (между областнымъ судомъ и судомъ государя съ думой) разбойныя дѣла въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были введены губныя учрежденія, и имѣвшее общій надзоръ за дѣятельностью этихъ учрежденій и за личнымъ составомъ губныхъ органовъ. Шалфѣевъ въ своемъ изслѣдованіи объ Уставной книгѣ Разбойнаго приказа перечисляетъ слѣдующія функціи этого приказа въ XVI вѣкѣ:— 1) искорененіе «вѣдомыхъ лихихъ людей» [4]), т.-е. «облихованныхъ» на повальномъ обыскѣ [5]), впослѣдствіи также взятыхъ съ поличнымъ или по «язычной молкѣ»—по оговору пытаемаго «лихого человѣка»—въ отличіе отъ задержанныхъ по жалобѣ или по подозрѣнію, «безъ довода»; эти послѣдніе судились «судомъ», а не «розыскомъ», безъ примѣненія пытки, и не относились къ разряду «вѣдомыхъ лихихъ людей» [6]); прочіе лихіе люди не подлежали вѣдомству губныхъ учрежденій, а вѣдались судомъ сначала у намѣстниковъ, а потомъ у замѣнившихъ ихъ земскихъ выборныхъ судей (высшей же инстанціей для разбора ихъ дѣлъ служилъ *Судный приказъ*); 2) наблюденіе за службой губного начальства и судъ надъ нимъ: губные старосты цѣловальники и дьяки приводились въ Разбойномъ приказѣ къ крестному цѣлованію передъ вступленіемъ въ должность (впослѣдствіи — по Уложенію — въ Москвѣ цѣловали крестъ только губные старосты, а прочіе чины—на мѣстѣ [7]); здѣсь

---

[1]) Судебникъ 1550 г. (ст. 60) говоритъ уже о губныхъ старостахъ, какъ объ учрежденіи повсемѣстномъ, независимомъ отъ намѣстниковъ.

[2]) А. А. Э., т. I, № 281, дьяки Угримъ Горсткимъ и Станиславовъ.

[3]) Именно къ этому времени—къ 1555 г.—наши изслѣдователи—Шалфѣевъ и пр. Владимірскій—Будановъ, относятъ первое изданіе Уставной книги Разбойнаго приказа за приписью дьяковъ Андрея Щелкалова и Мясоѣда Вислова. См. Уст. кн. *Земскаго приказа*, ст. IV, А. Ист., т. III, № 92;—здѣсь упомянута указная книга Разб. пр. 7064 г.

[4]) См. губныя грамоты, напечатанныя въ А. А. Э., т. I, №№ 187, 192, 194, I и II, 224, 281, 390; т. IV, №№ 159 и 237; А. Ист. Допол. т. I, № 31.

[5]) См. Уст. книгу Разб. пр. ст. I—21.

[6]) См. Уст. кн. Разб. пр. ст. 18.

[7]) См. Уст. кн. Разб. пр. (А. Ист. т. III, № 167), ст. 59.

же они отвѣчали по предъявленнымъ на нихъ гражданскимъ искамъ [1]), отсюда получали, послѣ принесенія присяги, «наказъ», которымъ должны были руководиться въ своей судебной дѣятельности; 3) докладъ царю для рѣшенія дѣлъ, которыхъ губные старосты не могли разрѣшить сами (по недостатку закона или обычая); 4) окончательное (во второй инстанціи) рѣшеніе дѣлъ о вѣдомыхъ лихихъ людяхъ (преимущественно такихъ дѣлъ, которыя должны были рѣшаться губными старостами разныхъ избъ), и наблюденіе за ихъ наказаніемъ. Введеніе губныхъ учрежденій произошло лѣтъ на пятнадцать раньше введенія въ большей части государства земскаго самоуправленія (1539 г. - 1556 г.) и по характеру и значенію своему первая мѣра московскаго правительства имѣла мало общаго со второй, хотя обѣ онѣ клонились къ ограниченію власти намѣстниковъ. Прежде всего, является вопросъ, въ какой мѣрѣ оба эти института (губныхъ старостъ и земскихъ судей и цѣловальниковъ) являлись результатомъ самостоятельной инціативы московскаго правительства—и въ какой мѣрѣ онѣ являлись только удовлетвореніемъ желаній самихъ общинъ, неоднократно выражавшихся въ ихъ челобитіяхъ? Тотъ или другой отвѣтъ на этотъ вопросъ заставитъ насъ признать эти институты простыми органами государственнаго управленія (на которые государство sua sponte возложило нѣкоторыя свои функціи),—какъ это дѣлаетъ г. Чичеринъ въ своемъ трудѣ: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.»—или же органами автономнаго управленія общинъ, основанными на старинномъ, исконномъ принципѣ земскаго самоуправленія,—принципѣ болѣе древнемъ, чѣмъ само государство и потому независимомъ отъ государственной власти: въ такомъ случаѣ вся роль центральнаго правительства по введенію губныхъ и земскихъ учрежденій сведется къ уничтоженію позднѣйшихъ административныхъ наслоеній, прикрывшихъ собою автономную общину, и къ возвращенію общинамъ ихъ прежняго значенія. Возможны, конечно, отвѣты, примиряющіе эти два крайнихъ мнѣнія, допускающіе взаимодѣйствіе инціативы правительства и населенія во введеніи губныхъ и земскихъ учрежденій. Такой взглядъ на дѣло наиболѣе близокъ къ истинѣ и принятъ большинствомъ нашихъ изслѣдователей, но всетаки можно придавать сравнительно большее или меньшее значеніе тому или другому фактору въ дѣлѣ проведенія обѣихъ реформъ. По нашему мнѣнію, вопросъ о взаимодѣйствіи инціативы правительства и общинъ въ дѣлѣ введенія губныхъ учрежденій надо совершенно отдѣлить отъ

---

[1]) Ib., *ст.* 60.

подобнаго же вопроса относительно земской реформы 1555—1556 гг.: отвѣты на оба вопроса будутъ совершенно различны.

Во введеніи губныхъ учрежденій правительство играло гораздо болѣе активную роль, чѣмъ въ реформахъ 50-хъ г.г. Въ этихъ послѣднихъ реформахъ оно только пошло навстрѣчу желаніямъ общинъ, такъ какъ ихъ интересы вполнѣ совпадали съ его собственными. Финансовые интересы правительства требовали *отдѣленія* сбора мѣстныхъ доходовъ отъ мѣстной администраціи и сосредоточенія первыхъ въ рукахъ приказныхъ органовъ, всецѣло подчиненныхъ центральному правительству (такими органами и являлись чети); того же требовали административные интересы общинъ: хорошее мѣстное управленіе было немыслимо, пока оно носило характеръ кормленія и являлось только источникомъ извлеченія доходовъ изъ управляемыхъ. Такимъ образомъ, *различные по существу* интересы правительства и общинъ здѣсь совпадали и требовали одной и той же мѣры—уничтоженія намѣстническаго правленія. И правительство провело эту мѣру, удовлетворяя безпрестаннымъ челобитіямъ общинъ и соблюдая въ то же время собственные весьма важные интересы. Но интересы эти, какъ сказано, касались только *финансовой* стороны мѣстнаго управленія: административно-же судебная сторона его, мѣстное управленіе въ *тѣсномъ* смыслѣ слова мало интересовало правительство. Придавъ ему такую форму, которая не противорѣчила его финансовымъ интересамъ и въ то же время совпадала съ желаніями населенія (что, однако, для правительства было вопросомъ второстепеннымъ), московское провительство мало заботилось затѣмъ о ходѣ и внутреннемъ устройствѣ земскаго самоуправленія, о свойствѣ дѣятельности земскихъ судей и цѣловальниковъ. Оно предоставило ему сначала идти своимъ чередомъ, не создало никакихъ *особыхъ* центральныхъ органовъ для надзора надъ нимъ и для направленія его дѣятельности: чети были—первыя 20—25 лѣтъ своего существованія—исключительно финансовыми, фискальными учрежденіями и приходили въ соприкосновеніе съ органами земскаго самоуправленія лишь по вопросамъ финансоваго управленія. Административное значеніе—надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ и право разрѣшенія различныхъ вопросовъ этого управленія—онѣ получали только съ теченіемъ времени, когда земское самоуправленіе пало подъ ударами внѣшнихъ войнъ и событій смутнаго времени, когда явилось сознаніе необходимости тѣсной связи центральнаго правительства съ областями, связи не только внѣшней, военно-финансовой, но и внутренней—административной. Четямъ, какъ органамъ для надзора за финансовымъ управленіемъ областей, всего легче и естественнѣе было принять на себя и общій надзоръ

за ходомъ мѣстнаго управленія, какъ земскаго, такъ и приказнаго, воеводскаго. Совсѣмъ иное видимъ мы въ ходѣ развитія губныхъ учрежденій.

Эти учрежденія требовались односторонними интересами общинъ: правительство отъ нихъ ничего не выигрывало въ финансовомъ отношеніи. Если оно согласилось на ихъ введеніе, то, вѣроятно, потому только, что они ограничивали власть намѣстниковъ, а къ ограниченію этой власти правительство давно уже стремилось—скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно; власть эту оно пока ограничивало исключительно *частными* мѣрами и разными изъятьями:—жалованными и несудимыми грамотами,—а не общими положеніями. Изъятіе губныхъ дѣлъ (вѣдомаго разбоя) изъ вѣдѣнія намѣстниковъ было сначала тоже частной мѣрой, почему правительство, вѣроятно, и не думало о распространеніи этой мѣры на все государство. Губныя грамоты въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ давались только по челобитьямъ отдѣльныхъ общинъ и распространеніе губныхъ учрежденій шло медленно и постепенно,—такъ сказать—естественнымъ путемъ. Они не были введены никакимъ общимъ законодательнымъ актомъ, но частными распоряженіями, особыми для каждой мѣстности грамотами. Не то было съ земскимъ самоуправленіемъ. Издавъ по челобитіямъ общинъ нѣсколько уставныхъ грамотъ [1]), правительство очень скоро—черезъ четыре года [2])—пришло къ мысли о повсемѣстномъ упраздненіи намѣстничьяго управленія и привело эту мысль въ исполненіе въ большей части государства.

Губныя учрежденія по своему характеру и первоначальному значенію не представляли изъ себя чего либо существенно *новаго* по отношенію ко всѣмъ существовавшимъ раньше,—еще съ XIV в.—изъятіямъ изъ власти намѣстниковъ въ пользу общинъ или частныхъ владѣльцевъ,—изъятіямъ, опредѣлявшимся въ разныхъ жалованныхъ грамотахъ.

Поэтому развитіе ихъ шло сначала по тому же пути, какъ развитіе всѣхъ этихъ частныхъ изъятій, привилегій. Московское правительство, освобождая въ извѣстномъ отношеніи какую-нибудь территорію отъ подчиненія власти намѣстника, непремѣнно ставило ее въ непосредственныя отношенія съ какимъ нибудь центральнымъ органомъ управленія—лицомъ (дворецкимъ, казначеемъ) или учрежденіемъ, чтобы не порвать связи этой мѣстности съ

---

[1]) Древнѣйшая изъ нихъ—Плесская—отъ 28 февр. 1551 г. затѣмъ—Важская—21 марта 1552 г. А. А. Э., I, № 234.

[2]) Въ Переяславской уставной грамотѣ 1555 г.—А. А. Э., I, № 242, потомъ въ актѣ, отпечатанномъ Татищевымъ 20 сент. 7064 г. (1556 г.).

центромъ и съ верховной властью, той связи, которая раньше поддерживалась черезъ намѣстника. Такъ и теперь—мѣстности, освобожденныя отъ намѣстничья суда по губнымъ дѣламъ, были тотчасъ же подчинены суду центральному—«бояръ, которымъ разбойныя дѣла приказаны». Иначе недоставало бы посредствующей инстанціи между верховною властью и данной мѣстностью. Съ теченіемъ времени, когда губныя учрежденія, сдѣлавшись изъ частнаго явленія общимъ правиломъ, изъ привилегіи обратились въ органы центральнаго правительства, избраніе которыхъ стало обязательнымъ для населенія. эта посредствующая инстанція, имѣвшая вначалѣ характеръ личный и случайный (выразившійся въ самомъ ея наименованіи), преобразовывается въ постоянное центральное учрежденіе, съ строго опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства.

Въ эпоху второго Судебника губные старосты были явленіемъ общимъ и повсемѣстнымъ [1]): уже поэтому одному можно думать, что Разбойный приказъ. какъ учрежденіе, существовалъ около 1550 г. Упоминаніе объ «уставной книгѣ Разбойнаго приказа» 7064 г. (1555 г. [2]) окончательно утверждаетъ насъ въ этомъ мнѣніи.

Чѣмъ же однако обусловливалось различное отношеніе московскаго правительства къ дѣятельности губныхъ и земскихъ учрежденій, его строгая опека и неуклонный надзоръ за первыми и почти полное равнодушіе ко вторымъ, поскольку они не касались его финансовыхъ интересовъ?—Губное дѣло, какъ видно уже изъ первой губной грамоты—Бѣлозерской 1539 г.,—съ самаго начала признавалось не только правомъ, но и *обязанностью*, *повинностью* общинъ, за неисполненіе которой имъ грозитъ «казнь и продажа»; тутъ видимъ не только гражданскую круговую отвѣтственность членовъ общины за имущественную безопасность въ ея предѣлахъ (эта отвѣтственность влечетъ за собой уплату исковъ «тѣхъ людей, «которыхъ въ вашей волости разобьютъ»—и даже двойныхъ исковъ), но и отвѣтственность уголовную за соблюденіе тишины и порядка. Правительство съ самаго начала смотритъ на губныхъ старостъ, какъ на органы, вполнѣ замѣняющіе намѣстниковъ въ отправленіи нѣкоторыхъ ихъ функцій. На намѣстникахъ же лежала *обязанность*, а не право только (какъ думаетъ Дмитріевъ) преслѣдовать и истреблять лихихъ людей.

Эта обязанность и перешла теперь на губныхъ старостъ, при чемъ финансовое значеніе уголовнаго суда по губнымъ дѣламъ для центральнаго правительства ни въ чемъ не измѣнилось: какъ

---

[1]) ст. 60 Суд. 1550 г.

[2]) А. И. III, № 167 и А. А. Э., II, № 225 (неполный списокъ).

раньше оно не получало отъ нихъ никакихъ доходовъ, такъ не получало ихъ и теперь. Именно, въ этомъ *финансовомъ безразличіи* губного дѣла для московскаго правительства и надо искать причину *болѣе активнаго* отношенія къ нему этого правительства, стремленія централизировать губное вѣдомство, подчинивъ его одному для всей территоріи государства учрежденію, стремленія превратить губныхъ старостъ въ приказные органы центральнаго правительства (именно этимъ стремленіемъ объясняется требованіе, чтобы губные старосты избирались *непремѣнно* изъ дѣтей боярскихъ).—Такой взглядъ можетъ показаться страннымъ, но эта странность изчезнетъ, если глубже всмотрѣться въ дѣло.

Въ губномъ дѣлѣ денежная, финансовая сторона не заслоняла собою въ глазахъ правительства стороны собственно административной,—интересовъ управленія,—какъ это случилось нѣсколько лѣтъ спустя съ земскимъ дѣломъ. Вводя губныя учрежденія, правительство имѣло въ виду только интересы мѣстной безопасности, т.-е. интересы общинъ, а не свои собственные [1]).

Принявъ эти интересы подъ свою защиту, оно естественно стремилось сохранить за собою контроль надъ органами, которымъ оно поручило ихъ охраненіе. Что правительство, дѣйствительно, приняло подъ свою защиту охраненіе безопасности въ предѣлахъ общинъ, видно изъ того, что еще до учрежденія института губныхъ старостъ оно стало посылать въ волости «обыщиковъ» для поимки «вѣдомыхъ лихихъ людей», «разбойниковъ»; эти обыщики были приказными органами въ строгомъ смыслѣ слова. Значитъ, правительство признало неудовлетворительной дѣятельность намѣстниковъ и волостелей по губнымъ дѣламъ. Исключая губное дѣло изъ ихъ вѣдѣнія, оно руководилось интересами населенія, между тѣмъ какъ, вводя земское самоуправленіе въ 50-хъ г.г., оно (несмотря на всѣ его увѣренія—въ Переяславской уст. грамотѣ и въ актѣ 1556 г.) заботилось только о своемъ финансовомъ интересѣ. Ему важно было не введеніе самоуправленія, а уничтоженіе намѣстнической власти. Самоуправленіе явилось само собой, какъ необходимое слѣдствіе этого уничтоженія: верхній слой мѣстной администраціи былъ снятъ—открылся нижній. Правительство, конечно, предвидѣло этотъ результатъ, но нисколько не стремилось къ нему, какъ и не старалось его предотвратить. Онъ былъ для него безразличенъ. Правительству надо было только установить

---

[1]) При современныхъ взглядахъ на задачи государственной дѣятельности—такое различіе интересовъ государственныхъ и мѣстныхъ и отнесеніе къ послѣднимъ задачъ общественной безопасности и благоустройства, конечно, невозможно, но при тогдашнихъ понятіяхъ оно было вполнѣ естественно.

непосредственныя отношенія съ плательщиками налоговъ, а какъ эти плательщики будутъ устраивать свои внутреннія дѣла—свой гражданскій бытъ—это ему было безразлично. Правда, скоро оно сознало неудобство такого порядка вещей, и, придя къ этому сознанію, оно создало новые органы для надзора и опеки надъ земскимъ самоуправленіемъ,—органы, которые мало-по-малу совсѣмъ подавили его, подчинили его себѣ, вмѣсто того, чтобы только направлять его дѣятельность въ общихъ государственныхъ цѣляхъ.

Но въ XVI в.—при учрежденіи четей—правительство еще не включало въ кругъ своихъ задачъ заботъ о гражданскомъ устройствѣ общинъ, о регулированіи многообразныхъ отношеній ихъ внутренней жизни, поскольку эти отношенія не затрогивали военныхъ и финансовыхъ интересовъ государства. Только заботу о личной и имущественной безопасности своихъ подданныхъ въ предѣлахъ общинъ правительство уже давно сознало и приняло на себя—правда, пока еще не въ полномъ ея объемѣ. Оно считало своей обязанностью пока только охрану населенія отъ «вѣдомыхъ лихихъ людей», всѣмъ извѣстныхъ нарушителей закона и общаго блага, которыхъ правительство ставило поэтому какъ бы *внѣ* закона, не давая имъ *«суда»*—обыкновеннаго, легальнаго обвинительнаго процесса, а сначала просто приказывая ловить и казнить ихъ, если только окажется, что пойманный—дѣйствительно *«вѣдомый лихой человѣкъ»*, а потомъ, создавъ для нихъ особую форму слѣдственнаго процесса—«розыска», носившаго первое время характеръ экстраординарности, почему онъ и не допускалъ сначала доклада (о которомъ ничего не говорится въ губныхъ грамотахъ до 1571 г.). Вотъ почему правительство изъяло губное дѣло изъ вѣдѣнія намѣстниковъ (такъ какъ не могло считать ихъ своими подчиненными органами въ полномъ смыслѣ слова), поручивъ его своимъ «обыщикамъ», а когда оказалось, что и эти «обыщики» не удовлетворяютъ возложенной на нихъ задачи и являются только тягостью для общинъ, правительство упразднило ихъ и передало губное дѣло въ руки *самого населенія*. До сихъ поръ, слѣдуя общепринятому словоупотребленію, мы, говоря о губныхъ учрежденіяхъ, всюду употребляли слово: «община», «общинные органы». Но это не точно: губные старосты (за исключеніемъ первыхъ лѣтъ своего существованія, когда они были сословными крестьянскими органами) были органами *всесословными*, а не общинными, такъ какъ всесословной общины у насъ никогда не существовало. Слово «общинный» примѣняется вполнѣ правильно къ земскому самоуправленію, введенному въ 50-хъ г.г.,

такъ какъ органы этого самоуправленія избирались только черными людьми (крестьянами и посадскими), которые одни входили въ состахъ общинъ, и изъ своей же среды. Органы же губные избирались *всѣмъ* населеніемъ данной мѣстности, безъ различія сословій, и избирались именно изъ того класса, который никогда не входилъ въ составъ общинъ, изъ лицъ служилаго класса.

Регулируя губное дѣло, правительство, конечно, заботилось о безопасности лицъ всѣхъ классовъ, а не однихъ только членовъ общинъ—черныхъ людей: поэтому оно и поручило губное дѣло всему населенію. Приказывая же избирать губныхъ старостъ изъ дѣтей боярскихъ, оно тѣмъ самымъ ясно показало, что не хочетъ придавать этимъ органамъ *земскаго* характера, который неминуемо придалъ бы имъ извѣстную самостоятельность отъ контроля центральнаго правительства, а хочетъ сохранить за ними значеніе *своихъ мѣстныхъ* органовъ, поручивъ эти должности служилымъ людямъ низшаго класса, какъ разъ того класса, который наиболѣе крѣпко и неразрывно былъ связанъ съ Москвой и съ центральнымъ привительствомъ. Поручивъ губное дѣло выборнымъ органамъ, правительство смотрѣло на нихъ, какъ на *свои* органы, исполняющіе государственныя функціи; исполненіе этихъ функцій *возложено* на нихъ, какъ обязанность, а не *уступлено* имъ, какъ *право*. Правительство поэтому и не выпускало изъ своихъ рукъ контроля надъ дѣятельностью губныхъ учрежденій, старалось централизовать ее, влить ее въ одинаковыя для всего государства формы. Объ этомъ стремленіи правительства свидѣтельствуетъ раннее изданіе «Разбойнаго устава» въ 1555 г.

Представителемъ только что высказаннаго взгляда на первоначальное значеніе губныхъ учрежденій является въ нашей литературѣ Чичеринъ въ своемъ трудѣ: «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ» [1]). Иной взглядъ выраженъ Градовскимъ. Онъ различаетъ *два* момента въ эволюціи губныхъ учрежденій. Сначала они носили, по его мнѣнію, характеръ льготы, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ исключеніемъ, не имѣя общаго значенія; затѣмъ, получивъ такое общее значеніе, они получили вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ повинности, возложенной на крестьянъ [2]). Превращеніе это произошло въ концѣ правленія Грознаго. Но и «короткій періодъ его существованія, какъ льготы, губное учрежденіе представляетъ *два* момента развитія». До 1550 г. губное дѣло не отличается исключительно земскимъ характеромъ, а сохраняетъ нѣкоторую долю приказнаго, служебнаго значенія. По-

---

[1]) См. стр. 449—500.

[2]) Т. II, стр. 213—215.

слѣ 1550 г. (или около того времени (губное дѣло соединяется съ земскимъ самоуправленіемъ, изъ всесословнаго дѣлается крестьянскимъ, изъ обще-уѣзднаго-общиннымъ или волостнымъ [1]). Такимъ образомъ, Градовскій, строго говоря, согласенъ съ Чичеринымъ въ его воззрѣніяхъ на первоначальный характеръ губныхъ учрежденій въ періодъ ихъ возникновенія; между прочимъ, онъ вмѣстѣ съ Чичеринымъ—(стр. 451) и вопреки Дмитріеву (op. cit., стр. 52) отрицаетъ первоначальную *повсемѣстность* губныхъ учрежденій—(стр. 212). Хотя онъ и отказывается признать возможность «установленія повинности по челобитію самихъ общинъ» и не хочетъ поэтому согласиться съ мнѣніемъ Чичерина, что правительство видѣло въ губномъ управленіи... государственное дѣло и только по недостатку собственныхъ средствъ... возлагало это дѣло на общины», однако далѣе онъ самъ соглашается, что правительство, возлагая губное дѣло на крестьянство—«(на самомъ дѣлѣ—не на одно крестьянство, а на всѣ сословія)», —«оставило за нимъ нѣкоторую долю *приказнаго*, *служебнаго* значенія». Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что правительство возложило на общины повинность «по ихъ же челобитію»: оно, дѣйствительно считало губное дѣло *своимъ*, а не общиннымъ, имѣло для него и *свои* органы—недѣльщиковъ, обыщиковъ; но эти органы оказались несостоятельны, не удовлетворяли желаніямъ ни самого правительства, ни общинъ. Общины просятъ правительство освободить ихъ отъ этихъ неудачныхъ губныхъ органовъ, возложить губное дѣло на нихъ самихъ. Правительство, видя свою слабость, невозможность собственными средствами отправлять губное дѣло, соглашается исполнить просьбу общинъ и кладетъ на нихъ губное дѣло, но, конечно, не какъ право, не какъ привилегію, а какъ *обязанность*: оно не только позволяетъ населенію ловить и казнить преступниковъ, но *предписываетъ* ему это подъ страхомъ отвѣтственности за неисполненіе предписанія. Гдѣ же тутъ льгота? Какая привилегія осуществляется подъ страхомъ «продажи и казни»? Но мы видѣли, что самъ Градовскій готовъ признать «служебное», «приказное» значеніе первоначальныхъ губныхъ органовъ—этимъ онъ уже косвенно признаетъ, что губное дѣло было не привилегіей, а обязанностью общинъ.

Рѣшительно расходится Градовскій съ Чичеринымъ въ своихъ взглядахъ на отношеніе губныхъ учрежденій къ земскому самоуправленію 50-хъ г.г. По мнѣнію Градовскаго, правительство «*соединило* губное дѣло съ земскимъ крестьянскимъ управленіемъ», вмѣсто губныхъ старостъ стали дѣйствовать земскіе старосты,

---

[1]) id. стр. 214.

судьи, цѣловальники. Такой взглядъ кажется намъ совершенно неправильнымъ. Правда, съ введеніемъ земскаго самоуправленія одни и тѣ же лица часто избирались и *земскими* старостами, и *губными* и, такимъ образомъ, соединяли въ своихъ рукахъ *мѣстное управленіе* (и органически неразрывно связанный съ нимъ судъ по гражданскимъ дѣламъ [1]) съ *губнымъ дѣломъ* (уголовнымъ судомъ по «вѣдомымъ лихимъ дѣламъ»). Но это было соединеніе двухъ совершенно разнородныхъ функцій въ рукахъ одного лица, а не слитіе воедино двухъ различныхъ вѣдомствъ. Что правительство именно такъ смотрѣло на соединеніе въ рукахъ однихъ и тѣхъ же органовъ земскаго и губного дѣла, на это указываетъ то обстоятельство, что земскіе выборные органы, получившіе «губное право», по губнымъ дѣламъ сносились исключительно съ *Разбойнымъ приказомъ*, хотя вообще подлежали вѣдомству четей. Да и то надо замѣтить, что такое соединеніе земскаго и губного дѣла въ рукахъ одного органа имѣло мѣсто *только* въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше, до земской реформы, вовсе *не было* губныхъ учрежденій.—Тамъ же, гдѣ губные старости избирались уже до реформы 50-хъ г.г., они продолжали свою дѣятельность въ прежнемъ объемѣ. Земскіе органы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ *совсѣмъ не имѣли права* вмѣшиваться въ губное дѣло (о чемъ прямо сказано въ уставныхъ грамотахъ); въ другихъ они только присутствовали на судѣ губныхъ старостъ въ качествѣ цѣловальниковъ, совершенно такъ же, какъ раньше выборные органы отъ общинъ присутствовали на судѣ намѣстниковъ. Вотъ это-то *присутствіе* земскихъ органовъ на судѣ губныхъ старостъ и указываетъ яснѣе всего на *приказный*, *государственный*, а не земскій характеръ функцій послѣднихъ. Если бы губные старосты были настоящими земскими органами, то какой смыслъ имѣло бы присутствіе на ихъ судѣ—въ видахъ контроля правосудія и обезпеченія земскихъ интересовъ—еще другихъ земскихъ органовъ? Именно потому и надо было сидѣть земскимъ цѣловальникамъ у суда губныхъ старостъ, что эти старосты, какъ люди служилые и настоящіе приказные органы правительства, оставались чужими интересамъ «земства», т.-е. «черныхъ людей» (такъ какъ самоуправленіе дано было только чернымъ людямъ, а не всему населенію). Наконецъ, когда самостоятельность земства стала уже падать, правительство стало передавать губнымъ старостамъ—въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ—и гражданскій судъ, и надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ, пока

---

[1]) И по уголовнымъ, кромѣ „вѣдомыхъ лихихъ дѣлъ", которыя одни признавались публичными правонарушеніями, а всѣ прочія—частными—и преслѣдовались гражданскимъ порядкомъ—обвинительнымъ „судомъ", а не слѣдственнымъ „сыскомъ".

ему не удалось создать новыхъ приказныхъ органовъ съ сильной исполнительной и распорядительной властью для руководства всѣмъ ходомъ мѣстнаго управленія въ лицѣ «городовыхъ воеводъ». Передача губнымъ старостамъ всего мѣстнаго управленія или только надзора за дѣятельностью земства прямо указываетъ на то значеніе, которое московское правительство придавало этой должности. Оно всегда считало губныхъ старостъ *своими*, а не земскими органами, представителями интересовъ *служилаго* сословія, а *слѣдовательно*—и центральнаго правительства, такъ какъ интересы служилаго класса (мы говоримъ не о боярахъ—*вотчинникахъ*, а о дѣтяхъ боярскихъ и дворянахъ—*помѣщикахъ*) въ XVI и XVII в.в. были тождественны съ интересами центральнаго правительства и наоборотъ. Введеніе губныхъ учрежденій въ XVI в. имѣетъ значеніе отдѣленія уголовнаго суда (въ его тогдашнемъ объемѣ) отъ администраціи и порученія его особымъ органамъ, избираемымъ *всѣмъ* населеніемъ изъ среды *правящаго* (служилаго) класса, но дѣйствующимъ въ качествѣ органовъ правительства, а не населенія. Въ этомъ отношеніи губная реформа имѣетъ много общаго съ судебной реформой императрицы Екатерины II. Какъ тамъ, такъ и здѣсь судьи избираются лицами, имъ подсудными (въ XVI в.—всѣмъ населеніемъ губы, въ XVIII в.—соотвѣтствующимъ сословіемъ), но дѣйствуютъ, какъ правительственные чиновники и зависятъ *исключительно* отъ центральнаго правительства, которому обязаны самой строгой отвѣтственностью.

Тотъ фактъ, что въ XVII в. губные органы окончательно пріобрѣли служебный, приказный (такъ что иногда правительство даже *прямо назначало* ихъ, безъ всякихъ выборовъ) характеръ и губное дѣло являлось уже обязанностью, а не правомъ общинъ—вполнѣ признаетъ и Градовскій: начало этого порядка онъ относитъ ко времени «второй Бѣлозерской грамоты», 1571 г. [1]). Подобно этому и Дмитріевъ [2]) полагаетъ, что со времени Ивана IV губныя учрежденія распространились по всей территоріи государства и избраніе губныхъ старостъ сдѣлалось *обязанностью* общинъ, тогда какъ раньше это было ихъ правомъ. Этотъ взглядъ справедливъ въ томъ смыслѣ, что пока еще существовали правительственные органы для поимки и казни разбойниковъ—недѣльщики и обыщики—до тѣхъ поръ избраніе губныхъ старостъ общинами было, конечно, вполнѣ факультативнымъ и зависѣло отъ ихъ собственнаго желанія (которое правительство могло еще и не удовлетворить); но какъ только правительство, убѣдившись въ несостоятельности своихъ

[1]) То же мнѣніе высказываетъ и Шалфѣевъ—op. cit., стр. 71.

[2]) op. cit., ср. 52 s. 22.

приказныхъ органовъ по губному дѣлу, упразднило ихъ, такъ сейчасъ же и явилась необходимость *обязательнаго* и *повсемѣстнаго* избранія губныхъ старостъ самими общинами и губное дѣло легло теперь на само населеніе, независимо отъ его желанія или нежеланія. Относительно самаго характера власти губныхъ старостъ, г. Дмитріевъ дѣлитъ ихъ исторію на два періода: въ первомъ періодѣ—до царствованія Михаила Ѳеодоровича—власть ихъ отличалась мѣстнымъ, общиннымъ характеромъ, не выходила за предѣлы «губы» (небольшого округа. «присуда»,—меньше уѣзда,—едва ли не равнявшагося стану) [1]); со временъ же Михаила Ѳеодоровича эта власть стала. по выраженію Дмитріева, «центральной», т.е. стала обнимать цѣлый уѣздъ и вмѣстѣ съ тѣмъ получила приказный характеръ. Итакъ, приказный характеръ губныхъ учрежденій въ XVII в. не подвергается сомнѣнію въ нашей литературѣ и споры идутъ только объ ихъ первоначальномъ значеніи. Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ, что Разбойный приказъ, какъ центральное учрежденіе для надзора за дѣятельностью губныхъ учрежденій, долженъ былъ возникнуть, какъ только эти утрежденія, замѣнившія собою прежнихъ обыщиковъ (а не непосредственно намѣстниковъ) [2]) потеряли характеръ исключительности (но не *льготы* котораго у нихъ никогда и не было) и распространились, если не по всему государству, то по значительной части его территоріи. Поэтому въ эпоху перваго Судебника мы не видимъ еще никакихъ слѣдовъ существованія Разбойнаго приказа, въ 40-хъ г.г. XVI ст. находимъ уже въ Москвѣ «бояръ, которымъ разбойныя дѣла приказаны», а въ эпоху царскаго Судебника, Разбойный приказъ уже очевидно существуетъ, какъ учрежденіе центральное съ *судебнымъ* характеромъ.

До конца 40-хъ г.г. коллегія «бояръ, которымъ разбойныя дѣла приказаны», еще не имѣла ясно выраженнаго *судебнаго* характера. да и не являлась, пожалуй, *постояннымъ учрежденіемъ* съ строго опредѣленнымъ кругомъ вѣдомства, а скорѣе измѣнчивой по своему составу комиссіей, которой порученъ только общій надзоръ за извѣстной отраслью управленія. Причина этого измѣненія временной комиссіи съ функціями исключительно *административнаго* надзора въ постоянное судебное учрежденіе.—измѣненія, которое дѣлается очевиднымъ въ губной грамотѣ селамъ Кириллова мо-

---

[1]) Шалфѣевъ опровергаетъ это мнѣніе Дмитріева о первоначальномъ размѣрѣ губы.

[2]) Что очень важно,—такъ какъ показываетъ, что правительство давно уже стало смотрѣть на губное дѣло, какъ на свое собственное, почему и изъяло его изъ вѣдѣнія намѣстниковъ, передавъ его своимъ органамъ—обыщикамъ.

настыря, — 1549 г. [1]), заключается въ измѣненіи самаго характера власти губныхъ головъ и старостъ; раньше это была власть исключительно слѣдственная и полицейская: они только ловили лихихъ людей, удостовѣряли помощью «повальнаго обыска» и другихъ, указанныхъ грамотами, средствъ ихъ принадлежность къ «вѣдомымъ лихимъ»,—и затѣмъ казнили ихъ безъ всякаго суда; теперь (съ 1549 г., насколько намъ извѣстно, но, можетъ быть, и раньше [2]) ихъ власть получаетъ характеръ судебный: процессъ «вѣдомыхъ лихихъ людей» изъ экстраординарнаго дѣлается ординарнымъ (хотя сохраняетъ новую форму «розыска», а не возвращается къ старой, обычной формѣ «суда»), губные органы не только ловятъ и казнятъ разбойниковъ, но и судятъ ихъ, благодаря чему становится понятнымъ и возможнымъ «докладъ» дѣла высшей инстанціи, въ случаѣ невозможности или затруднительности его рѣшенія. Конечно, этотъ докладъ естественнѣе всего было дѣлать тѣмъ самымъ «боярамъ», которымъ разбойныя дѣла приказаны», которымъ уже посылались списки избранныхъ губныхъ головъ, за подписью избирателей, и списки оставшагося въ наличности имущества казенныхъ лихихъ людей. И какъ только мѣстные губные органы стали дѣлать «доклады» въ эту боярскую комиссію, она обратилась въ постоянное учрежденіе съ судебными функціями—«Разбойную губу»,—Разбойный приказъ [3]): около 1555 г. это учрежденіе составляетъ уже «указную книгу» и разсылаетъ ее для руководства губнымъ органамъ всего государства. Кругъ его вѣдомства обнималъ все государство, кромѣ Москвы и ея уѣзда, подчиненныхъ въ отношеніи суда и полиціи вообще (а не одного только губного дѣла) Земскому приказу. Впрочемъ, въ періодъ отъ 1681 г. по 1687 г. онъ вѣдалъ разбойныя дѣла и въ Москвѣ съ ея уѣздомъ [4]). Въ 80-хъ г.г. XVII стол. Разбойный приказъ нѣсколько разъ перемѣнилъ свое названіе: въ 1682 г. онъ названъ «Разбойнымъ Сыскнымъ» [5]), въ 1683 г.—просто «Сыскнымъ» [6]), въ

---

[1]) А. А. Э., Т. I, № 224.

[2]) Въ губной грамотѣ селамъ Троице-Сергіева монастыря 1541 г. о „докладѣ" губныхъ старостъ боярамъ ничего еще не говорится; за промежутокъ отъ 1541 г. до 1549 г. губныхъ грамотъ не сохранилось (по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не найдено).

[3]) Сохранились, конечно, и административныя функціи—надзоръ за личнымъ составомъ губныхъ учрежденій и за ихъ дѣятельностью, но функціи эти отступаютъ на второй планъ передъ чисто судебными: перерѣшеніемъ дѣлъ по докладу губныхъ органовъ.

[4]) II. Собр. Зак., № 1345.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 1052.

[6]) id. № 1271.

1687 г.—«приказомъ сыскныхъ дѣлъ» [1]), наконецъ въ 1689 г. ему возвращено старое названіе Разбойнаго приказа. Разбойнымъ онъ назывался по роду дѣлъ, ему подвѣдомственныхъ, Сыскнымъ—по характеру процесса, примѣнявшагося къ этимъ дѣламъ.

Приказъ холопьяго суда.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ той же причины, которая вызвала и реформы 50-хъ г.г., а именно: измѣненія положенія стараго правительственнаго класса по отношенію къ князю и къ центральному правительству, и даже, можетъ быть, нѣсколько раньше реформъ 50-хъ г.г., возникъ и другой судебный приказъ середины XVI вѣка—приказъ Холопьяго суда.

Примыкая по характеру своихъ функцій, къ группѣ приказовъ судебныхъ, онъ въ то же время, вмѣстѣ съ Помѣстнымъ приказомъ можетъ быть выдѣленъ въ особую группу центральныхъ учрежденій, регулировавшихъ земельныя (и вообще экономическія) отношенія служилаго класса. Еще пр. Ключевскій [2]) обратилъ особенное вниманіе на раннее изъятіе изъ вѣдѣнія мѣстныхъ властей—намѣстниковъ и волостелей—всего круга поземельныхъ отношеній служилаго класса, въ виду ихъ чрезвычайной важности для молодого государства, такъ какъ они именно—добавимъ мы отъ себя—являлись лучшимъ средствомъ *закрѣпленія* служилыхъ людей въ службу князю, замѣны старыхъ договорныхъ отношеній новыми служебными. Вмѣстѣ съ дѣлами по землевладѣнію вотчинному и помѣстному) весьма рано выдѣляются изъ вѣдѣнія областныхъ органовъ и тѣсно связанныя съ ними дѣла о холопствѣ, такъ какъ у насъ—въ противоположность Западной Европѣ, не право на землю давало право на людей, ее населяющихъ, а наоборотъ, право на людей давало право на землю, на которой они жили и которую обрабатывали [3]).

Пр. Ключевскій доказываетъ раннее выдѣленіе дѣлъ о холоп-

---

[1]) id., № 1345.

[2]) „Б. Дума", стр. 120—124; (изд 18-3 г.) и 163—165. Онъ считаетъ эти дѣла однимъ изъ главнѣйшихъ занятій боярской думы начала XVI вѣка.

) Раздача вотчинъ, помѣстій и кормленій, по нашему мнѣнію, врядъ ли вообще когда нибудь могла быть въ числѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ намѣстникамъ; а также и дѣла, связанныя съ этой раздачей земель. (переходъ ихъ, укрѣпленія права владѣнія и т. д.).

[3]) Этотъ взглядъ неоднократно высказанъ Градовскимъ и пр. Ключевскимъ. Послѣдній говоритъ: „частное привилегированное землевладѣніе древней Руси развилось изъ *рабовладѣнія* („Б. Дума", стр. 12'.

ствѣ изъ вѣдѣнія областныхъ органовъ разсужденіями о значеніи права «боярскаго суда», который онъ считаетъ именно судомъ по дѣламъ о холопствѣ [1]),—такъ что намѣстники и волостели, не имѣвшіе «суда боярскаго», не могли рѣшать дѣлъ о холопствѣ собственной властью, безъ доклада,—слѣдовательно, являлись по этимъ дѣламъ (такъ же какъ и по дѣламъ земельнымъ, напр. по размежеванію земель) [2]) простыми орудіями центральной власти, вѣдали эти дѣла уже не «на себя», а «на князя», подобно органамъ приказнаго управленія. Именно, благодаря вершенію этихъ дѣлъ намѣстники, по его мнѣнію, изъ «арендаторовъ великаго князя» сдѣлались его подчиненными органами [3]).

Мы сказали выше, что находимъ возможнымъ выдѣлить приказы Помѣстный и Холопьяго Суда въ особую группу приказовъ, регулирующихъ экономическое положеніе служилаго класса. Добавимъ къ этому еще, что Помѣстный приказъ составлялъ переходную ступень отъ приказовъ съ финансовыми функціями къ приказамъ *военно-сословнымъ*, такъ какъ на немъ лежало обезпеченіе служилому классу возможности отправлять службу,— а приказъ Холопья Суда составлялъ переходъ отъ тѣхъ же финансовыхъ приказовъ къ приказамъ *судебнымъ*, такъ какъ онъ регулировалъ юридическія отношенія правительственныхъ органовъ и рабовладѣльцевъ къ рабамъ и лицамъ, могущимъ сдѣлаться рабами. И по времени возникновенія эти два приказа стоятъ между Разрядомъ и Разбойнымъ приказомъ (возникшими въ 40-хъ г.г. XVI ст.)—съ одной стороны, и приказами финансовыми, создавшимися подъ вліяніемъ реформы 50-хъ г.г.

Различіе въ характерѣ функцій Помѣстнаго приказа и Холопья Суда заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что первый вѣдалъ отношенія *новыя*, созданныя искусственно земельной

---

[1]) Основываясь на ст. 63 Судебника 1555 г.: „А судъ боярскій то: которому намѣстнику дано съ судомъ съ боярскимъ и ему давати полныя и докладныя; а правыя и бѣглыя давати съ докладу“—и на ст. 66: „а намѣстникамъ безъ боярскаго суда полныхъ и докладныхъ не давати, и холопа безъ доклада не выдати, ни грамоты бѣглыя не дати, такожъ холопу на государя грамоты правыя безъ докладу не дати“. См. Ключевскаго, op. cit., стр. 120—123.

[2]) „Б. Дума“, стр. 164—165.

[3]) Мы не можемъ вполнѣ раздѣлить этотъ взглядъ, такъ какъ—съ одной стороны—по нашему мнѣнію—намѣстническая власть никогда не имѣла характера „аренды“, но коренилась въ старинныхъ правахъ дружинниковъ на участіе въ добычѣ и въ доходахъ съ занятой территоріи, такъ что право это не было производнымъ, но первоначальнымъ; а съ другой—намѣстники никогда не сдѣлались вполнѣ только подчиненными органами центральнаго правительства, всегда правили больше „на себя“, чѣмъ „на князя“. Но самое явленіе—измѣненіе характера намѣстнической власти по отношенію *именно* къ земельнымъ и холопьимъ дѣламъ—подмѣчено вполнѣ правильно.

политикой Москвы по отношенію къ служилому классу, тогда какъ второй регулировалъ бытовыя отношенія, складывавшіяся вѣками и созданныя самой жизнью, временемъ, предшествовавшимъ объединительной и централизаціонной политикѣ Москвы.

Вполнѣ признавая раннее выдѣленіе дѣлъ о холопствѣ изъ подъ вѣдѣнія областныхъ органовъ въ сферу непосредственнаго вѣдѣнія центральнаго правительства, мы однако не видимъ необходимости предполагать столь же раннее возникновеніе особаго учрежденія для рѣшенія этихъ дѣлъ. Судъ по всякимъ дѣламъ, но преимущественно по дѣламъ о землѣ и о холопахъ, въ Москвѣ всегда былъ дѣломъ *бояръ*, лицъ служилаго сословія, а не дьяковъ дьяки только присутствовали на судѣ бояръ,—сначала въ качествѣ секретарей, а затѣмъ—и въ качествѣ младшихъ товарищей. И Разбойный приказъ и Холопій Судъ, и областные судные приказы всегда были учрежденіями *боярскими* по преимуществу, въ противоположность «дьячьимъ канцеляріямъ»—Разряду и Четямъ. А раннее возникновеніе центральныхъ приказныхъ учрежденій мы замѣчаемъ *только* въ тѣхъ вѣдомствахъ, которыя по преимуществу и съ самаго своего возникновенія управлялись *дьяками*. Въ Москвѣ въ XVI в. существовало *два* типа центральнаго управленія тѣмъ или другимъ вѣдомствомъ [1]: посредствомъ *боярской комиссіи* или *дьячьей канцеляріи*. Съ постояннымъ «*учрежденіемъ*»—въ нынѣшнемъ смыслѣ слова—мы имѣемъ дѣло только во второмъ случаѣ. Боярскія же комиссіи, выдѣлявшіяся изъ общаго состава думы для завѣдыванія той или другой отраслью дѣлъ, восходившихъ на ея разрѣшеніе (каковы дѣла холопья, поземельныя, объ избраніи губныхъ органовъ),—долгое время не имѣли характера постоянства, отличались временнымъ и случайнымъ составомъ. Такъ и дѣла о холопствѣ, по всей вѣроятности, долго поручались великимъ княземъ отдѣльнымъ членамъ думы, ближнимъ людямъ и даже нѣкоторымъ намѣстникамъ, пользовавшимся довѣріемъ князя (намѣстники «съ судомъ боярскимъ»), не вызывая къ жизни никакихъ учрежденій, такъ что можно съ увѣренностью сказать, что особое центральное учрежденіе для рѣшенія дѣлъ о холопствѣ могло явиться никакъ не раньше царствованія Грознаго,—уже подъ вліяніемъ систематическаго ограниченія намѣстнической власти, вѣнцомъ котораго явилась реформа 1555—56 г.г.; но возможно, что приказъ Холопья Суда, какъ учрежденіе, возникъ нѣсколько раньше этой реформы. Первымъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ

---

[1]) Мы не говоримъ здѣсь о старомъ способѣ *личнаго порученія*, который еще примѣнялся въ XVI в. въ дворцовыхъ вѣдомствахъ,—путяхъ",—не во всѣхъ однако.

его существованія является извѣстіе *1571 г.*, приведенное Карамзинымъ [1]). До этого года мы не имѣемъ никакихъ указаній на его существованіе, кромѣ сообщенія Вивліоѳики [2]), что въ боярской книгѣ 1500 г. (до насъ не дошедшей) упоминается приказъ Холопья Суда. Но, какъ замѣтилъ уже г. Лихачевъ [3]), врядъ ли существовала на самомъ дѣлѣ такая книга: на основаніи его изслѣдованій можно сказать навѣрное, что боярскихъ книгъ въ началѣ XVI стол. еще не составлялось, хотя во второй половинѣ вѣка онѣ уже велись; древнѣйшей боярской книгой, которой пользовался авторъ статьи о приказахъ въ Вивліоѳикѣ, является боярская книга 1573 г., пропавшая во время московскаго пожара 1812 г. (еще старше отрывокъ списка кормленщиковъ 1556 г., изданный кн. Оболенскимъ,—но онъ составленъ, вѣроятно, по случаю реформы кормленій и не можетъ считаться обыкновеннымъ для того времени явленіемъ).—Поэтому мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что дата—«1500 г.»—въ изданіи Вивліоѳики 1791 г. является простой *опечаткой*—и число «1500 г.» стоитъ вмѣсто «1600 г.» [4]) (боярская книга за этотъ годъ—7108—дѣйствительно существовала [5]), но теперь утрачена; ею, вѣроятно, и пользовался авторъ статьи о приказахъ въ Вивліоѳикѣ).

Въ виду того, что до половины XVI стол. нѣтъ никакихъ указаній на существованіе приказа Холопья Суда—ни прямыхъ, ни косвенныхъ—мы не можемъ согласиться съ Успенскимъ, Неволинымъ, Кавелинымъ и пр. Владимірскимъ - Будановымъ, принимающими это извѣстіе безъ оговорокъ. Впрочемъ, послѣдній «первымъ *несомнѣннымъ* свидѣтельствомъ существованія Холопья Суда» считаетъ только извѣстіе, приведенное Карамзинымъ [6]), а Кавелинъ, въ одномъ мѣстѣ [7]) принимающій извѣстіе Вивліоѳики безъ всякихъ оговорокъ, въ другомъ [8]) замѣчаетъ, говоря о принципахъ распредѣленія дѣлъ между различными учрежденіями: «Управленіе по отраслямъ болѣе искусственно, нежели завѣдываніе цѣлою провинціей и потому, безъ сомнѣнія, относится къ позднѣйшему времени. Холопій Судъ, Большой Приходъ, Помѣстный приказъ и нѣкоторые другіе впервые упоминаются *въ концѣ XVI в.* и началѣ

---

[1]) „Ист. Гос. Росс."; т. IX, прим. 370.

[2]) Т. XX, стр. 407.

[3]) op. cit., стр. 284 и 22.

[4]) Тѣмъ болѣе, что опечатки въ цифрахъ столѣтій довольно часто встрѣчаются въ изданіи 1791 г. (вмѣсто 16...г.г. часто напечатано 19...г.).

[5]) См. Лихачева, op. cit., стр. 441—442.

[6]) См. Хрестоматія, вып. III, стр. 86.

[7]) Собр. Соч., т. II. стр. 68.

[8]) ib., стр. 54.

XVII в.». Такимъ образомъ, принимая извѣстіе (или опечатку) Вибліоѳики безъ критики, Кавелинъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой.

Хотя Холопій Судъ, какъ учрежденіе, существовалъ уже при Иванѣ Грозномъ, но многія дѣла о холопствѣ вѣдались въ 50-хъ и 60-хъ г.г. XVI стол. казначеями [1]), такъ что свою дѣятельность въ полномъ объемѣ это учрежденіе начинаетъ только при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ; къ послѣднимъ годамъ его царствованія – а именно къ 1596 г. (25 апрѣля 7105 г.) относится и начало «Указной книги приказа Холопья Суда» (память дьякамъ Мих. Внукову и Пятому Кокошкину [2]).

Земскіе Дворы.

Во второй половинѣ XVI в. возникло еще нѣсколько приказовъ съ судебными функціями, причемъ вѣдомство ихъ было ограничено предѣлами извѣстной территоріи. Въ этомъ отношеніи они имѣли сходство съ четями, такъ какъ реальная система распредѣленія предметовъ вѣдомства соединялась въ нихъ съ территоріальной: они вѣдаютъ *извѣстную* отрасль управленія на протяженіи *извѣстной* территоріи. Сюда относятся два земскихъ двора и четыре областныхъ судныхъ приказа. Первые вѣдали «вѣдомыя лихія дѣла» (о разбоѣ.—потомъ также о душегубствѣ и татьбѣ съ поличнымъ) и полицію безопасности на протяженіи московскаго уѣзда: т. е. кругъ ихъ вѣдомства совпадалъ съ кругомъ вѣдомства Разбойнаго приказа (такъ какъ вѣдь на губныхъ старостахъ лежала не только обязанность суда по «вѣдомымъ лихимъ дѣламъ», но и обязанность предупрежденія такихъ дѣлъ: они должны были ловить «*вѣдомыхъ* лихихъ людей», какъ только тѣ появятся въ предѣлахъ ихъ губы, раньше чѣмъ они успѣютъ совершить какое-нибудь преступленіе).

Сначала существовалъ одинъ только земскій дворъ или земскій приказъ; въ концѣ XVI в. мы встрѣчаемъ ихъ уже два (старый и новый); какъ распредѣлялся между ними кругъ ихъ вѣдомства, мы не знаемъ. Но кругъ вѣдомства земскаго приказа не ограничивался судебно-полицейскими функціями. Какъ показываетъ содержаніе многихъ статей «Указной книги земскаго при-

---

[1]) См. Указную книгу вѣдомства казначеевъ, статьи: V (1556 г.), VIII, XII, XIII (1558 г.), XVI (1560 г.).

[2]) См. А. И. т. I, № 221.

каза» [1]), этотъ приказъ вѣдалъ въ XVII в. вообще городское тяглое населеніе Москвы, ея слободъ и посадовъ, подобно тому какъ чети вѣдали тяглое населеніе областей; главнымъ образомъ вѣдалъ онъ тяглыхъ торговыхъ и посадскихъ людей въ податномъ отношеніи, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они «тягла своего не избывали», а также заботился о равномѣрномъ его распредѣленіи: вотъ почему въ Указной книгѣ Земскаго приказа такъ часто встрѣчаются постановленія, воспрещающія бѣломѣстцамъ какими бы то ни было способами пріобрѣтать тяглые дворы и мѣста [2]). Наконецъ Земскій приказъ вѣдалъ и *гражданскіе иски* членовъ черныхъ сотенъ и слободъ [3]). По словамъ пр. Влад.-Буданова [4]), Земскій приказъ *замѣнялъ* для Москвы и ея слободъ земскія губы областныхъ городовъ, такъ какъ Москва, «раздѣленная на сотни и слободы, съ отдѣльными органами самоуправленія для каждой», не имѣла одного общегородского органа самоуправленія. Но какъ могъ Земскій приказъ, центральное *правительственное* учрежденіе, не отличавшееся по своему типу и значенію отъ прочихъ приказовъ, «*замѣнять*» органъ городского самоуправленіе, съ выборнымъ составомъ? Правда, пр. Владиміркій - Будановъ говоритъ нѣсколько выше [5]): «названіе «земскій» противополагаетъ этотъ приказъ прочимъ: интересы, которые онъ вѣдаетъ, суть *земскіе*, а не государевы». Но это-то именно и кажется намъ неправильнымъ. Интересы, которые вѣдалъ земскій приказъ, суть именно *государевы* интересы: отправленіе повинности, сборъ и раскладка податей; губное дѣло правительство тоже, какъ мы видѣли, считало всюду своимъ; остается, значитъ, только судъ по гражданскимъ дѣламъ: но онъ всегда принадлежалъ тому, кто управлялъ, т. е. собиралъ подати: такъ было при намѣстникахъ, такъ осталось и по введеніи въ областяхъ земскаго самоуправленія; въ Москвѣ, гдѣ такого самоуправленія для всего города, какъ одного цѣлаго, введено не было, судъ по гражданскимъ дѣламъ остался въ вѣдѣніи приказа, непосредственно управлявшаго данной мѣстностью. Земскій приказъ по отношенію къ Москвѣ и ея уѣзду замѣнялъ въ одно и то же время и четверть (финансово административно-судебную) [6]) и Разбойный приказъ, но никакъ не земскую губу. Все его отли-

---

[1]) А. Ист., т. III, № 92 и т. IV, № 6. Первыя ея статьи относятся къ 1622 г. Сюда относятся, напримѣръ статьи VII, XI, XIV, XVII, XVIII, XXII, XXIII, XXV, XXVI, XXVIII, XXIX, XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI, XXXVIII, XLI.

[2]) См. статьи VII, VIII и др.

[3]) См. статьи I, V, X, XIII, XX, XXIV, XXXI, XXXII, XLII.

[4]) Хрестоматія, вып. III, стр. 115, прим. 5.

[5]) ib., стр. 113, прим. 1.

[6]) По гражданскимъ дѣламъ.

чіе отъ четвертей заключалось въ томъ, что онъ сносился съ подвѣдомственнымъ ему населеніемъ *безъ* посредствующей инстанціи въ видѣ земскихъ старостъ, судей и цѣловальниковъ; въ такой инстанціи не ощущалось надобности въ виду того, что центральное учрежденіе въ данномъ случаѣ являлось въ то же время и мѣстнымъ, такъ какъ кругъ его вѣдѣнія распространялся только на столицу и ближайшія ея окрестности. По времени возникновенія Земскій приказъ относится, вѣроятно, къ серединѣ XVI стол. Александро-Невская лѣтопись, разсказывая объ удаленіи Грознаго въ Александровскую слободу, въ декабрѣ 1564 г.—говоритъ: «за подъемъ же свой приговорилъ царь и великій князь взять изъ земскаго приказу сто тысячъ рублевъ» [1]). Итакъ, названіе земскаго приказа встрѣчается даже раньше названія Разбойной Избы. Весьма вѣроятно, что онъ и дѣйствительно возникъ раньше Разбойнаго приказа, такъ какъ былъ учрежденіемъ *мѣстнымъ*, московскимъ,— а такія учрежденія, какъ замѣтилъ еще Дмитріевъ, обыкновенно относятся къ очень раннему времени: большинство изъ нихъ—какъ напр. Большой Дворецъ, Разрядъ, Большая Казна—распространили со временемъ свою дѣятельность на всю территорію государства, но нѣкоторые (какъ Земскіе дворы, Каменный, Аптекарскій и Печатный приказы) навсегда сохранили мѣстное значеніе, ничуть не теряя отъ этого своего характера центральныхъ учрежденій, только съ кругомъ вѣдомства, ограниченнымъ извѣстной территоріей. Отрицая характеръ центральнаго учрежденія за Земскимъ приказомъ, мы должны будемъ не признавать его, въ такомъ случаѣ, и за четями, такъ какъ вся разница между ними сводится къ тому, что чети вѣдали территорію, разбросанную по областямъ, а Земскій приказъ—территорію, лежавшую вокругъ столицы,—да еще въ число его функцій входило губное дѣло, изъятое въ областяхъ изъ вѣдѣнія четей и переданное Разбойному приказу.

Во всякомъ случаѣ, Земскому приказу можно приписывать болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ четямъ или Разбойному, такъ какъ учрежденія, вѣдавшія какую-нибудь отрасль управленія въ самой Москвѣ, складывались раньше учрежденій, вѣдавшихъ ту же отрасль на пространствѣ всего государства или извѣстной области. Несмотря на такое предположеніе, мы не рѣшаемся признать вмѣстѣ съ г. Лихачевымъ извѣстіе крымской посольской книги 1500 г. о «*дьякѣ земскомъ*», Никитѣ Нардуковѣ [2]), посланномъ къ волошскому воеводѣ Стефану, за указаніе—если не на существованіе, то на начало Земскаго приказа. Здѣсь «дьякъ *земскій*» мо-

---

[1]) Ист. Библ., т. III, стр. 257.

[2]) См. Сб. И. Р. И. Общ., т. XLI, стр. 316, 326, 338, 399, 407.

жетъ просто противополагаться «дьяку *дворцовому*» или «дьяку великаго князя» (т.-е. вообще приближенному, «введенному»); это—дьякъ, вѣдающій сборы не съ дворцовыхъ земель, а съ черныхъ,—съ «земства». Во всякомъ случаѣ между упоминаніемъ земскаго дьяка и первымъ упоминаніемъ Земскаго приказа лежитъ слишкомъ долгій, 64-хъ лѣтній срокъ, чтобы можно было думать, что оба извѣстія говорятъ объ одномъ и томъ же опредѣленномъ учрежденіи.

«Земскій дворъ» впервые упоминается въ разрядахъ 1579 г. [1], а оба двора вмѣстѣ—въ 1597 г. Въ первой половинѣ XVII стол. (до 1657 г.) въ записныхъ книгахъ говорится о двухъ земскихъ дворахъ, а съ этого года—о двухъ земскихъ приказахъ.

Земскій приказъ замѣнилъ, по всей вѣроятности, въ Москвѣ и ея уѣздѣ старое управленіе намѣстниковъ гораздо раньше, чѣмъ въ областяхъ это управленіе смѣнилось самоуправленіемъ общинъ. Дѣло въ томъ, что Москва—самый городъ, въ XV в. и, какъ кажется, еще въ началѣ XVI столѣтія была раздѣлена въ отношеніи взиманія доходовъ съ населенія на нѣсколько частей между великимъ княземъ и его младшими братьями; части эти назывались «третями» или «четвертями», смотря по числу князей, дѣлившихъ между собой эти доходы. Каждый изъ этихъ князей держалъ въ своей части своего намѣстника съ дьяками; но, конечно, по своему значенію этотъ намѣстникъ не былъ похожъ на областныхъ намѣстниковъ; онъ собиралъ доходы не въ свою пользу, а въ пользу князя. Еще Дмитріевъ замѣтилъ, что московскіе князья управляли своими удѣлами болѣе «хозяйственно», чѣмъ князья другихъ отраслей Рюрикова рода, хотя, вообще говоря, управленіе всюду было построено по одному и тому же типу. Объ «намѣстникахъ трети московской» (кн. Ромодановскомъ и Плотовѣ-Даниловѣ), выдающихъ «полныя» и «докладныя» (грамоты на холопство), которыя пишутъ дьяки земскіе, говорится ещё въ началѣ княженія Василія III—въ 1516 г., въ разрядной книгѣ этого года [2]). Легенда о «третяхъ», на которыя будто бы раздѣлилъ всю Россію Иванъ III, вѣроятно, и произошла изъ неправильно-понятаго извѣстія о третяхъ, на которыя дѣйствительно дѣлился еще въ концѣ XV вѣка стольный городъ Московскаго великаго княженія; «трети» эти имѣли значеніе чисто финансовое, были учреждены для большаго удобства въ распредѣленіи доходовъ со стольнаго города между великимъ княземъ и его братьями и не стояли ни въ

---

[1]) Др. Р. Вивл., т. XIV, стр. 366. — „на Земскомъ дворѣ князь Иванъ Гагаринъ, Яковъ Наумовъ.

[2]) См. Лихачева, op. cit., стр. 51.

какой связи съ позднѣйшими «четвертями» уже потому одному, что послѣднія были вызваны *новыми* государственными потребностями, какъ онѣ отразились на областномъ управленіи, тогда какъ «трети» являются позднимъ пережиткомъ старыхъ частно-хозяйственныхъ отношеній московскихъ князей.

Какъ сказано, Земскій приказъ, вѣроятно, замѣнилъ собою управленіе намѣстниковъ въ самой Москвѣ, а это могло произойти, какъ только *великій* князь сосредоточилъ въ своихъ рукахъ сборъ *всѣхъ* доходовъ со стольного города, что произошло уже при Василіи III; самое же учрежденіе явилось, по всей вѣроятности, не раньше времени Ивана Грознаго, въ 40-хъ или 50-хъ г.г. XVI стол-

Судные областные приказы.

Судные областные приказы имѣли тотъ общій признакъ съ Земскимъ, что ихъ вѣдомство тоже ограничивалось: 1)—извѣстной территоріей, 2)—извѣстнымъ кругомъ дѣлъ и 3) —извѣстнымъ классомъ общества. Они судили только *служилыхъ* людей и исключительно по тяжбамъ и спорамъ, возникавшимъ изъ договоровъ и гражданскихъ преступленій («delicta privata») [1]). Сначала этихъ приказовъ было четыре: Московскій, Володимірскій, Дмитровскій и Рязанскій (Кавелинъ упоминаетъ еще Новгородскій—въ концѣ XVI в. онъ не упоминается)—и каждый изъ нихъ вѣдалъ, вѣроятно, судомъ и расправой по гражданскимъ дѣламъ *всѣхъ* служилыхъ людей всякихъ чиновъ, жившихъ на подвѣдомственной ему территоріи. Но въ XVII в. территоріальное начало подсудности, дѣйствовавшее раньше на ряду съ сословнымъ, совсѣмъ отступаетъ на задній планъ. Приказы Дмитровскій и Рязанскій исчезаютъ, а два уцѣлѣвшіе дѣлятъ между собою судебную власть надъ служилымъ сословіемъ не по мѣсту жительства служилыхъ людей, а по принадлежности ихъ къ тому или другому «чину»: Московскій приказъ судитъ всѣхъ «Московскихъ чиновъ людей», т.-е. дворянъ, служившихъ по Московскому списку, а Володимірскій приказъ—городовыхъ дворянъ и низшіе разряды служилыхъ людей (въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ конкурировали приказы военно-сословные — стрѣлецкій, казачій и др.—и, вѣроятно, сильно ограничивали его компетенцію). Наконецъ въ 1699 г. оба приказа были окончательно соединены въ одно учрежденіе [2]).

По времени происхожденія, четыре судныхъ приказа отно-

---

[1]) Кавелинъ, т. I, стр. 72, изд. 1859.

[2]) П. С. З., № 1713.

сятся къ 90-мъ годамъ XVI стол. По словамъ Гавр. Успенскаго [1]) въ разрядахъ конца XVI в. Рязанскій судный приказъ впервые упоминается въ 1591 г., Владимірскій—въ 1593 г., Дмитровскій—въ 1595 г. и, наконецъ, Московскій—въ 1598 г. Г. Лихачевъ сопоставляетъ это сообщеніе Успенскаго съ извѣстіемъ разрядной книги 1591 г. (разрядная книга Барсова, л. 569) о Рязанской и Дмитровской «избахъ» Большого Дворца и сближаетъ эти «избы»—учрежденія самостоятельныя (такъ какъ въ нихъ сидятъ именитые люди—Сабуровъ и кн. Туренинъ) и только «присудныя» Большому Дворцу—съ впервые появляющимися—какъ разъ въ это время—одноименными судными приказами. Такое сближеніе кажется намъ вполнѣ основательнымъ: «избы», упомянутыя въ разрядной,—это старые областные «дворцы», перенесенные въ Москву и ставшіе здѣсь отдѣленіями Большого; къ числу ихъ функцій издавна принадлежалъ судъ надъ лицами привилегированными, изъятыми отъ суда намѣстниковъ.

По мѣрѣ того, какъ дворцовые приказы—къ концу XVI в.—стали утрачивать свои функціи публично-правового характера и дѣятельность ихъ стала замыкаться въ болѣе узкій кругъ собственно дворцовыхъ дѣлъ, старые областные дворцы, перенесенные въ Москву и находившіеся уже на пути къ сліянію съ Большимъ Дворцомъ, окончательно уступили ему свои функціи по дворцовому управленію и, сохранивъ за собой только судебныя функціи, преобразовались въ судебно-сословныя учрежденія и вмѣсто «дворцовъ» или «избъ» стали называться «судными приказами». Зато эти ихъ судебныя функціи значительно расширились, такъ какъ судебная власть этихъ «избъ» съ однихъ привилегированныхъ лицъ распространилась на все служилое сословіе,—причиной чего было упраздненіе намѣстниковъ, которые раньше судили служилыхъ людей по гражданскимъ дѣламъ; это же упраздненіе повлекло за собой уничтоженіе всякихъ судебныхъ изъятій и привилегій.

Съ уничтоженіемъ намѣстническаго управленія въ области не осталось судебной инстанціи по гражданскимъ дѣламъ; тяглое населеніе стало судиться по этимъ дѣламъ въ земскихъ учрежденіяхъ, для которыхъ высшей инстанціей скоро стали четы; но служилое сословіе не имѣло никакого отношенія ни къ земскому самоуправленію, ни къ четямъ; и вотъ—первое время (до повсемѣстнаго введенія воеводскаго управленія) оно остается вовсе безъ судебной инстанціи на мѣстѣ и по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ во всемъ своемъ составѣ вѣдается прямо въ московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ, какъ это было раньше только для при-

[1]) „Опытъ"., стр. 307—308.

вилегированныхъ лицъ, изъятыхъ изъ подъ вѣдѣнія мѣстныхъ судебныхъ властей. То, что было раньше исключеніемъ, теперь обращается въ правило,— впрочемъ ненадолго. Съ учрежденіемъ воеводъ областная инстанція для гражданскаго суда была возстановлена и судные приказы получили значеніе второй инстанціи, стали рѣшать дѣла лишь по «докладу» самихъ воеводъ, затруднявшихся рѣшить дѣло, или «пересуживать» дѣло по жалобѣ стороны, недовольной рѣшеніемъ воеводы. Количество дѣлъ, шедшихъ на разрѣшеніе судныхъ приказовъ, конечно, значительно уменьшилось, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что въ источникахъ середины XVII стол. уже не находимъ указаній на Рязанскій и Дмитровскій приказы, о которыхъ еще говоритъ записка 1610 г. «о всякихъ чиновъ людяхъ Московскаго государства» [1]). Судьба судныхъ приказовъ въ этомъ отношеніи представляетъ много сходства съ судьбою четей: такъ же, какъ и чети, они возникли вслѣдствіе исчезновенія областной инстанціи по соотвѣтствующей отрасли управленія, такъ что многія дѣла имъ приходилось рѣшать въ первой инстанціи (четямъ—во второй, если считать первой инстанціей земскія учрежденія); затѣмъ, однако же, въ области снова появляется эта посредствующая инстанція въ лицѣ воеводъ, и тогда областные приказы—подобно четямъ—становятся высшей инстанціей: между ними и населеніемъ (для первыхъ—служилымъ, для вторыхъ—тяглымъ) становятся воеводы,—кругъ ихъ дѣлъ постепенно сужается и къ концу XVII в. правительство стремится соединить какъ тѣ, такъ и другія въ одно центральное учрежденіе (судебное—въ первомъ случаѣ, финансовое—во второмъ). Относительно судебныхъ приказовъ, число которыхъ уже въ серединѣ столѣтія сокращается до двухъ (а раньше ихъ было пять) это ему удается исполнить въ *1699 г.*; впрочемъ опыты соединенія нѣсколькихъ судныхъ приказовъ воедино бывали и раньше: въ 1677 г. Челобитенный приказъ соединенъ съ Владимірскимъ, въ 1681 г. къ нимъ прибавленъ Холопій Судъ, а въ 1685 г.—Московскій судный приказъ. Что же касается до четей, то въ 1680 г. чети Владимірская, Новгородская и Галицкая были соединены въ одно учрежденіе съ приказомъ Большого Прихода, а въ слѣдующемъ году эти же три чети подчинены Посольскому приказу, которому еще въ 1680 г. была подчинена Устюжская четь. Наконецъ, Костромская четь еще въ 1671 г. была приписана къ Большому Дворцу. Отдѣльные опыты соединенія нѣсколькихъ четей воедино или подчиненія ихъ другимъ учрежденіямъ бывали и рань-

---

[1]) А. И. II, № 355.—Котошихинъ говоритъ только о Московскомъ и Владимірскомъ приказахъ,—см. гл. III, ст. 32.

ше, но эти соединенія носили временный характеръ (такъ напр. Костромская четь съ середины XVII в. до 1671 г. и затѣмъ снова въ 1689 г. и въ 1698 г. была соединена съ Стрѣлецкимъ приказомъ). Такимъ образомъ, соединеніе четей въ одно центральное учрежденіе не было выполнено Московскимъ правительствомъ на старыхъ основахъ приказнаго управленія, и это соединеніе было осуществлено только въ 1699 г. учрежденіемъ Бурмистерской палаты, явившейся осуществленіемъ идеи центральнаго финансоваго учрежденія для всего государства.

Челобитенный приказъ.

Къ судебнымъ учрежденіямъ, возникшимъ въ XVI в., можно еще отнести *Челобитенный приказъ*, о которомъ уже говоритъ «опись царскаго архива» [1]). относящаяся къ 70-мъ 80-мъ г. г. XVI стол.: «ящикъ 191, а въ немъ челобитная, безъимянная, подали ее на Петрово имя Волынскаго».

Дмитріевъ видитъ начало Челобитнаго приказа въ извѣстномъ порученіи Ивана Грознаго Адашеву въ 1550 г. принимать просьбы и жалобы «бѣдныхъ и обиженныхъ», разсматривать ихъ и докладывать о нихъ царю. Трудно, однако, сказать, имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ личнымъ порученіемъ, прекратившимся по удаленіи Адашева отъ дѣлъ и не имѣвшимъ дальнѣйшихъ послѣдствій, или съ началомъ Челобитеннаго приказа, какъ постояннаго учрежденія. Челобитенный приказъ—съ одной стороны—уже въ XVI в. являлся комиссіей для пріема прошеній на Высочайшее имя [2]), а съ другой—тайной канцеляріей по политическимъ дѣламъ [3]).

Въ этомъ послѣднемъ значеніи онъ былъ замѣненъ въ 1619 г. «Приказомъ Приказныхъ Дѣлъ» [4]), который позже сталъ называться *сыскнымъ* (а также «Приказомъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ») [5]), а при Алексѣѣ Михайловичѣ—«Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ».

Въ качествѣ комиссіи для принятія прошеній Челобитенный приказъ сначала не имѣлъ никакой судебной власти: онъ только принималъ челобитныя на имя царя и распредѣлялъ ихъ по по-

---

[1]) А. А. Э., Т. I, № 289, ящикъ 191.

[2]) Котошихинъ, гл. VII, ст. 28.

[3]) С. Г. Г. и Д., II, № 37. А. Ист., I, № 16.

[4]) А. А. Э., II, № 317; т. III, №№ 251, 279 и т. д.

[5]) Этому же приказу было поручено устроеніе разоренныхъ поляками городовъ.

длежащимъ учрежденіямъ или возвращалъ челобитчикамъ рѣшенія царя (или бояръ, которымъ царь поручилъ разсмотрѣть дѣло) на поданныя на его имя просьбы.

Впослѣдствіи, однако, онъ самъ рѣшалъ — въ нѣкоторыхъ случаяхъ—дѣла по челобитнымъ, руководясь рѣшеніями царя или боярской думы въ аналогичныхъ случаяхъ, и сдѣлался—такимъ образомъ—апелляціоннымъ судилищемъ; къ этому-же времени онъ получилъ (къ серединѣ XVII в.) судебную власть надъ всѣми приказными дьяками и подъячими (кромѣ разрядныхъ подъячихъ, судившихся въ Разрядѣ). Значеніе личной канцеляріи царя, которое онъ имѣлъ въ XVI и началѣ XVII в. [1]), онъ потерялъ съ учрежденіемъ приказа «приказныхъ дѣлъ», который въ теченіе нѣкотораго времени исполнялъ на ряду съ функціями личной канцеляріи царя также обязанности чрезвычайной комиссіи прошеній, учрежденной въ 1619 году въ виду особыхъ обстоятельствъ, наступившихъ послѣ смутнаго времени; на это указываетъ самое названіе его: «Приказъ, что на сильныхъ бьютъ челомъ». Но потомъ единственнымъ мѣстомъ для принятія прошеній снова сталъ Челобитенный приказъ. Въ виду того судебнаго значенія, которое пріобрѣлъ Челобитенный приказъ къ концу XVII стол., въ немъ сидитъ, уже во времена Котошихина [2]) *окольничій*, а уже при немъ состоятъ два дьяка. Въ качествѣ судебнаго приказа Челобитенный приказъ былъ соединенъ въ 1677 г. съ Владимірскимъ суднымъ,—когда московское правительство (при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ) стало стремиться къ упрощенію центральной судебной администраціи. Въ 1681 г. къ этимъ двумъ приказамъ былъ присоединенъ Холопій Судъ, а въ 1685 г.—Московскій судный приказъ. Впрочемъ, потомъ Московскій [3]) и Владимірскій приказы, очевидно, опять раздѣлились, такъ какъ въ 1699 г. Петру Великому снова пришлось издавать указъ объ ихъ соединеніи.

Приказъ Тайныхъ Дѣлъ.

Что касается до приказа Тайныхъ Дѣлъ, учрежденнаго въ 1658 г., то онъ явился прежде всего органомъ личнаго контроля государя надъ всѣмъ подчиненнымъ управленіемъ. По словамъ Котошихина: «устроенъ тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ для

---

[1]) Когда онъ нерѣдко объявлялъ другимъ приказомъ различныя распоряженія царя.

[2]) Стр. 125 (гл. VII. стр. 28).

[3]) П. С. Зак., № 1108.

того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнялися всѣ по его хотѣнію, а бояре бъ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали» [1]. О роли этого приказа въ общей системѣ московскаго центральнаго управленія высказано въ литературѣ два мнѣнія. Авторъ изслѣдованія, спеціально посвященнаго приказу Тайныхъ Дѣлъ, г. Гурляндъ [2]) полагаетъ, что «Приказъ Тайныхъ Дѣлъ дѣлалъ рѣшительно всякія дѣла, ни одно изъ нихъ не считая своей спеціальностью»; «одной группой своихъ дѣлъ Тайный приказъ выступалъ въ качествѣ органа дворцоваго управленія» (онъ вѣдалъ царскую соколиную потѣху) и, слѣдовательно, былъ однимъ изъ приказовъ въ системѣ дворцовыхъ приказовъ. «Но, возникнувъ на дворцовой почвѣ, онъ быстро и круто повернулъ на иной путь: при помощи приказа царь началъ непосредственно разсматривать жалобы, просьбы, ходатайства» [3]). Иное—и, несомнѣнно, болѣе близкое къ истинѣ мнѣніе высказалъ пр. Самоквасовъ, основываясь на изученіи архивнаго матеріала, сохранившагося послѣ разбора дѣлъ Тайнаго приказа по его упраздненіи въ 1676 г., когда было велѣно вернуть эти дѣла въ соотвѣтствующіе приказы. По мнѣнію пр. Самоквасова, приказъ Тайныхъ дѣлъ имѣлъ строго опредѣленное назначеніе – онъ былъ учрежденъ въ качествѣ «царскаго контроля приказной службы». На его обязанности лежалъ двоякій контроль дѣятельности приказовъ, пословъ и воеводъ: *тайный*, о которомъ подробно говоритъ Котошихинъ [4]), и *явный*: для осуществленія послѣдняго онъ имѣлъ право требовать изъ приказовъ дѣла для просмотра (и для доклада о нихъ царю) ex officio, независимо отъ какихъ-либо частныхъ жалобъ [5]). Въ этомъ своемъ качествѣ она являлась Канцеляріей Ближней или Тайной думы царя (почему Котошихинъ и говоритъ, что «въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя»), подобно тому, какъ Разрядъ исполнялъ обязанности канцеляріи при общей Боярской думѣ. Но помимо этой главной обязанности приказа Тайныхъ Дѣлъ царь могъ, конечно, возлагать на него и другія побочныя обязанности: такъ онъ вѣдалъ гранатное дѣло и царскую соколиную охоту [6]), а также управлялъ частными имѣніями государя (не входившими въ составъ дворцовыхъ земель). Это вполнѣ естественно при томъ характерѣ личной

[1]) Котоших., гл. VII, ст. 1.

[2]) Гурляндъ, „Приказъ Великаго Государя Тайныхъ Дѣлъ", 1902, стр. 214.

[3]) Op. cit., стр. 315.

[4]) Гл. VII, ст. 1.

[5]) Самоквасовъ, „Русскіе Архивы и Царскій контроль приказной службы въ XVII в." 1902. стр. 22—23.

[6]) Котошихинъ, гл. VII, стр. 1.

канцеляріи царя, какой несомнѣнно имѣлъ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ и котораго не отрицаетъ за нимъ и г. Гурляндъ.

Приказъ этотъ прекратилъ свое существованіе со смертью Алексѣя Михайловича въ 1676 г. Дѣла его велѣно описать и разобрать по приказамъ, для чего была учреждена въ 1677 году комиссія подъ предсѣдательствомъ кн. Н. И. Одоевскаго, а вслѣдъ за ней (въ 1678 г.)—другая—подъ предсѣдательствомъ печатника Башмакова [1]). Большая часть разобранныхъ дѣлъ состояла изъ дѣлопроизводства различныхъ приказовъ, вытребованнаго въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, и была теперь возвращена въ соотвѣтствующіе приказы. Только немногія дѣла принадлежали къ собственному вѣдомству Приказа Тайныхъ Дѣлъ. Это были документы о сыскѣ по важнѣйшимъ политическимъ преступленіямъ и по управленію частными дѣлами государя.

При Петрѣ Вел. Приказъ Тайныхъ Дѣлъ снова возродился въ 1701 г. подъ именемъ Преображенскаго приказа (потомъ—Тайная Канцелярія), но уже съ исключительнымъ характеромъ центральнаго учрежденія для тайнаго розыска по дѣламъ политическимъ. Собственной канцеляріей государя сдѣлался „Кабинетъ Его Императорскаго Величества“.

Судебно-сословные приказы XVII в.

Въ XVII в. возникло нѣсколько судебно-сословныхъ приказовъ, по образцу судныхъ приказовъ конца XVI в., но съ компетенціею, распространявшейся на всю территорію государства, а не ограниченной предѣлами извѣстной области. Вообще, въ XVII в. сословный принципъ разграниченія предѣловъ вѣдомства между центральными учрежденіями рѣшительно начинаетъ брать перевѣсъ надъ старымъ принципомъ раздѣленія по роду дѣлъ (или по роду доходовъ), соединеннымъ съ раздѣленіемъ по областямъ. Эта смѣна является слѣдствіемъ усилившагося воздѣйствія государства на бытовыя, экономическія и юридическія отношенія различныхъ классовъ населенія; въ XVII в. государство окончательно закрѣпляетъ всѣ сословія въ свою „службу“ и въ свое „тягло“ [2]) и по-

---

[1]) Самый указъ Одоевскому напечатанъ во II томѣ „Записокъ Русск. Археологич. Общ. по русско-славянскому отдѣленію“ и перепечатанъ у пр. Самоквасова, op. cit., стр. 31—32.

[2]) Эту мысль подробно развилъ еще Градовскій; однакоже онъ (а за нимъ и многіе другіе изслѣдователи) придерживался крайне искусственной и неоправдываемой изученіемъ фактовъ схемы послѣдовательной смѣны территоріально-сословнаго и *реальнаго* принциповъ раздѣленія дѣлъ между центральными учрежденіями.

этому охватываетъ своимъ воздѣйствіемъ всѣ стороны ихъ жизни; органами такого всесторонняго воздѣйствія и являются вновь возникающіе сословные приказы, вѣдающіе извѣстный разрядъ населенія во всѣхъ отношеніяхъ. Государственная жизнь XVI в. не знала такого всеобъемлющаго воздѣйствія на жизненныя отношенія населенія; поэтому и центральныя учрежденія XVI в. вѣдали обыкновенно населеніе какой-нибудь области (иногда не все населеніе, а только извѣстный классъ его—такъ четн вѣдали только *черныхъ* людей) или даже всего государства (напр. Б. Приходъ, Разрядъ, Разбойный приказъ), но только въ *одномъ* какомъ-нибудь отношеніи; въ сословныхъ учрежденіяхъ въ настоящемъ смыслѣ слова [1]) въ XVI в. не было надобности, они появляются только въ концѣ вѣка—и то сначала для управленія новыми родами войска, раньше неизвѣстными Московскому государству—стрѣльцами, пушкарями, рейтарами и т. д.; эти разряды лицъ были вполнѣ и нераздѣльно прикрѣплены къ государственной службѣ, почему для управленія ими и понадобились учрежденія особаго, невиданнаго дотолѣ типа.

А. Приказы по церковному управленію.

Къ сословно-судебнымъ приказамъ XVII относятся нѣсколько учрежденій по церковному управленію съ судебными функціями. Въ записныхъ книгахъ 1626—27 гг. упоминаются: *Патріаршій Разрядъ* или *Патріаршій Духовный Приказъ* [2]) — судившій по преступленіямъ противъ вѣры, по дѣламъ о незаконныхъ бракахъ, свидѣтельствовавшій завѣщанія и разбиравшій иски по гражданскимъ дѣламъ на лицъ духовнаго вѣдомства; существовалъ этотъ приказъ, впрочемъ, уже въ эпоху смутнаго времени [3])—и вѣроятно, былъ основанъ вслѣдъ за учрежденіемъ патріаршества, такъ же какъ и *Патріаршій Дворъ* [4]) или *дворецъ* (съ дворецкимъ во главѣ), вѣдавшій судомъ всѣхъ лицъ, жившихъ на патріаршихъ домовыхъ вотчинахъ, безъ различія сословій; *Приказъ Церковныхъ дѣлъ*, возникшій въ концѣ XVI в. подъ именемъ Тіунской губы для надзора за поведеніемъ духовенства и благочиніемъ церковнымъ и надѣленный судебно-полицейскими функціями, получилъ названіе При-

---

[1]) Т. е. вѣдавшихъ данное сословіе во всѣхъ отношеніяхъ.

[2]) См. Вивл. т. XX. Въ 1635 г. и 1645 г. этотъ приказъ называется Патріаршимъ соборомъ, въ 1663 г. получаетъ старое названіе Патріаршаго Разряда.

[3]) А. Ист. т. II, № 355 (1610 г.).

[4]) Упомянутъ въ 1625 г.—А. А. Э., т. III, № 166. Въ записныхъ книгахъ 1625—26 гг.

каза только въ концѣ XVII в., при патріархѣ Іоакимѣ (1674—1690). Наконецъ, въ 1649 г.—по просьбѣ членовъ земскаго собора—былъ учрежденъ *Монастырскій Приказъ* [1]), разбиравшій гражданскіе иски, вчиняемые противъ духовныхъ лицъ (исключая одного патріарха) и на всѣхъ свѣтскихъ лицъ, жившихъ на церковныхъ земляхъ. Раньше гражданскіе иски противъ этихъ лицъ (какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, кромѣ жившихъ на патріаршихъ земляхъ) [2]) вчинялись въ Большомъ Дворцѣ, но уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ существовалъ приказъ „Монастырскихъ и переносныхъ дѣлъ", упоминаемый въ записныхъ книгахъ 1628, 29 и 30 гг. [3]), и явившійся отдѣленіемъ Большого Дворца. Монастырскій приказъ упраздненъ въ 1677 г. [4]), и функціи его (судебныя) снова перешли къ Большому Дворцу. *Патріаршій Судный приказъ* (значится онъ въ записныхъ книгахъ 1626—27 гг.), несмотря на свое названіе, являлся учрежденіемъ съ фискальнымъ характеромъ (вѣдалъ сборы съ раскольниковъ и др.), такъ же какъ и *Патріаршій Казенный приказъ*, существовавшій уже въ эпоху смутнаго времени [5]), и вѣдавшій сборы, шедшіе прямо въ патріаршую казну.

В. Сословно-судебные приказы для свѣтскихъ лицъ.

Кромѣ приказовъ по церковному управленію появились приказы съ судебно-сословнымъ характеромъ и по военному управленію (Казачій, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Рейтарскій, Иноземскій, Разрядный); такой же характеръ получили приказъ Большой Казны—для торговыхъ людей (гостей и членовъ гостиной и суконной сотни) многихъ городовъ; приказъ Большого Дворца передалъ свои судебныя функціи по отношенію къ дворцовымъ крестьянамъ Дворцовому Судному приказу—съ 1626 г. [6]); другіе дворцовые приказы продолжали судить лицъ, имъ подвѣдомственныхъ; Посольскій приказъ судилъ иностранцевъ (кромѣ военныхъ, судившихся въ Иноземномъ приказѣ) и нѣкоторые другіе разряды лицъ; Ямской приказъ судилъ (по гражданскимъ дѣламъ) ямщиковъ, Аптекарскій—аптекарей и докторовъ (нѣкоторые приказы — какъ Разрядъ и Посольскій—сами судили своихъ подъячихъ; Челоби-

---

[1]) Уложеніе 1649 г., гл. XIII, ст. I.

[2]) На которыхъ иски вчинялись въ Патріаршемъ Дворѣ.

[3]) А также въ А. А. Э., IV, № 16; III, 277; А. Ист. III, № 65.

[4]) П. Собр. Зак. № 711.

[5]) А. Ист., II, № 355.

[6]) Вивл., т. XX (по записнымъ книгамъ съ 1665 г.).

тенный приказъ судилъ всѣхъ вообще приказныхъ дьяковъ и подъячихъ), и вообще каждый почти приказъ имѣлъ право гражданскаго суда по искамъ, предъявленнымъ къ тѣмъ или другимъ разрядамъ лицъ, подчиненныхъ этому приказу на томъ или другомъ основаніи (право суда, — особенно надъ лицами, изъятыми изъ подсудности мѣстнымъ властямъ,—имѣли и четверти).

Расправная Палата.

Къ концу XVII в. появилось еще одно центральное учрежденіе съ судебными функціями: это была *Расправная Палата* (или Разрядная), образовавшаяся изъ временной комиссіи думы (такъ называемой „малой думы" изъ самыхъ близкихъ къ царю и довѣренныхъ бояръ), которая со временъ Алексѣя Михайловича учреждалась всякій разъ на время отсутствія государя изъ Москвы [1]).

Преобразованіе временной комиссіи съ функціями преимущественно административными (рѣшеніе текущихъ дѣлъ на время отсутствія царя) въ постоянное апелляціонное учрежденіе, рѣшавшее судебныя дѣла, поступившія изъ приказовъ въ думу, и затѣмъ уже вносившее ихъ въ думу, произошло, по мнѣнію пр. Ключевскаго [2]), въ началѣ 1681 г., при чемъ первымъ ея предсѣдателемъ былъ князь И. И. Одоевскій. Существовала эта палата до 1694 г.; въ этомъ году изданъ указъ, предписывавшій судныя дѣла по докладу изъ приказовъ слушать „у государей вверху"... бояромъ и думнымъ людемъ *всѣмъ*" [3]). Расправная Палата въ 90 гг. XVII стол. изъ учрежденія съ самостоятельной судебной властью превратилась въ простую канцелярію для пріема челобитныхъ отъ лицъ высшихъ чиновъ (прочіе, по прежнему, подавали въ Челобитенный приказъ) на имя государей; челобитныя принимаютъ думные дьяки, которые одни теперь остались въ Расправной Палатѣ, такъ какъ судебнаго присутствія тамъ уже не было—и вносятъ ихъ въ общее присутствіе боярской думы.

Въ 1700 году велѣно разобрать всѣ дѣла, поступившія въ Расправную Палату изъ приказовъ по частнымъ челобитіямъ, и разослать эти дѣла по приказамъ. Такимъ образомъ, исторія Расправной Палаты представляетъ намъ какъ разъ обратный ходъ развитія по сравненію съ исторіей Челобитеннаго приказа, кото-

---

[1]) См. Ключевскій, op. cit., стр. 425—428.

[2]) Пр. Ключевскій считаетъ Расправную Палату посредствующей судебной инстанціей между думой и приказами.

[3]) П. С. З., № 1491.

рый изъ простой канцеляріи для пріема прошеній превратился постепенно въ высшее апелляціонное судилище для разбора дѣлъ, уже рѣшенныхъ приказами, личнымъ судомъ царя (или лица, кому царь поручитъ), помимо думы.

III. Приказы территоріальные.

Теперь намъ остается разсмотрѣть происхожденіе еще одной группы приказовъ, возникшихъ независимо отъ внутренней эволюціи московскаго управленія въ XVI вѣкѣ и отъ реформъ Ивана Грознаго; это—группа приказовъ *территоріальныхъ*, появленіемъ своимъ обязанная внѣшней политикѣ только-что объединеннаго Московскаго государства.

Политика эта не была по существу завоевательной: однако, силой обстоятельствъ Москва принуждена была, отражая непрерывный напоръ сосѣдей съ востока, юга и запада на ея границы, сама переходить въ наступленіе, выдвигать ради безопасности собственныхъ предѣловъ линіи своихъ „городковъ" далеко къ югу и къ востоку,—въ крымскія и поволжскія степи,—или даже, смотря по обстоятельствамъ, присоединять къ своимъ владѣніямъ цѣлыя области и государства, сосѣдство которыхъ—при независимомъ ихъ существованіи—грозило ей непрестанной опасностью: такъ были присоединены царства Казанское, Астраханское, Сибирское и земли уральскихъ и сибирскихъ инородцевъ. Только по отношенію къ западнымъ сосѣдямъ—Литвѣ и Ливонскому ордену, которые замѣнила потомъ Швеція—политика Москвы уже со временъ Ивана III пріобрѣла нѣсколько иной характеръ, особенно рѣзко обнаружившійся въ эпоху Ливонской войны, при Грозномъ. Почти инстинктивно стремясь добыть себѣ свободный выходъ къ морю Москва вступаетъ въ борьбу съ ослабѣвшимъ орденомъ; но когда на мѣсто его стала сильная Швеція, борьба съ нею скоро по необходимости приняла оборонительный для Москвы характеръ. Въ наступательную борьбу съ Литвой Москва вступаетъ въ концѣ XV в., отчасти просто, чтобы дать отпоръ завоевательнымъ стремленіямъ Литвы, ея „Drang nach Osten", такъ рѣзко обозначившемуся при Витовтѣ, отчасти же подъ вліяніемъ новыхъ (или вновь ожившихъ) идей объ единствѣ русской земли, о наслѣдственныхъ правахъ Московскихъ государей, какъ потомковъ св. Владиміра, на западно-русскія области, попавшія подъ власть Литвы,—идей, особенно усердно пропагандируемыхъ духовенствомъ изъѣзжими греками [1]).

[1]) См. Милюкова „Очерки русской культуры", вып. III.

Присоединяя къ своимъ владѣніямъ ту или другую область, Московское правительство не вводило ее обыкновенно въ общій составъ своихъ земель, не подчиняло ее дѣйствію центральныхъ учрежденій, вѣдавшихъ великорусскія земли, старую область поволжскихъ великихъ княженій. Эти учрежденія, будучи естественнымъ порожденіемъ весьма сложныхъ историческихъ и бытовыхъ условій, дѣйствовавшихъ въ земляхъ волжско-окскаго раіона, и были вполнѣ и до мельчайшихъ подробностей приспособлены именно къ этимъ условіямъ, такъ что оказались бы по меньшей мѣрѣ неудобными для дѣятельности во всякой иной обстановкѣ (особенно это можно сказать о четяхъ, специфическій характеръ коихъ необходимо обусловливался той поразительной территоріальной и административной раздробленностью, которая господствовала въ бассейнѣ Оки и Верхней Волги). Московское правительство хорошо понимало это и, несмотря на свое исконное стремленіе къ централизаціи, даже не помышляло о распространеніи дѣйствія старыхъ московскихъ приказовъ не только на области съ чисто инородческимъ населеніемъ, какъ Казань или Сибирь, но даже чисто русскую Новгородскую область долго не рѣшалось въ полномъ объемѣ подчинить дѣйствію этихъ учрежденій и вполнѣ уравнять ее въ административномъ отношеніи со старыми московскими владѣніями.

Впрочемъ, въ отношеніяхъ Московскаго правительства къ Новгородской области и къ другимъ окраинамъ замѣтна большая разница. Новгородская область, хотя и отличалась отъ московскаго центра условіями экономическаго быта и своимъ историческимъ прошлымъ, все же была исконно русскою областью. Московское правительство видѣло, что условія быта въ Новгородской области (и бывшихъ Новгородскихъ земляхъ — Перми, Вяткѣ и другихъ) иныя, чѣмъ въ низовыхъ земляхъ, но эти условія были ему все же понятны, хоть и несимпатичны, поддавались его изученію. Иное положеніе было въ земляхъ восточныхъ инородцевъ, присоединенныхъ къ Москвѣ одной силою оружія (чего нельзя сказать про присоединеніе Новгорода, такъ какъ тутъ кромѣ оружія дѣйствовали и другіе факторы, пожалуй, даже болѣе важные): здѣсь—въ этихъ восточныхъ земляхъ—всѣ условія жизнинаселенія были чужды и непонятны московскому правительству. Оно не имѣло ни желанія, ни времени изучать ихъ. Изъ въэтто различія самомъ положеніи московскаго правительства относительно вновь присоединенныхъ земель на Западѣ и на Востокѣ вытекаетъ и различіе системъ управленія, принятыхъ правительствомъ для тѣхъ и другихъ земель.

А. Территоріальные приказы по западной окраинѣ.

Въ Новгородской области, вскорѣ послѣ ея присоединенія, мы встрѣчаемъ такія же учрежденія для завѣдыванія различными отраслями управленія, какія существовали тогда въ Москвѣ: Новгородскій Разрядъ [1]), Новгородскій Дворецъ [2]), при чемъ эти учрежденія дѣйствовали не изъ Москвы, а изъ Новгорода. Въ Новгородѣ образовалось подобіе Московскаго центральнаго правительства, съ намѣстникомъ во главѣ; намѣстникъ этотъ имѣлъ весьма обширныя полномочія, которыхъ не коснулись даже оба Судебника (ему принадлежалъ даже уголовный судъ по всѣмъ дѣламъ безъ доклада) и по характеру своей власти мало походилъ на обыкновенныхъ московскихъ намѣстниковъ; это былъ, скорѣе, вице-король sui generis. Затѣмъ, правда, власть его въ значительной мѣрѣ была ограничена дьяками—изъ соображеній политическихъ и финансовыхъ, но самые эти дьяки, раздѣлившіе его власть, получили также весьма широкія полномочія. Характеръ и значеніе этого мѣстнаго Новгородскаго управленія прекрасно иллюстрируется цѣлымъ рядомъ грамотъ, посланныхъ изъ Москвы въ Новгородъ въ 1554—1556 г.г. [3]).

Въ Смоленской области, присоединенной позже, но находившейся, приблизительно, въ такихъ же условіяхъ, какъ и Новгородская, тоже встрѣчаемъ на мѣстѣ учрежденія, подобныя Московскимъ центральнымъ: въ XVI в. уже говорится о Смоленскомъ Разрядѣ [4]). Неволинъ относитъ его къ 1564 г. Изъ этого мы видимъ, что Московское правительство, не считая возможнымъ прямо распространить дѣйствіе московскихъ центральныхъ учрежденій на вновь присоединенныя на Западѣ земли, постепенно подготовляло однако такое подчиненіе, основывая во вновь присоединенныхъ областяхъ учрежденія, совершенно аналогичныя съ Московскими по своему характеру и кругу вѣдомства. Но въ дѣятельности своей эти учрежденія, разумѣется, должны были приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ чего не могли бы дѣлать старые приказы, дѣйствовавшіе изъ Москвы и слишкомъ привыкшіе къ Московскимъ условіямъ; но въ то же время эти мѣстныя учрежденія должны были пріучать населеніе къ порядкамъ московской администраціи, подготовлять край къ

---

[1]) См. А. Ист., II, № 355; затѣмъ въ записныхъ книгахъ 1659.

[2]) О Новгородскихъ дворцовыхъ дьякахъ говорится въ 1518 г. (П. Собр. Лѣт., VI, 280—281.

[3]) Изъ нихъ отпечатано только 133 грамоты—въ Д. А. Ист., т. I, № 47, 49,—112.

[4]) А. А. Э., I, № 289, лщ. 181; затѣмъ А. Ист., II, № 355.

полному административному сліянію съ центромъ. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ: Новгородскій и Смоленскій разряды, такъ же какъ и Новгородскій дворецъ, имѣли только временное значеніе и къ серединѣ XVII в. они исчезаютъ уже: дворцовый приказъ въ Новгородѣ упоминается еще въ 1636 г. [1]), и нѣсколько раньше— въ 1619—21 г.г, но уже въ качествѣ мѣстнаго отдѣленія Московскаго Большого Дворца; Разрядъ Новгородскій встрѣчается въ записныхъ книгахъ 1659 г., но это, должно быть, временно открытое въ Новгородѣ—по случаю войны со Швеціей—отдѣленіе Московскаго разряда, нѣчто въ родѣ главнаго штаба дѣйствующей арміи.

Сразу послѣ присоединенія какъ Новгорода, такъ и Смоленска мы не замѣчаемъ слѣдовъ существованія особыхъ территоріальныхъ приказовъ, которые *изъ Москвы* вѣдали бы всѣ отрасли управленія присоединенныхъ областей. «Новгородскій приказъ Новгороду Нижняго», вѣдающій также Новгородъ Великій и Псковъ, упоминается только въ извѣстной «описи царскаго архива» [2]), такъ что грамоты, присланныя изъ этого приказа, о которомъ здѣсь говорится, относятся, вѣроятно, къ 60-мъ или 70-мъ г.г. XVI стол. Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы упомянутый здѣсь Новгородскій приказъ» «Новгорода Нижняго» былъ настоящимъ территоріальнымъ приказомъ, учрежденнымъ спеціально для управленія Новгородской областью вскорѣ по ея присоединеніи. Сомнѣніе возбуждаетъ уже самое названіе приказа: «Новгородскій приказъ Новгорода Нижняго»; при чемъ тутъ Новгородъ Нижній, если бы здѣсь, дѣйствительно, говорилось о территоріальномъ Новгородскомъ приказѣ? Скорѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло съ началомъ Нижегородской четверти.

Особаго территоріальнаго приказа для управленія Новгородской областью въ XVI в., кажется, и вовсе не было. Все мѣстное управленіе сосредоточивалось сначала въ рукахъ намѣстника, сносившагося прямо съ великимъ княземъ и съ думой. Затѣмъ финансовое управленіе было изъято изъ рукъ намѣстниковъ и вѣдалось (тутъ же на мѣстѣ) особыми «дьяками Новгородскими», нѣкоторые изъ которыхъ были «дворцовыми» (напр. дьякъ Арцыбашевъ, сидѣвшій въ Новгородскомъ Дворцѣ въ 1588 г.); съ теченіемъ времени въ Москвѣ создалась центральная канцелярія—четь [3]) для пріема доходовъ, собранныхъ Новгородскими дьяками. По дѣ-

---

[1]) А. А. Э., III, № 259 и Милюкова, „Гос. Хоз.", стр. 31, пр. 3.

[2]) А. А. Э., I, № 289, ящ. 108.

[3]) Сначала Андрея Щелкалова, затѣмъ дьяковъ Нормацкаго, Вахрамѣева и т. д.—впослѣдствіи Нижегородская.

ламъ же, собственно административнымъ, относившимся еще въ 60-хъ и 70-хъ г.г. къ вѣдомству намѣстника, высшей инстанціей въ ряду московскихъ центральныхъ учрежденій сдѣлался *Посольскій приказъ*, который, какъ кажется, съ самаго основанія своего получилъ высшій надзоръ за ходомъ управленія во вновь присоединяемыхъ земляхъ по западной границѣ Московскаго государства, стоявшихъ внѣ общаго порядка земскаго управленія, господствовавшаго въ центральной области четей, подчиненной административному надзору Разряда.

Къ самому концу XVI в. (приблизительно около 1597 г.) областное управленіе Новгородской области слилось воедино съ финансовымъ, такъ что Новгородская (Нижегородская) четь сдѣлалась общимъ центральнымъ учрежденіемъ для всего управленія областью и пріобрѣла территоріальный характеръ, но зато подчинилась высшему надзору Посольскаго приказа. Поэтому, правильнѣе всего будетъ отнести начало территоріальнаго *Новгородскаго* приказа къ самому концу XVI стол., между 1597 и 1601 г. [1]). Для управленія Смоленскою областью сначала тоже, вѣроятно, не существовало особаго центральнаго учрежденія съ территоріальнымъ характеромъ, а дѣлами ея завѣдывалъ Посольскій приказъ. Особый *Смоленскій приказъ* является только въ XVII в., послѣ завоеванія Смоленска въ 1654 г. (въ записныхъ книгахъ онъ значится только съ 1671 г., но по дѣламъ Посольскаго приказа—уже съ 1657 г.), опять таки, какъ учрежденіе, подчиненное Посольскому приказу. Въ XVII в. возникаетъ цѣлый рядъ областныхъ приказовъ для управленія землями, отнятыми отъ Польши въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ 50-хъ и 60-хъ г.г. этого столѣтія. Всѣ это приказы, за исключеніемъ Малороссійскаго, носили временной характеръ, такъ какъ области, которыя они вѣдали, послѣ Андрусовскаго мира 1667 г. были возвращены Польшѣ.

Всѣ эти приказы за время своего существованія находились въ вѣдѣніи Посольскаго приказа, который въ XVI в. пріобрѣлъ выдающееся значеніе въ ряду другихъ московскихъ приказовъ, которое перевѣсило, подъ конецъ, значеніе Разряда. Конечно, Посольскій приказъ этимъ своимъ возвышеніемъ въ значительной степени былъ обязанъ личному значенію государственныхъ дѣятелей, стоявшихъ во главѣ его во второй половинѣ XVII в.—Ордина-Нащокина, Матвѣева и кн. В. В. Голицына, но еще большее вліяніе на этотъ подъемъ его значенія имѣло то важное обстоятельство, что въ его рукахъ мало-по-малу сосредоточилось высшее руководство не только дипломатическими, но и *военными*

[1]) А. А. Э., II, № 18.

отношеніями съ нашими западными сосѣдями—Польшей и Швеціей, тогда какъ на долю Разряда осталась охрана южной степной границы отъ набѣговъ крымцевъ.

Основаніе же такого раздѣленія дѣла національной обороны между двумя центральными учрежденіями можно видѣть въ измѣненіи самыхъ условій веденія войны въ XVII в. по сравненію съ XVI в. Старая дворянская конница, сопровождаемая пѣхотой изъ холопей и дворовыхъ людей, плохо обученная, недостаточно организованная и съ устарѣлымъ вооруженіемъ, не годилась больше въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ европейскаго войска поляковъ и шведовъ, такъ что старое дворянское ополченіе приходилось употреблять преимущественно противъ татаръ, на борьбу съ которыми и была собственно разсчитана вѣками сложившаяся организація нашего служилаго сословія и его ополченія; въ войнахъ же съ Польшей и Швеціей ядро русской арміи въ XVII в. составляли уже новые роды войска, отчасти организованные подъ вліяніемъ западныхъ взглядовъ на военное дѣло (стрѣльцы), отчасти прямо обученные по европейскому образцу (пушкари, рейтары); рядомъ съ этимъ войскомъ сражались и наемные отряды изъ западныхъ европейцевъ. Всѣ эти роды войска не были подчинены уже Разряду, а вѣдались каждый въ своемъ особомъ приказѣ. Но нужно было поручить какому-нибудь центральному учрежденію общее руководство въ борьбѣ съ западными сосѣдями, борьбѣ тяжелой и опасной: такимъ учрежденіемъ не могъ быть ни Разрядъ,—т.-е. его организація не отвѣчала новымъ условіямъ борьбы,—ни какой-нибудь изъ многочисленныхъ военныхъ приказовъ—ихъ кругъ вѣдомства былъ слишкомъ узокъ для такой широкой задачи. Всего естественнѣе было поручать это руководство Посольскому приказу, такъ какъ ему лучше, чѣмъ всякому иному учрежденію, были извѣстны политическія, военныя и бытовыя условія нашихъ западныхъ сосѣдей, равно какъ и пограничныхъ съ ними московскихъ окраинъ.

Въ XVII в. центръ тяжести нашей внѣшней политики переносится съ востока на западъ: татарскія орды изъ-за Урала и Волги перестали грозить самому существованію Московскаго государства; Казань и Астрахань были покорены, московская колонизація распространилась вглубь Сибири. Осталась одна Крымская орда, сильно еще безпокоившая московскіе предѣлы, но не представлявшая уже сама по себѣ серьезной опасности. На западѣ же тѣмъ временемъ ярко обозначились двѣ важныя задачи, которыя предстояло рѣшить Московскому государству: объединеніе всѣхъ русскихъ земель подъ скипетромъ московскаго государя (другими словами—завоеваніе Литовско-русскихъ земель) и завоеваніе себѣ

выхода къ Балтійскому морю. Непосредственнымъ орудіемъ правительства при разрѣшеніи той и другой задачи явился Посольскій приказъ, тогда какъ на долю Разряда досталось завершеніе старой исторической «борьбы со степью», охрана тыла Московскаго государства, которое повернулось теперь лицомъ къ Западу. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ руководящая роль въ ряду московскихъ приказовъ должна была перейти отъ Разряда къ Посольскому приказу, въ вѣдѣніе котораго, въ 80-хъ г. г. XVI стол., попадаютъ даже великорусскія чети, съ самаго возникновенія своего всегда стоявшія въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Разряду; впрочемъ, до извѣстной степени эта связь сохранилась и въ 80-хъ г.г.: Разрядъ продолжаетъ назначать воеводъ въ города, подчиненные четямъ. Но за то вся западная окраина государства, особенно со времени польской войны 1654—1667 г.г. вполнѣ и нераздѣльно была подчинена вѣдѣнію Посольскаго приказа. Съ начала столѣтія, какъ уже сказано, въ связи съ Посольскимъ приказомъ стояло только одно-полу-финансовое, полу-административное учрежденіе—Новгородская четь; но изъ земель, которыя она вѣдала, далеко не всѣ находились въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ низовымъ землямъ, попавшимъ въ вѣдомство этой чети по чисто финансовымъ соображеніямъ и не стоявшихъ ни въ какой исторической связи съ Вел. Новгородомъ. Напр. къ Нижнему-Новгороду, Арзамасу и др. Посольскій приказъ не имѣлъ, кажется, никакого отношенія, такъ же какъ и къ большей части бывшихъ Новгородскихъ земель (Двинѣ, Вагѣ и т. д.); нѣсколько городовъ,—какъ въ вѣдомствѣ Новгородской чети, такъ и въ областяхъ другихъ приказовъ (напр. Чердынь, Соликамскъ, Вязьма, Елатьма, Касимовъ, Романовъ) были приписаны къ Посольскому приказу нѣкоторыми сборами, изъ чисто финансовыхъ соображеній; собственно административную связь Посольскій приказъ сохранялъ только съ самимъ Новгородомъ и окружавшей его, пограничной со Швеціей, областью. Связь эта дѣлается болѣе опредѣленной ко времени Шведской войны 1657—1661 г.; въ 1657 г. Новгородская четь была прямо подчинена Посольскому приказу, а въ 1670 г. она получила названіе *Новгородскаго приказа*, болѣе соотвѣтствующее пріобрѣтенному ею въ XVII в. областному, территоріальному характеру, чѣмъ старое названіе *чети*—центральной кассы для сбора доходовъ. Польская война 1654-67 г.г. вызвала къ жизни цѣлый рядъ территоріальныхъ приказовъ для управленія областями, отторгнутыми отъ Польши. Изъ нихъ по заключеніи мира сохранили существованіе только Смоленскій [1]) и Малороссійскій. По дѣламъ

[1]) По дѣламъ Посольскаго приказа—съ 1657 г.

Посольскаго приказа послѣдній значится съ 1649 г., но въ это время самаго учрежденія еще не могло существовать, а начались только переговоры съ Хмельницкимъ, къ которому Московское правительство отправило посла съ дарами послѣ побѣды его надъ поляками при Пилявѣ; весьма вѣроятно, что этими переговорами завѣдывалъ особый столъ Посольскаго приказа и что именно изъ этого стола и образовался потомъ—послѣ Переяславской рады 8-го января 1654 г.—Малороссійскій приказъ (по разряднымъ книгамъ онъ значится только съ 1663 г.). Функціи его носили вначалѣ главнымъ образомъ дипломатическій характеръ; онъ отправлялъ къ гетману гонцовъ, отпускалъ воеводъ въ Малороссію, вѣдалъ переписку съ гетманомъ по иностраннымъ дѣламъ,—о сношеніяхъ Малороссіи съ сосѣдними государствами, принималъ малороссійскихъ должностныхъ лицъ,—свѣтскихъ и духовныхъ, пріѣзжавшихъ въ Москву. По мѣрѣ скрѣпленія узъ, связывавшихъ Малороссію съ Москвой, Малороссійскій приказъ все больше вмѣшивался во внутреннія дѣла Малороссіи, которыхъ по условіямъ Переяславскаго договора онъ вовсе не долженъ былъ касаться, и подъ конецъ пріобрѣлъ отчасти характеръ центральнаго учрежденія для высшаго надзора за управленіемъ подчиненной ему области.

Кромѣ Малороссійскаго и Смоленскаго приказовъ Польская война 1654—57 г.г. вызвала учрежденіе приказовъ: *Литовскаго*, вѣдавшаго Вильну, Полоцкъ, Могилевъ и другіе города, завоеванные русскими; приказъ этотъ, учрежденный въ 1656 г. былъ формально упраздненъ въ 1667 г. по Андрусовскому перемирію, когда онъ и прекратилъ свою дѣятельность и дѣла его были отосланы въ Разрядъ; (въ записныхъ книгахъ значится съ 1663 г. по 1669 г.); и приказъ *Лифляндскихъ дѣлъ*, упоминаемый въ записныхъ книгахъ съ 1660 по 1666 г., - для управленія отнятыми отъ Швеціи Ливонскими городами; онъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность въ 1661 г., послѣ Кардисскаго мира.—Въ началѣ XVII в. былъ еще одинъ приказъ, возникшій изъ военно-дипломатическихъ отношеній къ Польшѣ, приказъ этотъ, называвшійся *Панскимъ*, упоминается въ документахъ всего одинъ разъ, въ 1620 г., въ грамотѣ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю о выдачѣ двухъ плѣнныхъ нѣмцевъ, содержавшихся въ немъ, для отправки ихъ въ Тобольскъ: отписку объ исполненіи приказанія велѣно отдать въ Панскомъ приказѣ [1]. Можно думать, что приказъ этотъ вѣдалъ многочисленныхъ литовскихъ плѣнниковъ, оставшихся въ Москвѣ послѣ смутнаго времени. Уже въ царствованіе Петра и Іоанна Алексѣевичей возникъ еще одинъ приказъ военно-территоріальнаго характера,—но этотъ при-

[1] А. А. Э., т. III, № 113.

казъ былъ подчиненъ уже не Посольскому приказу, а Разряду, такъ какъ въ его вѣдомствѣ находилась область такъ называемой «слободской украйны», расположенная по южной, степной границѣ Московскаго государства. Мы говоримъ о *Великороссійскомъ приказѣ*, вѣдавшимъ полки Изюмскій, Ахтырскій, Харьковскій и Сумскій съ ихъ территоріей и учрежденный въ 1688 г. Раньше эти области вѣдались въ военномъ и административномъ отношеніи въ Бѣлогородскомъ столѣ [1]) Большого Разряда. Въ 1676 г. города Бѣлогородскаго полка, вѣдавшагося въ этомъ столѣ, были распредѣлены между двумя разрядами [2]), —Бѣлогородскимъ и Тамбовскимъ, причемъ Ахтырскъ, Изюмъ, Харьковъ и Сумы вошли въ составъ перваго. Они принадлежали къ нему еще въ 1683 г., какъ видно изъ переписной книги Бѣлогородскаго стола этого года [3]), но вскорѣ стали вѣдаться въ особомъ учрежденіи подчиненномъ однакоже Разряду. Учрежденіе это было похоже на старинные областные «разряды», дѣйствовавшіе изъ Москвы, но функціи его не были исключительно военными, что обусловливалось мѣстными особенностями: въ Слободской Украинѣ, также какъ и въ Малороссіи, полки были не только военнымъ, но и территоріальнымъ дѣленіемъ, такъ какъ въ составъ «полка» входило все привилегированное «казачье» населеніе, которое одно только и принималось въ расчетъ при дѣленіи страны на административные округа (не считая, впрочемъ, городского «мѣщанскаго» населенія, имѣвшаго особое управленіе).

В. Территоріальные приказы по восточной окраинѣ.

Мы покончили съ военно-территоріальными приказами, создавшимися въ XVII в. для управленія пограничными областями по западной и по южной границѣ. Перейдемъ теперь къ тѣмъ— въ полномъ смыслѣ слова—территоріальнымъ приказамъ, которые вѣдали *во всѣхъ отношеніяхъ* восточныя области Московскаго государства, съ преобладающимъ инородческимъ населеніемъ.

Какъ мы уже сказали, Московское правительство держалось по отношенію къ этимъ землямъ совершенно иной политики, чѣмъ

---

[1]) См. Загоскина „столы разрядного приказа" стр. 24—25.

[2]) „Разрядами называлась въ это время совокупность нѣсколькихъ городовъ воеводы которыхъ были подчинены воеводѣ главнаго города въ военномъ (а вслѣдствіе этого—отчасти и въ административномъ) отношеніи. Проф. Загоскинъ сближаетъ ихъ съ позднѣйшими корпусами, но значеніе ихъ не было исключительно военнымъ.

[3]) Арх. Мин. Юст., № 121.

та, которой оно слѣдовало по отношенію къ западнымъ окраинамъ. Если провести параллель между политикой Москвы и Рима по отношенію къ завоеваннымъ территоріямъ, то можно подмѣтить аналогію между отношеніями Рима къ cives latini и къ «союзникамъ» (особенно къ жителямъ Италіи) и отношеніями Москвы къ жителямъ Новгородской области, Смоленска и Малороссіи—съ одной стороны—и отношеніямъ Рима къ обыкновеннымъ «провинціаламъ» и отношеніями Москвы къ восточнымъ инородцамъ тюркскаго и финскаго происхожденія—съ другой. Москва, чувствуя себя совершенно чуждой всему жизненному укладу и понятіямъ этихъ инородцевъ, не вмѣшивалась въ ихъ внутреннюю жизнь, не пыталась измѣнять тѣ условія - бытовыя, экономическія и юридическія—въ которыхъ они издавна жили. Москва только облагала ихъ ясакомъ (деньгами или натурой), иногда воинской повинностью (обязанностью выставлять вспомогательныя отряды). Сборомъ ясака и надзоромъ за отправленіемъ воинской повинности завѣдывало центральное московское учрежденіе: «дворецъ» или «приказъ», сносившееся съ бояриномъ—намѣстникомъ или воеводой данной области, пользовавшимся очень широкими полномочіями, напоминавшими полномочія римскихъ проконсуловъ въ провинціяхъ, отдаленныхъ отъ Рима. Неволинъ совершенно правъ, когда говоритъ, что эти воеводы (въ Казани, Астрахани и Сибири) завѣдывали своими областями на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ бояре въ Москвѣ завѣдывали порученными имъ приказами (съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ Градовскій, полагающій, что воеводы «великихъ городовъ» немногимъ превосходили по власти обыкновенныхъ городовыхъ воеводъ) [1]). Они вѣдали порученную имъ территорію во всѣхъ отношеніяхъ, отправляя въ ней заразъ функціи Дворца, Разряда, финансовой чети и Помѣстнаго приказа. По тѣмъ же дѣламъ, которыя они не имѣли право рѣшать собственною властью, они сносились съ верховной властью черезъ посредство территоріальныхъ приказовъ, которые носили, такимъ образомъ, характеръ центральныхъ канцелярій для сношеній царя и думы съ областными воеводами восточныхъ окраинъ.

Такихъ приказовъ въ Москвѣ было, собственно, только *два*: Казанскій (и Мещерскій) Дворецъ и Сибирскій приказъ. Казань была завоевана Грознымъ въ 1552 г., а уже въ 1553 г. встрѣчаемъ «Казанскаго дворецкаго»—Даніила Романовича Юрьева [2]). Должно быть, прежде всего въ непосредственное вѣдѣніе центральнаго правительства во вновь покоренныхъ земляхъ были изъяты территоріи, прини-

---

[1]) Т. II, стр. 321.

[2]) Сб. И. Р. И. Общ. т. LIX, стр. 374.

санныя къ дворцовому вѣдомству,—вѣрнѣе, ставшіе государственнымъ имуществомъ, доменами, такъ какъ эти территоріи не были подчинены Большому Дворцу, приспособленному къ дѣятельности въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ; для управленія ими было создано новое учрежденіе; такъ возникъ, по нашему мнѣнію, Казанскій и Мещерскій Дворецъ, упомянутый въ записныхъ книгахъ 1599 г. и въ памяти Тавренскимъ волостнымъ судейкамъ [1]) 1607 г. Но уже начиная съ 1565 г. упоминается неоднократно въ актахъ *Казанская Изба* [2]). Въ 80-хъ и 90-хъ г.г. XVI стол. въ Казанской избѣ сидѣлъ дьякъ Дружина Петелинъ, упоминаемый Флетчеромъ въ 1588 г. [3]); въ 1599 г.—дьяки Аѳан. Власьевъ и Нечай Ѳедоровъ [4]). Астрахань также вѣдалась сначала въ Казанскомъ Дворцѣ (еще въ 1662 г.), но во второй половинѣ XVII в. перешла въ Посольскій приказъ, который еще въ 1623 г. вѣдалъ донскихъ казаковъ. Наоборотъ, Сибирь, подчиненная сейчасъ по ея завоеваніи Посольскому приказу (еще въ 1595 г. Сибирь вѣдалъ Василій Щелкаловъ, въ качествѣ дьяка этого приказа), а потомъ, вѣдавшаяся особой четвертью Ивана Вахромеева [5])—въ 1596—97 г.г.,—въ 1599 г. перешла въ вѣдѣніе Казанскаго Дворца, въ которомъ и оставалась до 1637 г., когда въ записныхъ книгахъ впервые является *Сибирскій приказъ* [6]).

Въ вопросѣ о территоріальныхъ приказахъ въ нашей историко-юридической литературѣ, къ сожалѣнію, издавна господствуетъ воззрѣніе, смѣшивающее ихъ съ финансовыми четями въ одну группу «областныхъ приказовъ». Это смѣшеніе—ближайшимъ, хотя и чисто внѣшнимъ поводомъ къ которому послужили областныя названія четей въ XVII в.,—весьма пагубно повліяло на разъясненіе характера и значенія приказовъ той и другой группы, такъ какъ не давало возможности выдѣлить характерные признаки каждой группы; г.г. Милюковъ и Середонинъ первые ясно указали на невозможность смѣшенія четей съ областными (территоріальными) приказами, хотя правильный путь въ этомъ вопросѣ былъ достаточно ясно еще указанъ Неволинымъ, но послѣдующіе историки—юристы (какъ напр. Градовскій) не обратили вниманія на это указаніе или даже прямо отвергли его.

Говоря объ отношеніяхъ между общими приказами и осо-

---

[1]) А. Юр. № 337.

[2]) А. А. Э., I, № 289, зап. 153—дьяки Истома Кузьминъ и Михайло Воропой—въ 70-хъ г.г. XVI в.—и др.,—см. также Лихачева, op. cit., стр. 79, прим.

[3]) Лихачевъ, ib. стр. 493.—Др. Петелинъ и Захарій Свіязевъ—въ Казанск. Дв. въ 1589—91 г.г. и снова Петелинъ въ 1595 г.

[4]) Лихачевъ, ib., стр. 514.

[5]) Лихачевъ, op. cit., стр. 97, приложеніе.

[6]) Вивл., т. XX.

бенными, Неволинъ, высказавъ предположеніе, что *особенные* (иначе территоріальные) приказы вѣдали сначала извѣстныя области во всѣхъ отношеніяхъ, а затѣмъ уже нѣкоторыя предметы выдѣлились изъ ихъ вѣдѣнія въ вѣдѣніе общихъ приказовъ,—говоритъ далѣе, что области *отдаленныя*, *непохожія* на центръ по своимъ условіямъ, и впослѣдствіи—для большаго удобства и силы—управлялись однимъ приказомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Оставивъ въ сторонѣ первое предположеніе Неволина, не подтвердившееся позднѣйшими изслѣдованіями [1]), мы видимъ, что далѣе онъ уже достаточно ясно указываетъ существенный и характерный признакъ московскихъ территоріальныхъ приказовъ—ихъ «*особенность*», то обстоятельство, что они дѣйствовали только на окраинахъ, въ мѣстностяхъ, *изъятыхъ* изъ подъ дѣйствія общихъ началъ московскаго управленія; это были, дѣйствительно, «особенные» приказы, *исключеніе*, а не правило въ общемъ порядкѣ мѣстнаго управленія. На этотъ признакъ «особенности» «экстраординарности» и слѣдовало бы обратить вниманіе послѣдующимъ ученымъ: только такимъ путемъ они избавили бы себя отъ смѣшенія двухъ совершенно различныхъ вопросовъ:—вопроса о четяхъ, связаннаго съ финансовой и сословной политикой Московскаго государства, и вопроса объ областныхъ приказахъ, связаннаго съ его внѣшней и территоріальной политикой (въ частности—съ его борьбой съ сепаратизмомъ въ пограничныхъ областяхъ но никакъ не въ области четей, гдѣ его и быть никогда не могло но гдѣ его ищетъ Градовскій и въ немъ видитъ причину раздробленности территоріей четей); смѣшеніе это породило страшную запутанность вопроса, которая только теперь начинаетъ мало по малу проясняться.

Особенно способствовалъ этому смѣшенію Градовскій. Нѣкоторые изслѣдователи до него (Кавелинъ [2]), Троцина) просто смѣшали въ одну группу четы и настоящіе областные приказы, не дѣлая изъ этого дальнѣйшихъ выводовъ. Впрочемъ, Кавелинъ въ одномъ мѣстѣ [3]) говоритъ совершенно правильно, что областные приказы возникли по присоединеніи къ Москвѣ различныхъ областей и цѣлыхъ царствъ и княженій; на такое происхожденіе областныхъ приказовъ указываетъ, по мнѣнію Кавелина, ихъ позднѣйшее подчиненіе Посольскому приказу; при этомъ Кавелинъ ссылается на Сибирскій и Смоленскій приказы. Любо-

---

[1]) Древнѣйшими приказами были именно приказы, вѣдавшіе *извѣстную область* управленія—на всей ли территоріи государства, или первоначально въ одномъ только Московскомъ уѣздѣ—это безразлично,—а никакъ не областные приказы.

[2]) Кавелинъ, т. I, стр. 68.

[3]) Ib., стр. 58.

пытно однако, что онъ ничего не говоритъ при этомъ о четяхъ: относитъ ли онъ и чети къ областнымъ приказамъ, одинаковаго происхожденія съ Смоленскимъ и Сибирскимъ приказами, или нѣтъ? Правда, и чети (кромѣ Костромской) были подчинены въ 1681 г. Посольскому приказу, но, конечно, это подчиненіе не можетъ стоять ни въ какой преемственной связи съ событіями XIV—XV в. в., повлекшими за собой присоединеніе области четей къ Москвѣ, и не имѣетъ ничего общаго съ постояннымъ подчиненіемъ Посольскому приказу настоящихъ областныхъ приказовъ. Однако, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ [1]) Кавелинъ прямо относитъ чети къ одной группѣ съ собственно территоріальными приказами [2]), то надо думать, что и въ данномъ случаѣ онъ предполагаетъ тоже самое.

Градовскій обратилъ особенное вниманіе на указанное Неволинымъ различіе въ порядкѣ отношеній мѣстныхъ правительственныхъ органовъ управленія другъ къ другу въ различныхъ мѣстностяхъ и совершенно основательно отрицаетъ [3]) существованіе рѣзкаго различія между отношеніемъ воеводъ Новгорода, Пскова, Смоленска, Казани, Астрахани и Сибири къ воеводамъ «пригородовъ», менѣе значительныхъ городовъ ихъ области—съ одной стороны,—и отношеніемъ воеводы какого нибудь значительнаго центральнаго города къ воеводамъ сосѣднихъ мелкихъ городовъ—съ другой. Но дѣло не въ этомъ различіи: если и отбросить его, всетаки остается фактъ существованія въ московскомъ государствѣ XVI (да и XVII) в. двухъ различныхъ типовъ мѣстнаго управленія, изъ которыхъ одинъ преобладалъ въ центрѣ, а другой—на окраинахъ, и эти два типа уже были вѣрно указаны Неволинымъ. Центральныя мѣстности [4])—по различнымъ дѣламъ сносились съ *различными* московскими приказами, тогда какъ окраины по всѣмъ (или почти по всѣмъ) дѣламъ вѣдались въ одномъ центральномъ учрежденіи; чѣмъ дальше отъ Москвы лежала мѣстность, чѣмъ менѣе ея условія похожи были на условія Великой Руси (напр Терки, Сибирь, донскіе казаки, Калмыки), тѣмъ шире и полнѣе примѣнялся къ ней этотъ принципъ сосредоточенія всѣхъ дѣлъ по ея управленію въ одномъ приказѣ, принципъ территоріальности. Все это подтверждается такимъ множествомъ фактовъ, что Градовскій въ сущности не споритъ противъ этого; но онъ не даетъ освѣщенія этому несомнѣнному факту, оставляетъ его въ

---

[1]) стр. 69.

[2]) И тоже говоритъ о подчиненіи ихъ Посольскому пр.

[3]) Градовскій, т. II, стр. 321—322.

[4]) Такъ называемая „область четей".

тѣни, и ополчаясь противъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ послѣдствій, выведенныхъ Неволинымъ изъ факта существованія *двухъ типовъ* мѣстнаго управленія, онъ какъ бы молча отрицаетъ самое существованіе различія между этими двумя типами. Благодаря этому, ему никакъ не удается ясно и опредѣленно формулировать характеръ и значеніе четей въ ряду Московскихъ приказовъ и въ исторіи московской центральной администраціи, именно потому, что онъ смѣшиваетъ ихъ въ одну группу съ областными приказами и не различаетъ двухъ періодовъ въ исторіи ихъ развитія—перваго—когда онѣ были исключительно финансовыми учрежденіями, и второго (съ царствованія Михаила Ѳеодоровича), когда онѣ стали пріобрѣтать нѣкоторыя административныя функціи. Впрочемъ, и отъ этого чети не сдѣлались областными, территоріальными приказами въ настоящемъ смыслѣ слова: онѣ имѣли только надзоръ за мѣстной администраціей, воеводской, земской,—исполняли по отношенію къ велико-русскимъ мѣстностямъ функціи (далеко не всѣ, однако) нынѣшняго министерства внутреннихъ дѣлъ (а отчасти и высшей инстанціи—нынѣшнихъ губернскихъ по земскимъ дѣламъ присутствій); вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ сохранили и нѣкоторыя функціи по финансовому управленію,—но имъ далеко было до той полноты власти и разносторонности, которыми отличались настоящіе областные приказы, особенно управлявшіе мѣстностями по восточной окраинѣ.

Западные областные приказы, какъ мы уже сказали, какъ бы подготовляли подчиненныя имъ мѣстности къ включенію въ общій строй и порядокъ Московскаго управленія, почему въ этихъ мѣстностяхъ—съ теченіемъ времени—все расширяется кругъ вѣдѣнія общихъ московскихъ приказовъ. Приказы же Казанскій и Сибирскій, правившіе землями, населенными инородцами и иновѣрцами (язычниками и магометанами), отчасти даже полудикими кочевниками и звѣроловами, пользовались весьма широкой властью по отношенію именно къ *этому* инородческому населенію,—безъ всякаго вмѣшательства приказовъ по общему управленію (въ такомъ же положеніи былъ Посольскій приказъ по отношенію къ Астрахани, къ донскимъ казакамъ и къ калмыкамъ).

Въ послѣдующей нашей юридической литературѣ изученіе территоріальныхъ приказовъ было тѣсно связано съ изученіемъ четей и, хотя многіе изслѣдователи указывали на болѣе широкую компетенцію областныхъ органовъ (воеводъ) въ отдаленныхъ отъ Москвы мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ, отмѣчали и фактъ подчиненія этихъ воеводъ *одному* московскому приказу во всѣхъ (или почти во всѣхъ) отношеніяхъ,—однако всѣ эти вѣрно подмѣченные въ отдѣльности признаки, не могли повести къ точ-

ному и ясному опредѣленію понятія «областного территоріальнаго приказа», пока это понятіе не было самымъ рѣшительнымъ образомъ разграничено отъ понятія «чети», — а это разграниченіе могло произойти не раньше, какъ послѣ детальной разработки и правильнаго освѣщенія вопроса о четвертяхъ; и дѣйствительно, какъ только—въ послѣднее время разработка эта была предпринята г.г. Милюковымъ, Середонинымъ и пр. Платоновымъ, такъ сейчасъ же и выяснилось—въ работахъ этихъ самыхъ ученыхъ—истинное значеніе, которое слѣдуетъ придавать термину «областной приказъ», а также то, какія именно учрежденія слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ терминомъ и какія нельзя подводить подъ него.

Въ сущности опредѣленіе областныхъ приказовъ осталось то самое, которое далъ еще Неволинъ, только у него оно затемнялось разными сопутствующими соображеніями, неправильность которыхъ обнаруживается впослѣдствіи, напр. утвержденіемъ, что Новгородъ, Псковъ и нѣкоторыя другія мѣстности «имѣли центральное управленіе на мѣстѣ», и что власть воеводъ этихъ городовъ, равная власти Московскихъ приказовъ, распространялась на множество подчиненныхъ городовъ, воеводы которыхъ сносились съ Москвой *только* черезъ ихъ посредство. Замѣчаніе относительно *характера* власти воеводъ городовъ, отдаленныхъ отъ центра, вполнѣ правильно: она распространялась на всѣ отрасли управленія и замѣняла собою власть приказовъ; но замѣчаніе относительно области ея распространенія на «пригороды» неточно,—какъ указалъ уже Градовскій: въ *этомъ* отношеніи власть воеводъ Новгорода, Пскова. Казани и т. д. мало отличалась отъ власти воеводъ крупныхъ центральныхъ городовъ.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разграниченіи понятій чети и областнаго приказа, выдвинутомъ въ нашей новѣйшей литературѣ, такъ какъ уже должны были сдѣлать это, говоря о происхожденіи четей; скажемъ только еще разъ: чети были результатомъ внутренней, финансово-сословной политики Московскаго государства, въ то время, какъ областные приказы были всецѣло результатомъ его внѣшней политики.

Заканчивая нашъ обзоръ возникновенія системы московскихъ приказовъ, сведемъ все сказанное къ немногимъ словамъ. Приказное управленіе въ древнѣйшемъ смыслѣ, существовавшее еще въ XI вѣкѣ, не вызывало сначала къ жизни никакихъ учрежденій. Лишь въ началѣ XVI вѣка появляются первыя *учрежденія*, осно-

ванныя на приказной системѣ, съ центральнымъ значеніемъ для всей государственной территоріи или значительной ея части.

Ихъ появленіе непосредственно вызвано объединеніемъ сѣверо-восточной Руси подъ властью Москвы: значительное расширеніе государственной территоріи привело къ необходимости образованія посредствующей инстанціи между верховной властью и мѣстными ея органами. Къ тому же измѣнилось и самое отношеніе верховной власти къ ея мѣстнымъ органамъ, все настойчивѣе стала сказываться необходимость ограниченія власти и доходовъ намѣстниковъ.

Наряду съ этой основной причиной дѣйствовали и другія, болѣе частнаго характера, повліявшія на возникновеніе той или другой группы приказовъ.

Такъ, измѣненіе международнаго положенія Москвы и вызванная имъ необходимость реорганизаціи военныхъ силъ привело къ созданію Разряда, Посольскаго и Помѣстнаго приказовъ.—Значительное увеличеніе количества дворцовыхъ земель, въ связи съ измѣненіемъ отношеній вел. князя къ «вольнымъ слугамъ», вызвало измѣненіе характера придворныхъ должностей, а въ связи съ нимъ—и появленіе группы дворцовыхъ приказовъ. Ограниченіе судебной власти намѣстниковъ способствуетъ возникновенію приказовъ Разбойнаго и Холопьяго, а окончательное упраздненіе этой власти на значительной части государственной территоріи вызываетъ появленіе четей. Наконецъ, присоединеніе къ Московскому государству новыхъ обширныхъ земель ведетъ къ соединенію ряда территоріальныхъ приказовъ по обѣимъ окраинамъ, восточной и западной. Что касается до послѣдовательности возникновенія отдѣльныхъ группъ приказовъ, то—несмотря на большія колебанія въ предѣлахъ каждой группы—въ общемъ можно утверждать, что группа дворцовыхъ приказовъ старше группы приказовъ по общему управленію. Изъ послѣднихъ старѣйшимъ, несомнѣнно, является Разрядъ, и по своему центральному положенію въ системѣ московскаго приказнаго управленія занимающій безусловно первое мѣсто въ ряду другихъ приказовъ.

Непосредственно вслѣдъ за Разрядомъ, какъ центральнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ высшій классъ населенія службою, появляется Помѣстный приказъ, вѣдающій тотъ же классъ землями, устраивающій его поземельныя отношенія, обезпечивавшія для него самую возможность нести службу.

Одновременно съ процессомъ выдѣленія помѣстнаго вѣдомства, захватывающимъ 40-е и 50-е годы XVI столѣтія, выдѣляются вѣдомства посольское, разбойное и холопье: выдѣленіе двухъ по-

слѣднихъ являются результатомъ политики московскаго правительства въ эпоху между первымъ и вторымъ Судебниками, клонившейся къ ограниченію судебной власти намѣстниковъ. Необходимость выдѣленія Посольскаго вѣдомства прямо вытекаетъ изъ измѣнившагося международнаго положенія Москвы.

Ко времени реформы 1555 г. несомнѣнно существовали уже слѣдующія центральныя учрежденія: Разрядъ, Посольскій, Помѣстный и Разбойный приказы и приказъ Холопьяго Суда.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ реформы 1555 г. возникаютъ въ 60-70 хъ г. г. XVI столѣтія Б. Приходъ, Б. Казна и четти, финансовыя учрежденія, замѣнившія собою отчасти прежнее вѣдомство казначеевъ, отчасти—упраздненное намѣстничье управленіе, причемъ четти играютъ первое время роль центральныхъ кассъ для сбора оброчныхъ денегъ «за намѣстничъ и за волостелинъ доходъ» и только впослѣдствіи (съ 90-хъ г.г. XVI столѣтія) получаютъ значеніе территоріальныхъ приказовъ съ административно—судебными функціями. Въ это же время складывается и вѣдомство Земскаго приказа, замѣнявшаго собой для Москвы и ея уѣзда какъ территоріальную четь (въ ея позднѣйшемъ значеніи), такъ и губныя учрежденія, дѣйствовавшія въ областяхъ. Наконецъ, въ самомъ концѣ XVI в. появляются судные областные приказы, какъ отголосокъ той-же реформы, упразднившей намѣстничье управленіе, которой были обязаны своимъ существованіемъ и четти. Одновременно съ ними, а можетъ быть—и нѣсколько раньше—возникаетъ и Челобитный приказъ, какъ передаточная инстанція между центральными судебными мѣстами подчиненнаго управленія и царемъ съ думою.

Внѣ этой общей послѣдовательности возникновенія Московскихъ приказовъ XVI вѣка стоитъ образованіе областныхъ территоріальныхъ приказовъ, возникавшихъ по мѣрѣ присоединенія къ Москвѣ новыхъ областей, отличавшихся отъ нея болѣе или менѣе рѣзко по своимъ бытовымъ условіямъ.

По своему внутреннему устройству огромное большинство московскихъ приказовъ XVI в. (за исключеніемъ дворцовыхъ) можетъ быть подведено подъ два основныхъ типа: дьячьей канцеляріи—съ функціями административными (Разрядъ), финансовыми или дипломатическими—и боярской коллегіи—съ судебными функціями. Характеръ *постояннаго* учрежденія первые получаютъ—вообще говоря—раньше вторыхъ. Принципъ коллегіальности въ рѣшеніи дѣлъ примѣнялся въ XVI вѣкѣ только въ послѣднихъ, тогда какъ учрежденія, подобныя Разряду, Посольскому приказу или четямъ, управлялись нераздѣльно тѣмъ дьякомъ, которому они были поручены великимъ княземъ.

Наконецъ, что касается до тѣхъ основаній, по которымъ распредѣлялись дѣла между приказами XVI столѣтія, то, повидимому, принципъ разграниченія компетенцій по роду дѣлъ еще рѣшительно господствовалъ въ эту эпоху надъ принципомъ сословнымъ, выступившимъ на первый планъ въ XVII стол., но зато неоднократно вступалъ въ различныя комбинаціи съ принципомъ территоріальнымъ (областные дворцы, четн, судные приказы и земскіе дворы).
